В. П. КОЛЕСНИКОВЪ

ЗАПИСКИ НЕСЧАСТНАГО

БИБЛІОТЕКА МЕМУАРОВЪ «ОГНИ»

37.46.5.62/3
33-3
590 2 2003

DK770
.K6

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK770
.K6

00005237754

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold, it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RETURNED	DATE DUE	RETURNED
JAN 23 2007			
JUL 31 2006			

Form No 513, Rev. 1/84

54

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

В. П. КОЛЕСНИКОВЪ.

ЗАПИСКИ
НЕСЧАСТНАГО
СОДЕРЖАЩІЯ
путешествіе въ Сибирь по канату.

БИБЛІОТЕКА МЕМУАРОВЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ОГНИ“.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ.

Записки Н. В. Басаргина.
Записки бр. Бестужевыхъ.
Записки Г. С. Винскаго.
Записки несчастнаго (В. П. Колесникова).
Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго.
Записки Я. И. де-Санглена.

Редакція П. Е. Щеголева.

Пров. 50

В. П. КОЛЕСНИКОВЪ.

ЗАПИСКИ НЕСЧАСТНАГО СОДЕРЖАЩІЯ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СИБИРЬ ПО КАНАТУ.

DK770
.K6

Редакція и вступительная статья

П. Е. Щеголева.

16985
1
Вст. сект

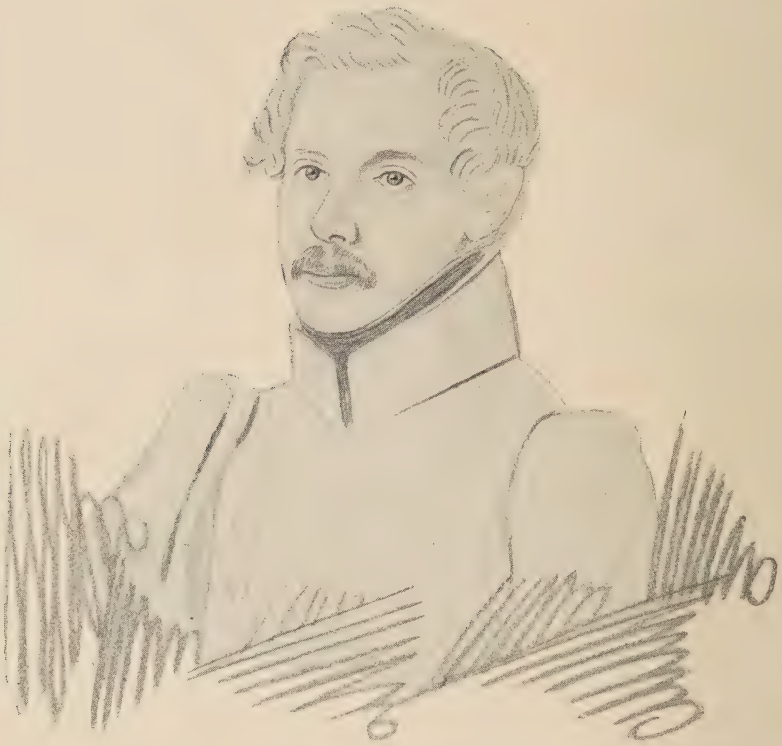
ZAPISKI NESCHASTNAGO SODERZHASHCHIYA
PUTESHESTVIE V SIBIR' PO KANATU

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГНИ“.
С.-Петербургъ.
1914

СОДЕРЖАНІЕ.

Вступительная статья П. Е. Щеголева V
Посвященіе 2
Вмѣсто вступленія. В. И. Штейнгеля. 3
Глава I. Чтеніе сентенціи. — Экзекуція. — Проводы. 15
Глава II. Послѣднее прощаніе 40
Глава III. Переходъ до Уфы.—Встрѣчи 49
Глава IV. Пребываніе въ Уфѣ 62
Глава V. Переходъ до Тобольска 80
Глава VI. Этапы. — Полу-этапы.—Устройство партіи.—Злоупотребленія 92
Заключеніе 99
Всеподданнѣйшій докладъ Аудиторіатскаго департамента 105
Всеподданнѣйшее донесеніе Ипполита Завалишина . 146
Указатель личныхъ именъ 156

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.



Василій Павловичъ КОЛЕСНИКОВЪ.

(Изъ собранія Л. Ф. Пантелѣева).

«Записки несчастнаго, содержащія путешествіе въ Сибирь по канату»—весьма своеобразный и любопытный документъ новѣйшей русской исторіи.

Записки эти положены на бумагу декабристомъ барономъ В. И. Штейнгелемъ въ Сибири, въ Петровскомъ Заводѣ, со словъ и по памятной запискѣ Василія Павловича Колесникова. В. П. Колесниковъ портупей-прапорщикъ Оренбургскаго гарнизона, 24-лѣтній юноша, въ 1827 году былъ преданъ суду вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми, своими сослуживцами, за принадлежность къ тайному обществу и, по конфирмаціи имп. Николая, осужденъ на 12-лѣтнюю каторгу, которую ему пришлось отбывать вмѣстѣ съ декабристами. Баронъ Штейнгель предпослалъ запискамъ небольшое, но цѣнное введеніе. Въ немъ онъ разсказалъ о дѣлѣ, которое привело Колесникова и его друзей на каторгу. Баронъ Штейнгель воспользовался, конечно, сообщеніями В. П. Колесникова, но отъ себя далъ историческій комментарій и вдвинулъ злосчастный оренбургскій эпизодъ въ рамки исторіи общественнаго движенія Россіи. Разсказъ о дальнѣйшей судьбѣ осужденныхъ по оренбургскому дѣлу—съ момента объявленія приговора по день прибытія въ Петровскій Заводъ (съ 12 сен-

тября 1827 года по 9 сентября 1828 года) записанъ Штейнгелемъ исключительно со словъ В. П. Колесникова; надо думать, впрочемъ, что въ этомъ разсказѣ Колесникову принадлежитъ фактическое содержаніе, а Штейнгелю—литературная форма.

Значеніе записокъ Колесникова—Штейнгеля разносторонне. И первое, что бросается въ глаза,—ихъ исключительная цѣнность для исторіи русскаго быта. Бытъ русскій захваченъ здѣсь съ такой стороны, о какой у насъ нѣтъ другихъ показаній и свѣдѣній: такъ сказать, уголовно-бытовой. Съ яркостью и рельефностью Колесниковъ рисуетъ тѣ мытарства, черезъ которыя прошелъ онъ съ товарищами, черезъ которыя проходили въ то время всѣ осужденные въ ссылку и на каторгу въ обычномъ уголовномъ порядкѣ. Сцены приведенія въ исполненіе приговора, заковыванія въ кандалы, надѣванія наручниковъ, прикрѣпленія, совмѣстнаго для цѣлой группы, къ общему желѣзному пруту, къ цѣпи и канату запечатлѣваются навсегда въ памяти читателя. Путешествіе по этапу въ Сибирь изложено съ подробнѣйшими деталями и также не забудется читателемъ. Въ разсказѣ Колесникова, записанномъ Штейнгелемъ, находимъ не только объективное изображеніе событій и фактовъ, но и попытку дать психологическій анализъ переживаній интеллигентнаго по тому времени человѣка, подвергшагося всѣмъ этимъ злоключеніямъ. Конечно, этотъ анализъ, какъ и самое изложеніе, носитъ на себѣ всѣ особенности повѣствовательной манеры, господствовавшей въ литературѣ до Пушкина и Гоголя. Отсюда—историко-литературное значеніе «Записокъ несчастнаго».

Оренбургскій процессъ 1827 года о тайномъ обществѣ, о которомъ разсказалъ со словъ В. П. Колесникова Штейнгель,—любопытный эпизодъ изъ исторіи нашего общественнаго движенія. Въ началѣ 1827 года въ Оренбургѣ существовалъ небольшой кружокъ изъ молодежи, ревновавшей объ общественномъ благѣ и мечтавшей о свободѣ. Руководителемъ кружка былъ аудиторъ Кизильскаго гарнизоннаго баталіона Петръ Кудряшовъ. Свободолюбивыя мысли и настроенія Кудряшовъ почерпнулъ въ кружкѣ или обществѣ бывшаго директора оренбургской таможни Величко. Общество Величко Штейнгель называетъ отдѣленіемъ новиковскаго общества, основаннаго «отчасти по правиламъ масонства». Такова почтенная генеалогія оренбургскаго кружка 1827 года. Къ сожалѣнію, эта весьма любопытная исторія культурной преемственности совершенно не обслѣдована въ наукѣ.

Послѣ событій 1825 года и послѣ совершенной надъ декабристами экзекуціи оренбургскій кружокъ естественно находился въ возбужденномъ состояніи, но и тутъ онъ не выработалъ какихъ-либо опредѣленныхъ плановъ дѣятельности, не пришелъ къ опредѣленной программѣ воплощенія въ жизнь своихъ утопій. Несомнѣнно, при тогдашнихъ условіяхъ нашей общественности (къ тому же, на окраинѣ, въ Оренбургѣ) кружку суждено было бы долговременное пребываніе въ сферѣ мечтательной бездѣйственности, но на бѣду оренбургскихъ конспираторовъ въ ихъ средѣ появился разжалованный изъ артиллерійскихъ юнкеровъ въ рядовые Ипполитъ Завалишинъ. Его появленіе дало жизни кружка неожиданный и

трагическій поворотъ. Съ него начинается исторія русской политической провокаціи въ Россіи; ему по праву принадлежитъ титулъ перваго политическаго провокатора, и оренбургскій политическій процессъ можно считать первымъ провокаціоннымъ процессомъ. На личности Ипполита Завалишина стоитъ остановиться нѣсколько дольше. [1])

Прежде чѣмъ стать провокаторомъ, Ипполитъ Завалишинъ уже былъ предателемъ и доносчикомъ. Къ процессу декабристовъ былъ привлеченъ лейтенантъ Дмитрій Завалишинъ. Въ іюнѣ 1826 года слѣдствіе было закончено, и дѣло перешло въ Верховный Уголовный Судъ. Вины подсудимыхъ были обозначены и распредѣлены, а сами они, отдыхая отъ допросовъ, ждали приговора. И вотъ 22 іюня 1826 года на Елагиномъ острову юнкеръ артиллерійскаго училища подалъ лично государю Николаю Павловичу «всеподданнѣйшее донесеніе». Доносъ начинался слѣдующимъ словоизвитіемъ: «Движимый усердіемъ къ особѣ и престолу вашего императорскаго величества и нынѣ имѣя случай открыть уже тайну, долго тлѣвшуюся подъ скопищемъ различныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, спѣшу очистить сердце, горящее любовію къ отечеству и царю справедливому отъ ига, его доселѣ угнетавшаго». Доносилъ же Ипполитъ Завалишинъ на брата своего Димитрія и обвинялъ онъ его... ни много, ни мало... въ государственной измѣнѣ, въ шпіонажѣ, въ предательствѣ на сторону иностранныхъ державъ. Попутно онъ обвинялъ въ неблагонадежности еще четырехъ друзей брата и род-

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи пользуемся архивными дѣлами о Завалишинѣ Государственнаго Архива и III отдѣленія.

ственниковъ и просилъ его величество «позволить ему, Ипполиту Завалишину, съѣздить на время въ Казань и въ Симбирскъ, дабы, по связямъ родства, между ними существующими, узнать ихъ намѣренія и тѣмъ доказать его величеству преданность и усердіе».

Юнкеръ Завалишинъ былъ тотчасъ отосланъ съ Елагина острова къ артиллеріи генералъ-маіору Козену для содержанія подъ наисекретнѣйшимъ карауломъ, а по доносу началось новое и довольно обширное разслѣдованіе подъ руководствомъ генерала В. В. Левашова. 25 іюня Завалишинъ подалъ новый доносъ со «спискомъ особъ, находящихся въ подозрѣніи, означенныхъ въ (первомъ) донесеніи Государю и неозначенныхъ». Здѣсь онъ оговаривалъ, съ изложеніемъ мотивовъ оговора, ротмистра Львова 1, маіора Львова 2, отст. полк. Мусина-Пушкина, отст. полк. Мельгунова, поручика Есипова 1, шт.-кап. Шереметева, профессора Казанскаго университета Симонова, испанскаго подданнаго Антона Моласа, состоящаго при испанскомъ полномочномъ министрѣ Дона-Мануэля и еще одного испанскаго подданнаго. Генералъ Левашовъ потребовалъ у лейтенанта Завалишина отвѣтовъ противъ донесеній брата, не сообщивъ, впрочемъ, вначалѣ о томъ, что сообщенія сдѣланы братомъ. Дмитрій Завалишинъ далъ обширнѣйшія разъясненія, которыя нашли себѣ почти полное подтвержденіе со стороны—въ показаніяхъ всѣхъ допрошенныхъ по новому слѣдствію лицъ. Наконецъ, братьямъ была дана очная ставка. По свидѣтельству офиціальнаго протокола, «юнкеръ Завалишинъ отказался на оной отъ нѣкоторыхъ

показаній своихъ; сознался, что иныя изъ нихъ сдѣлалъ гадательно, другія по наслышкамъ, — прочія же подтвердилъ, присовокупивъ, что самъ онъ видѣлъ у брата своего мѣшки съ англійскими гинеями и нѣмецкими талерами, на сумму, какъ полагаетъ, 10 т.; на вопросъ же: какой штемпель на гинеяхъ—отозвался незнаніемъ.—Дмитрій Завалишинъ остался при всѣхъ своихъ отвѣтахъ, подтвержденныхъ обстоятельствами мѣста и времени; доказалъ, что большую часть разговоровъ приписываетъ братъ ему либо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ въ то время вовсе не былъ, либо съ тѣми лицами, коихъ онъ отъ роду не видывалъ. О деньгахъ же упоминаемыхъ объяснилъ, что въ числѣ ихъ не было вовсе гиней, а находилось около 150 червонцевъ, 50 или 60 испанскихъ піастровъ и нѣсколько голландскихъ ефимковъ, коими всѣ на фрегатѣ получали жалованье, въ томъ числѣ и онъ до 7 т., изъ которыхъ и осталась у него означенная имъ сумма».

Извѣтъ Ипполита Завалишина оказался въ глазахъ генерала Левашова несостоятельнымъ, и, возвратившись послѣ очной ставки, происходившей въ Петропавловской крѣпости, на Пороховые заводы, гдѣ онъ содержался подъ присмотромъ начальника завода генералъ-маіора Кандыбы, юнкеръ Завалишинъ разыгралъ новый фарсъ. Онъ написалъ еще одно всеподданнѣйшее письмо. Содержаніе его изложимъ собственными словами Завалишина: «Видя высокія чувства преданности и любви къ отечеству отверженными, жертву, доселѣ неслыханную (это—доносъ на брата!), ни во что поставленною, я, въ жару негодованія и различныхъ чувствъ, сильно меня коле-

блющихъ, требовалъ отъ государя императора добровольной ссылки и раздѣленія бремени страданій съ братомъ моимъ». Результатомъ происковъ Завалишина было заключеніе его 22 августа 1826 года въ Петропавловскую крѣпость, разжалованіе въ рядовые и высылка 22 сентября того же года въ распоряженіе командира Оренбургскаго артиллерійскаго гарнизона.

Для характеристики Ипполита Завалишина имѣютъ значеніе свѣдѣнія, сообщенныя о немъ генералу В. В. Левашову генераломъ Козеномъ. «Артиллерійскаго училища юнкеръ Ипполитъ Завалишинъ нравственности дурной; имѣетъ горячую голову, склонную ко всему дурному; онъ вѣтренъ, самонадѣянъ, вольнодумецъ, льстецъ, думаетъ всякаго разговорами своими обмануть. Во время нахожденія его подъ арестомъ, замѣчено въ разговорахъ его, что когда онъ подавалъ государю императору бумагу, то онъ, говоря о томъ, сказалъ, *если бы государь императоръ, читавъ мои бумаги, могъ читать, что у меня въ сердцѣ, то онъ послалъ бы меня къ чорту*. Онъ читалъ болѣе, нежели по лѣтамъ его ожидать можно, имѣя память хорошую, онъ много стиховъ знаетъ наизустъ, образовался въ нравственности и правилахъ въ школѣ Рылѣева, извѣстнаго преступника, коего считаетъ выше всего въ мірѣ, за образованіе его способностей. Онъ показывалъ радость, что братъ его отсылается въ каторжную работу, и онъ чрезъ то наслѣдуетъ часть его имѣнія. Онъ поведенія дурного, ибо будучи уже подъ арестомъ я его довелъ до того, что онъ мнѣ признался, что ему до вступленія въ училище всѣ трактиры и кабаки въ Петербургѣ были извѣстны. Онъ считаетъ, что онъ донесеніемъ сво-

имъ государю императору сдѣлалъ какъ государю, такъ и отечеству большую услугу, за то и ожидаетъ быть флигель-адъютантомъ!»

Въ послѣднихъ словахъ и кроется объясненіе «неслыханнаго» поступка Ипполита Завалишина. Непомѣрное честолюбіе, жажда выдѣлиться, выдвинуться, хлестаковская манія величія и совершенная неразборчивость въ средствахъ—результатъ испорченности и абсолютной безпринципности—вотъ чѣмъ диктовалось поведеніе Завалишина. Излишняя же рѣзвость въ поведеніи объясняется въ извѣстной мѣрѣ возрастомъ: ему было всего 17 лѣтъ.

Но первая попытка основать карьеру на гибели родного брата оборвалась, и вмѣсто пожалованія флигель-адъютантскимъ чиномъ онъ былъ наказанъ разжалованіемъ въ рядовые или по тогдашнему названію въ гантлангеры. Но Завалишинъ не утихомирился. Почти тотчасъ же по прибытіи въ Оренбургъ онъ приводитъ въ исполненіе замыселъ, который въ мечтахъ сулилъ ему избавленіе отъ наказанія и повышеніе по службѣ. На пути къ осуществленію замысла приходилось приносить въ жертву счастье и жизни другихъ, но Завалишина это обстоятельство не смущало.

Онъ обратилъ вниманіе на молодыхъ людей, членовъ Оренбургскаго кружка, и рѣшилъ на ихъ гибели основать собственное благополучіе. Онъ предположилъ основать изъ нихъ тайное общество, дать ему самый радикальный уставъ, связать неистовыми подписками членовъ общества, обязать ихъ къ рѣшительнымъ антиправительственнымъ дѣйствіямъ—къ возмущенію, бунту противъ монархической власти—

и... послѣ выполненія всѣхъ сихъ дѣйствій, донести и выдать пошедшихъ на его удочку молодыхъ людей. За выдачу столь опаснаго общества Завалишинъ ждалъ себѣ награды отъ высшаго начальства. Этотъ замыселъ онъ и привелъ въ исполненіе весной 1827 года. Войти въ довѣренность оренбургской вольнолюбивой молодежи было не трудно: онъ выдалъ себя за жертву декабрьскихъ событій, сказалъ, что тайныя общества далеко еще не уничтожены, и самъ онъ является агентомъ Владимирскаго тайнаго общества. По разсказу Колесникова, онъ и его друзья пошли на приглашеніе Завалишина, исключительно въ силу стремленія провѣрить его сообщенія. Какъ бы тамъ ни было, но Завалишинъ согласилъ ихъ на составленіе заговора, самъ сдѣлалъ печать тайнаго общества, написалъ уставъ и инструкцію. Въ началѣ устава задачи общества были опредѣлены такъ ясно, какъ онѣ не опредѣлялись даже въ уставахъ декабристскихъ: «Именемъ Всемогущаго Бога! Оренбургское тайное общество составлено съ цѣлью политическою. Цѣль его есть измѣненіе монархическаго правленія въ Россіи и примѣненіе лучшаго рода правленія къ выгодамъ и свойствамъ народа для составленія истиннаго его благополучія». Въ инструкціи была дана тоже совершенно опредѣленная программа дѣйствій: «Именемъ Всемогущаго Бога! 1826 года, сентября 15 дня временный предсѣдатель Оренбургскаго тайнаго общества, совокупно съ членами онаго согласились и постановили, что Оренбургское тайное общество составлено для произведенія политическаго переворота въ краю семъ, а для совершенія сего предпріятія

предполагаются слѣдующія средства: 1-е, чрезъ членовъ Оренбургскаго тайнаго общества внушать рядовымъ тамошняго гарнизоннаго полка, казакамъ войска Оренбургскаго, равно и простому народу тѣ мысли о свободѣ и равенствѣ, которыя неизбѣжно влекутъ за собою волненіе умовъ и приготовленіе ихъ къ перемѣнѣ правленія; 2-е, выдавать изъ кассы общества деньги тѣмъ нижнимъ чинамъ, для привязанія ихъ къ пользѣ онаго, которые почтутся имѣющими больше вліянія на своихъ сотоварищей; 3-е, стараться ласковымъ и кроткимъ обращеніемъ съ низшими снискать ихъ привязанность, для употребленія ея со временемъ въ свою пользу; 4-е, внушать имъ чувства ненависти къ правленію и царствующему поколѣнію, говорить о томъ и другомъ съ презрѣніемъ и давать изрѣдка чувствовать, что перемѣна и улучшеніе ихъ состоянія уже не далеки; въ случаѣ жъ произведенія политическаго переворота принять слѣдующія мѣры: лишить свободы военнаго губернатора и чиновниковъ ему преданныхъ, равно и тѣхъ людей, которые могутъ имѣть вліяніе, противное для пользы общества, на народъ или войска. Поднять знамя бунта въ городѣ.—Объявить въ изданной прокламаціи: 1-е, Россію свободною; 2-е, уменьшеніе годовъ службы нижнимъ чинамъ и удвоеніе ихъ жалованья; 3-е, освобожденіе крестьянъ помѣщичьихъ; 4-е, прощеніе налоговъ и недоимокъ государственныхъ, и 5-е, избавленіе нижнихъ чиновъ отъ тѣлеснаго наказанія.—Затѣмъ тронуться съ войсками, уже набранными, къ Казанской губерніи и поднимать всѣ лежащія на пути селенія. Избрать изъ среды себя достойнаго и храбраго предводителя

войскамъ. При началѣ жъ возмущенія отправить на Оренбургскую пограничную линію достойныхъ повѣренныхъ, равно и въ Уральское казачье войско для присоединенія ихъ къ обществу».

Завалишину удалось добыть отъ Колесникова и его товарищей, прапорщика Дмитрія Таптикова, унтеръ-офицера Андрея Шестакова, отъ прапорщиковъ Ивана Старкова и Хрисанфа Дружинина и отъ Василія Вѣтошникова подписки. Въ нихъ они заявляютъ, что «принимая именемъ Всемогущаго Бога званіе члена Оренбургскаго тайнаго общества, поклялись не открывать никому существованіе онаго, повиноваться власти, свыше надъ ними поставленной, быть готовыми на все, обществомъ и властью имъ повелѣваемое, хотя бы то клонилось къ разрушенію собственнаго ихъ счастія; если же не исполнятъ хотя одного изъ условій, имъ предлагаемыхъ, то да лишатся спокойствія, счастья всѣхъ милыхъ сердцу, и да разразится громъ надъ головою клятвопреступника».

Закончивъ труды по организаціи тайнаго общества, Завалишинъ ликвидировалъ свою провокаторскую затѣю и довелъ до свѣдѣнія своего ближайшаго начальника, что «имѣетъ онъ объявить командиру Оренбургскаго корпуса важный государственный секретъ». Послѣ личнаго объясненія онъ подалъ ему, одинъ за другимъ, три доноса. Въ первомъ доносѣ отъ 15 апрѣля 1827 года Завалишинъ писалъ, что, сообразно съ волею его императорскаго величества о дальнѣйшемъ разысканіи тайныхъ обществъ, онъ, будучи на гауптвахтѣ, открылъ по разговорамъ офицеровъ умыслы, клонящіеся къ разрушенію порядка

и общественнаго счастья, и, желая по мѣрѣ силъ быть полезнымъ отечеству и царствующему дому, скрывалъ онъ приверженность свою къ престолу, старался подъ личиною ненависти и честолюбія вывѣдать ихъ намѣренія. Многихъ изъ нихъ увѣрялъ, что принадлежитъ онъ къ сильному тайному обществу, коего будто бы находился онъ агентомъ, и, вкрадываясь мало по малу въ ихъ довѣренность, узналъ, что недовольные намѣреваютъ составить общество или присоединиться къ оному, и хотя многіе по должностямъ, ими занимаемымъ, кажутся неопасными, но обстоятельства, примѣненныя къ духу времени, могутъ сдѣлать ихъ въ Оренбургѣ гораздо опаснѣе людей, составлявшихъ сперва тайныя общества. Во второмъ доносѣ отъ 19 апрѣля Завалишинъ сообщалъ, что по мѣрѣ довѣренности, оказываемой ему, Завалишину, нѣкоторыми изъ тѣхъ, коихъ полагалъ членами тайнаго общества, успѣлъ онъ открыть, что между ими составляется Оренбургское тайное общество, и они, желая сойтись съ нимъ, съ Завалишинымъ, предложили ему дать имъ подписку, или родъ клятвы для вступленія въ ихъ общество, что онъ, Завалишинъ, и исполнилъ по нѣкоторому умышленному сопротивленію.

Наконецъ, въ 3-мъ доносѣ отъ 23 апрѣля Завалишинъ называлъ поименно членовъ тайнаго общества и приложилъ копіи съ устава и инструкціи и подлинныя подписки названныхъ выше лицъ.

По доносамъ Завалишина было произведено слѣдствіе подъ руководствомъ командира Оренбургскаго корпуса генерала Эссена, а уже 4-го мая открылись засѣданія военнаго суда по этому дѣлу, закончив-

шіяся 14-го мая. Судъ обнаружилъ лживость доносовъ Завалишина; по сентенціи военно-судной комиссіи, онъ «есть единственный виновникъ завлеченія въ тайное общество людей слабоумныхъ и неопытныхъ; когда онъ увидѣлъ, что сіе не можетъ остаться въ тайнѣ, ибо за нимъ самимъ надзоръ усилился, то и придумалъ дать начатому имъ злоумышленію такой оборотъ, будто бы случайно проникъ онъ въ шайку и открылъ оную,—тогда какъ совершенно извѣстно, что до сего времени и тѣнь понятія туда о подобныхъ злоумышленіяхъ не досягала, и никто изъ жителей ни малѣйшихъ опасеній не имѣлъ, чтобы оное могло найти тамъ мѣсто, ибо въ Оренбургскомъ краю благонамѣренность людей и безпредѣльная преданность къ высочайшему престолу непоколебима».

Судъ не пощадилъ ни завлеченныхъ, людей слабоумныхъ и неопытныхъ, ни виновника завлеченія. Колесникова, Таптикова, Дружинина и Старкова, а вмѣстѣ съ ними Завалишина судъ приговорилъ къ четвертованію; Вѣтошникова и Шестакова къ повѣшенію. Генералъ Эссенъ полагалъ: Завалишина сослать на вѣчную каторжную работу, Колесникова—на 12 лѣтъ и Дружинина на 6 лѣтъ; Таптикова, Вѣтошникова, Старкова и Шестакова разжаловать въ рядовые—первыхъ двухъ безъ выслуги, третьяго съ выслугой на Кавказъ; Шестакова—на три года.

Главный аудиторіатскій департаментъ, разсмотрѣвъ дѣло, постановилъ сослать въ каторжныя работы Завалишина вѣчно, Колесникова на 12 лѣтъ, Таптикова на 8, Дружинина на 6 лѣтъ, разжаловать въ рядовые Старкова, Вѣтошникова и Шестакова. Импе-

раторъ Николай Павловичъ утвердилъ приговоръ аудиторіата относительно Завалишина, а остальнымъ приговореннымъ къ каторгѣ уменьшилъ сроки на половину.

Такъ кончилась провокаціонная затѣя, измышленная Ипполитомъ Завалишинымъ.

В. И. Штейнгель, записавшій разсказы В. П. Колесникова, подарилъ рукопись своему соузнику Михаилу Александровичу Бестужеву въ день его ангела, 8 ноября 1835 года. Отъ М. А Бестужева рукопись Штейнгеля перешла къ М. И. Семевскому. Отрывокъ изъ нея подъ заголовкомъ «Этапы и полуэтапы» былъ напечатанъ еще при жизни Штейнгеля въ газетѣ «Вѣкъ» (1861, № 12). Полностью (впрочемъ, съ сокращеніями, сдѣланными по цензурнымъ соображеніямъ) рукопись была напечатана М. И. Семевскимъ въ журналахъ «Заря» (1869, книги IV и V) и «Русская Старина» (т. XXXII, 1881, и т. XXXIII, 1882). Гдѣ находится подлинная рукопись Штейнгеля въ настоящее время, неизвѣстно. Мы воспроизводимъ «Записки» по тексту «Русской Старины».

Въ приложеніяхъ къ «Запискамъ» мы даемъ: 1) еще не бывшій въ печати всеподданнѣйшій докладъ аудиторіатскаго департамента, дающій любопытныя и неизвѣстныя до сихъ поръ свѣдѣнія объ Оренбургскомъ дѣлѣ въ дополненіе къ краткому о немъ разсказу Штейнгеля въ введеніи къ «Запискамъ», и 2) всеподданнѣйшій доносъ Ипполита Завалишина, поданный уже послѣ осужденія по Оренбургскому дѣлу. Доносъ этотъ можетъ послужить образцомъ

пера Завалишина. Найдется въ немъ и нѣсколько дополненій къ исторіи Оренбургскаго процесса.

Благодаря любезной отзывчивости Л. Ф. Пантелѣева мы имѣемъ возможность приложить снимки съ невоспроизводившихся донынѣ и извѣстныхъ только въ одномъ экземплярѣ, принадлежащемъ Л. Ф. Пантелѣеву, портретовъ В. П. Колесникова и Д. Н. Таптикова. Портретъ В. И. Штейнгеля воспроизведенъ съ рѣдкой литографіи Эстеррейха.

ЗАПИСКИ НЕСЧАСТНАГО,

СОДЕРЖАЩІЯ ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ СИБИРЬ ПО КАНАТУ.

Любезный другъ, восемь лѣтъ проведя въ одной тюрьмѣ, мы могли узнать другъ друга: я узналъ тебя, полюбилъ, люблю всею душою, и не разлюблю уже конечно, пока судьба оставитъ меня еще на этой грязной кучкѣ, на которой такъ мало добра и такъ много зла. Она скоро разлучитъ насъ, и, вѣроятно, въ послѣдній разъ въ моей жизни день ангела твоего мы проведемъ вмѣстѣ. Хотѣлось бы мнѣ подарить тебѣ въ этотъ день что-нибудь на память; но мы съ тобой едва имѣемъ на что подъ голодный часъ купить омуля, и то капиталъ отрицательной. Пусть же хотя эта бѣдная рукопись напомнитъ тебѣ въ грустной часъ бѣднаго, сѣдого друга—бѣднаго карманомъ, но богатаго чувствами, которой тебя не забудетъ доколѣ мозгъ не лишится способности возобновлять принятыя впечатлѣнія.

Штейнгейль.

Любезному другу, товарищу несчастія, Михаилу Александровичу Бестужеву.

8 ноября 1835. Петровской казематъ.

Вмѣсто вступленія.

. . . . . .

. . . . . .

Въ послѣднее время царствованія Екатерины II, она встревожилась казнію французскаго короля; тотчасъ московской главнокомандующій, князь Прозоровской, воспользовался этимъ, чтобы обратить на себя особенное вниманіе и подслужиться [1]). Чрезъ московскаго почтъ-директора Пестеля, онъ имѣлъ копіи съ переписки нѣкоторыхъ масоновъ, принадлежавшихъ къ такъ-называемому Новиковскому обществу. Составивъ записку, онъ поѣхалъ въ Петербургъ, и до того умѣлъ напугать императрицу тайнымъ мартинизмомъ и мнимыми замыслами этого общества— возвести на престолъ наслѣдника, что и Великая сдѣлалась слабодушною: она дала ему полную власть, арестовавъ Новикова и всѣхъ его сообщниковъ, учинить строгой розыскъ. Такимъ образомъ, это общество, существовавшее болѣе двадцати лѣтъ и дѣйствовавшее открыто, въ ея собственныхъ видахъ, къ

---

[1]) Изъ записокъ Храповицкаго, бывшаго докладчикомъ при императрицѣ, мы знаемъ, что Екатерина не терпѣла лично Прозоровскаго, ни его подъяческой поговорки «сирѣчь»; о немъ и о Суворовѣ она говорила: «Они хороши на своемъ мѣстѣ».

В. Ш.

просвѣщенію Россіи, было варварски [1]) уничтожено, какъ зловредное. Хотя, при всей нечаянности, ничего не найдено, почему бы можно было предать гонимыхъ суду по законамъ, но тѣмъ не менѣе, Прозоровской, чтобы не остаться въ дуракахъ предъ императрицею, умѣлъ дать этому дѣлу такой видъ, что незабвенный россіянинъ Новиковъ, съ докторомъ своимъ Багрянскимъ, вовсе не принадлежавшимъ къ его обществу, посажены были въ Петропавловскую крѣпость и томились въ ней съ нѣсколькими другими невинными [2]) до самой смерти императрицы. Одинъ изъ членовъ этого общества, сосланный тогда въ свои деревни, бывшій потомъ сенаторомъ, извѣстный И. В. Лопухинъ оставилъ потомству вѣрную картину всего этого происшествія, въ своихъ запискахъ.

Императоръ Павелъ I вступилъ на престолъ съ подозрительностію и предубежденіемъ, которыя питалъ болѣе двадцати лѣтъ—и, не сотни, тысячи лю-

---

[1]) Для разсмотрѣнія бумагъ и книгъ, взятыхъ у членовъ этого общества, составленная комиссія произвела ауто-да-фе, достойное испанской инквизиціи. Замѣчательно невѣжество этихъ господъ: когда кидавшій книги въ огонь чиновникъ, удержавъ одну, доложилъ, что она духовнаго содержанія; то одинъ изъ членовъ, именно архимандритъ, вскричалъ: «кидай и ее туда-же; вмѣстѣ была, такъ и она дьявольщины наблошнилась»! Этотъ анекдотъ разсказанъ намъ очевидцемъ, всякаго вѣроятія достойнымъ, покойнымъ профессоромъ моск. ун. Н. А. Геймомъ. *В. Ш.*

[2]) Бывшій издатель журнала «Другъ юношества»—М. Н. Невзоровъ былъ посланъ отъ Новиковскаго общества путешествовать, и во время казни короля находился еще въ Парижѣ. При возвращеніи въ отечество, на самой границѣ, онъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Петропавловскую же крѣпость. Послѣ многихъ тщетныхъ допросовъ о злонамѣренныхъ замыслахъ Новиковскаго общества, гнусной памяти Шишковской показалъ ему записку, будто-бы самой императрицы, въ которой было сказано: «Бить его полѣномъ, если не признается».—Невзоровъ отвѣчалъ: «руки императрицы не знаю; но можетъ-ли быть, чтобы та же рука, которая начертала божественный Наказъ, способна была написать слова, приличныя простой бабѣ: вы клевещете на государыню». Шишковской покраснѣлъ, и отступилъ отъ Невзорова; но онъ остался въ крѣпости до кончины Екатерины.

В. Ш.

дей пострадали по тайнымъ донесеніямъ мѣстныхъ начальствъ и полиціи!—Когда онъ приказалъ докласть мраморную Исаакіевскую церковь кирпичемъ, на это написана была на стѣнахъ ея извѣстная эпиграмма. Велѣно было полиціи непремѣнно отыскать виновнаго, и она нашла флота капитанъ-лейтенанта Акимова, который имѣлъ неосторожность говорить о ней, но отнюдь не былъ ея сочинителемъ. Въ тайной канцеляріи ему отрѣзали языкъ, выломали правую руку и сослали подъ чужимъ именемъ въ отдаленный уголъ Сибири. Поэтъ (послѣ бывшій министръ) Дмитріевъ взятъ былъ въ крѣпость, и чуть не подвергся той же участи за пасквиль, написанную подъ его руку его слугою. Одинъ лютеранскій пасторъ, по представленію мѣстнаго начальства, за возмутительную проповѣдь, высѣченъ былъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь; невинность вскорѣ открылась, онъ возвращенъ, и доживалъ свой вѣкъ въ Гатчинѣ, въ томъ же санѣ, подъ покровительствомъ Маріи Ѳедоровны, желавшей исправить несправедливость своего супруга. Грузиновы, за нѣсколько словъ, произнесенныхъ въ хмѣлю на пріятельской казачей пирушкѣ, потеряли головы на эшафотѣ—по ошибкѣ [1]).

Въ царствованіе Александра I, Селифонтову, для личныхъ видовъ, удалось возбудить негодованіе его (т. е. государя) противъ мнимаго духа ябеды въ Сибири; тотчасъ дана генералъ-губернатору неограниченная власть преслѣдовать этотъ духъ. Всѣмъ извѣстно, что претерпѣла Сибирь, пока насилу, чрезъ

---

[1]) Павелъ I, получивъ донесеніе о казни, совершенной по его конфирмаціи, послалъ повелѣніе бывшему въ Ревелѣ военнымъ губернаторомъ (послѣ, при Александрѣ, сосланному въ Сибирь) князю Горчакову, ѣхать немедленно на Донъ и произвесть слѣдствіе. Князь Горчаковъ рѣшился заѣхать въ Гатчину для принятія изустныхъ наставленій императора. Когда онъ взошелъ въ кабинетъ, государь, находившійся по лѣвую сторону дверей, тотчасъ схватилъ его за руку, и, указывая на образъ, въ сильномъ душевномъ волненіи, сказалъ: «Вотъ тебѣ мать Божія свидѣтельница, я не виноватъ! — я не виноватъ: защити меня»! *В. Ш.*

15 лѣтъ, услышали ея вопли! Въ 1807 году государь прогнѣвался на провіантскій и комиссаріатскій штаты, и генералъ-майоръ Куткинъ, самымъ насильственнымъ образомъ, уморенъ подъ стражею, а онъ былъ едва-ли не честнѣйшій человѣкъ изо всего провіантскаго штата. Уральскіе казаки показали свое неудовольствіе на измѣненіе своихъ правъ и одежды; тотчасъ выставили это въ видѣ ужаснаго бунта, пересѣкли сотни кнутомъ, и разорили несчастный Черкаскъ. Наконецъ, кто не содрогался при слухахъ о томъ, что происходило въ военныхъ поселеніяхъ въ Чугуевѣ!— какъ-бы для утонченія жестокости, гоняли вдругъ сквозь строй; матери, при видѣ варварства и насилій, убивали дѣтей своихъ... Сердце стѣсняется отъ одного воображенія!

....Вскорѣ послѣ казни, совершившейся въ 1826 году, открытъ «ужасный злодѣйскій замыселъ» въ Оренбургѣ, умножившій число государственныхъ преступниковъ еще нѣсколькими жертвами. Истинное описаніе этого происшествія лучше всего объяснитъ какого рода былъ этотъ замыселъ, что за злодѣи участвовали въ немъ, и какъ пострадали они.

Новиковское общество основано было отчасти по правиламъ масонства. Братство, равенство, искренность, взаимное вспомоществованіе другъ другу, благотвореніе, распространеніе чтенія полезныхъ книгъ, и вообще свободомысліе того времени составляли цѣль его. Оно имѣло многія отрасли въ Россіи. Одно отдѣленіе его существовало даже въ самой отдаленной Сибири, именно въ Иркутскѣ. Командиръ тогдашняго Екатеринбургскаго линейнаго баталіона, Казачковскій, послѣ бывшій генералъ-лейтенантомъ, былъ основателемъ этого Сибирскаго отдѣленія. Мудрено-ли, что подобное отдѣленіе образовалось и въ Оренбургѣ, на грани обширныхъ степей, гдѣ буранъ и киргизъ соперничаютъ въ наслажденіяхъ дикою разгульною свободою. Когда и кѣмъ оно основано,—не знаемъ;

извѣстно только, что бывшій Оренбургской таможни директоръ Величко поддерживалъ его до самой кончины, случившейся въ послѣдніе годы царствованія Александра. Со смертію его общество не рушилось.

. . . . . .

. . . . . .

При вступленіи на престолъ Николая I, оставался въ Оренбургѣ нѣкто Кудряшевъ, принадлежавшій къ тайному обществу Велички. Онъ былъ чиновникъ незначительный—аудиторъ; но человѣкъ честной, довольно образованной, любитель литературы, поэтъ про себя и мечтатель о свободѣ... Онъ завербовалъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, служащихъ въ тамошнемъ гарнизонѣ, и питалъ порывы ихъ молодости подобными мечтами, не открывая ничего, кромѣ существованія какого-то тайнаго общества, съ цѣлью просвѣщаться и стремиться къ свободѣ.

Произшествіе 14 декабря 1825 г., съ его послѣдствіями, естественно напугало старшихъ и осторожныхъ членовъ этого общества, но огорчило и ожесточило пылкихъ юношей. При этомъ расположеніи участниковъ младенчествующаго либерализма, привезли въ Оренбургъ Завалишина, изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища разжалованнаго въ солдаты. Въ то самое время, когда комитетъ о тайныхъ злоумышленникахъ производилъ слѣдствіе, этотъ молодой человѣкъ, имѣя отъ роду не болѣе 17—18 лѣтъ, сдѣлалъ извѣтъ на родного своего брата и даже на сестру свою! Настоящее несчастіе его нисколько не образумило: дорогою онъ надѣлалъ еще нѣсколько шалостей и проказъ. Изъ Москвы онъ послалъ доносъ на командира баталіона внутренней стражи Штемпеля, въ благодарность за то, что онъ его принялъ какъ благороднаго, несчастнаго юношу, и позволилъ, на свой страхъ, разъѣзжать по городу. Во Владиміръ онъ успѣлъ какъ-то пріѣхать подъ именемъ комиссіонера Иванова и, увѣривъ губернатора, что поте-

рялъ подорожную, выпросилъ другую и до самаго Оренбурга ѣхалъ съ этимъ видомъ, по крайней мѣрѣ онъ такъ послѣ разсказывалъ! Едва явился онъ въ команду, какъ и началъ увѣрять молодыхъ юнкеровъ и офицеровъ, что онъ принадлежалъ къ тайному обществу и осужденъ вмѣстѣ съ прочими. Весьма естественно, что провинціальные молодые либералы имъ заинтересовались и, чтобы похвастать своимъ просвѣщеніемъ и чувствами, начали съ нимъ нескромно, какъ говорится, либеральничать. Замѣтивъ это, Завалишинъ выдумалъ имъ сказку: будто-бы, проѣзжая чрезъ Владиміръ, онъ открылъ и тамъ тайное общество, которое его приняло и дало порученіе принимать членовъ. Портупей-прапорщикъ Колесниковъ, одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, тотчасъ разсказалъ обо всемъ Кудряшеву, который, подумавъ, совѣтовалъ быть крайне осторожнымъ въ откровенности съ нимъ; но чтобы вывѣдать у него, что это такое онъ разрѣшилъ Колесникову, съ двумя или тремя товарищами, войти съ нимъ въ тайное сношеніе, примолвивъ: «а тамъ увидимъ»! Такъ и сдѣлали. Колесниковъ уговорилъ прапорщика Таптикова, и оба они дали себя принять въ мнимое общество, котораго Завалишинъ выдалъ себя агентомъ. Потомъ Колесниковъ принялъ еще товарища и друга своего Дружинина, также портупей-прапорщика; а за нимъ, прапорщика Старкова, юнкера Шестакова, и служившаго въ ратушѣ, коллежскаго регистратора Дынькова. Таптиковъ же со своей стороны принялъ казачьяго сотника Вѣтошникова.

Все это происходило въ мартѣ и началѣ апрѣля 1827 года. Завалишинъ составилъ уставъ общества, и 18 апрѣля прочиталъ его въ собраніи всей этой молодежи. Они судили, рядили, исправили нѣчто, и кончили тѣмъ, что дали обманщику подписки въ вѣрномъ сохраненіи правилъ устава и тайны. Не далѣе, какъ чрезъ три дня послѣ этого происшествія,

секретарь военнаго губернатора шепнулъ одному изъ нихъ объ осторожности, промолвивъ: «Кажется вашъ новый пріятель подалъ какой-то доносъ военному губернатору». Объ этомъ тотчасъ дано было знать Кудряшеву. Онъ досталъ даже списокъ поименованныхъ въ доносѣ, и успѣлъ предостеречь многихъ, присовѣтовавъ истребить бумаги, если есть могущія навлечь хотя малѣйшее подозрѣніе и, вѣроятно, самъ поспѣшилъ сдѣлать то же.

Предавъ этихъ несчастныхъ молодыхъ людей, Завалишинъ не посовѣстился собрать ихъ еще 23 числа и тутъ весьма много ораторствовалъ о будущихъ дѣйствіяхъ, видахъ и надеждахъ, о заготовленіи оружія, о возмутительныхъ бумагахъ и тому подобномъ.

Чрезъ день, т. е. 25 числа, по распоряженію военнаго губернатора, начались аресты. Всѣхъ, по списку, составленному Завалишинымъ, взято 33 человѣка, и всѣ разсажены по разнымъ гауптвахтамъ. Обрадованный, вѣроятно, случаемъ выказать бдительность свою и свое усердіе, генералъ Эссенъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся представителей 1796—1800 годовъ, не развѣдавъ порядочно, есть-ли тутъ что-нибудь основательное, въ тотъ же день поспѣшилъ отправить курьеромъ своего адъютанта Лебедева съ донесеніемъ къ государю объ открытіи важнаго государственнаго заговора!!!

Аудиторъ Кудряшевъ былъ арестованъ на другой день, и какъ ни у него, ни у многихъ другихъ ничего подозрительнаго не нашли, то кромѣ осьми человѣкъ, о коихъ ниже подробно будетъ упомянуто, тотчасъ всѣхъ выпустили. Кудряшевъ, однакожъ, чрезъ недѣлю, скоропостижно умеръ—и смерть его, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, подала поводъ къ тайнымъ толкамъ объ отравѣ.

26 числа, всѣ тѣ, которые спутали себя подписками, данными Завалишину, призваны были къ военному губернатору для снятія съ нихъ допроса.

Въ собственномъ его кабинетѣ составленъ былъ подъ личнымъ его предсѣдательствомъ родъ комитета, въ которомъ присутствовалъ начальникъ штаба Оренбургскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Веселицкій, бригадный командиръ 1-й бригады, генералъ-майоръ Стерлигъ, и для письмоводства корпусный аудиторъ.

Послѣ первыхъ разспросовъ не трудно было увидѣть, что это просто молодые, опрометчивые люди, большею частію, чуть не дѣти, которые вдались въ обманъ негодяю, вознамѣрившемуся, ихъ погибелью, купить себѣ прощенье. Генералъ Стерлигъ сильнѣе всѣхъ это замѣтилъ, и потому вслухъ сказалъ генералу Эссену: «Вотъ, ваше высокопревосходительство, я вамъ говорилъ, что все это штуки самаго Завалишина»! Военный губернаторъ на эту апострофу не отвѣчалъ ни слова, но на лицѣ его показалась багровая краска—и, въ переводѣ на языкъ чистосердечія, это могло значить: «глупость сдѣлана; поправлять поздно; пусть погибнутъ!»

Вѣроятно, увлекаясь этой послѣдней мыслію, а, можетъ быть, и желая показать, что жертвы его не совсѣмъ же невинны, онъ обратился къ нимъ съ язвительною насмѣшкою и спросилъ: «Какое же знамя вы приготовили: красное или зеленое; гдѣ оно у васъ»?—«Мы не готовили никакого»,—отвѣчали ему.—«Какъ, сударь, изъ устава вашего видно, что вы намѣревались поднять знамя»!—«Знамя бунта, ваше высокопревосходительство, это такъ только говорится», объяснилъ высокопревосходительному портупей-прапорщикъ Колесниковъ, и генералъ сталъ впень [1]).

---

[1]) Справедливость этого факта подтверждается другимъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ листковъ «Молвы» (при журн. «Телескопъ») безъ означенія именъ, въ видѣ анекдота. Здѣсь кстати повторить истину. Почтенный В. Ѳ. Тимковскій, служа въ Оренбургѣ по пограничной части, ни мало не заботился снискать благосклонность его высокопревосходительства, и былъ, какъ говорится, вконтрѣ съ нимъ. Однажды, въ торжественный день, при собраніи всѣхъ чиновниковъ, генералъ, по какому-то случаю, вздумалъ изъявлять г. Тимковскому

Увѣрившись изъ допросовъ, что Завалишинъ самъ былъ зачинщикомъ всего дѣла, генералъ Эссенъ тутъ же приказалъ взять его подъ стражу; а допрошенныхъ повели изъ кабинета въ корпусное дежурство, чтобы тамъ прочитать имъ снятые съ нихъ допросы и дать имъ подписать ихъ. Это предоставлено было одному корпусному аудитору. Когда дошла очередь до подпоручика Михайлова, всѣ его товарищи приступили къ аудитору и, свидѣтельствуя единогласно, что онъ съ ними ни въ чемъ не участвовалъ, просили уничтожить его допросъ и освободить его. Аудиторъ подумалъ, спросилъ еще: «всѣ ли они на это согласны?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, тутъ же разорвалъ допросъ и вымаралъ его изъ списка. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ спасся! Доказательство: какими глазами смотрѣли на важность этого дѣла низшіе чиновники и что можетъ дѣлать иногда корпусный аудиторъ!

И такъ по этому важному заговору преданы были суду только слѣдующія лица:

Прапорщики: Таптиковъ, 30 лѣтъ [1]), Старковъ—25 лѣтъ.

Портупей-прапорщики: Колесниковъ—24 лѣтъ, Дружининъ—19 лѣтъ.

Юнкеръ: Шестаковъ—17 лѣтъ.

Казачій сотникъ: Вѣтошниковъ—23 лѣтъ.

свое неудовольствіе. Василій Ѳедоровичъ отвѣчалъ со всею вѣжливостію, что онъ не понимаетъ, чѣмъ могъ навлечь негодованіе его высокопревосходительства, стараясь всегда во всѣхъ отношеніяхъ къ нему сохранять должное уваженіе. «Какъ вы смѣете, сударь, сказать въ отношеніяхъ, вскричалъ генералъ, въ донесеніяхъ, сударь, въ донесеніяхъ»! *В. Ш.*

[1]) Судьба этого человѣка довольно странна. Изъ бѣдныхъ дворянъ Орловской губерніи, онъ взросъ въ домѣ фельдмаршала Каменскаго, послѣ смерти котораго отданъ въ военную службу. За Бородинское дѣло произведенъ въ офицеры. Впослѣдствіи за пожаръ въ деревнѣ, въ которой стоялъ съ своимъ капральствомъ, разжалованъ въ рядовые. Дѣлалъ нѣсколько трудныхъ походовъ въ Бухару и Хиву и только что выслужился опять въ офицеры—попалъ въ каторжную работу! *В. Ш.*

Рядовой: Завалишинъ — 19 лѣтъ и коллежскій регистраторъ Дыньковъ 19 лѣтъ; этотъ послѣдній судился гражданскимъ судомъ.

Военный судъ, подъ предсѣдательствомъ дивизіоннаго командира генералъ-лейтенанта Жемчужникова, былъ составленъ изъ слѣдующихъ членовъ:

1) Полковникъ Эссенъ, состоящій по особымъ порученіямъ у военнаго губернатора, своего родного брата; 2) полковникъ свиты его величества Тимофеевъ; 3) полковникъ Покотиловъ, бригадный командиръ Оренбургской артиллеріи, — и нѣсколько оберъ-офицеровъ.

Дѣлопроизводителемъ былъ дивизіонный аудиторъ Пенской.

Судъ открытъ 4 мая 1827 г. Члены всѣ примѣтно были озлоблены гнуснымъ поступкомъ Завалишина, который хотѣлъ запутать еще многихъ бывшихъ семеновскихъ солдатъ; но они отвѣтами своими усугубили только его вину. Видя, что ему плохо, Завалишинъ умѣлъ изъ-подъ караула послать на самого Эссена доносъ въ Петербургъ, собравъ въ немъ всѣ злоупотребленія, о какихъ отъ частныхъ лицъ въ городѣ могъ только слышать; но этотъ доносъ присланъ былъ къ Эссену съ повелѣніемъ судить Завалишина и за этотъ поступокъ; Эссенъ его и не пощадилъ. Судъ оконченъ 13 іюня. Замѣчательно, что на третій день, т. е. 15-го, полковникъ Эссенъ умеръ скоропостижно отъ удара. Жители Оренбурга приняли это за явное наказаніе Божіе [1]).

По приговору военнаго суда присуждено: Таптикова, Колесникова, Вѣтошникова и Завалишина, яко главныхъ злоумышленниковъ бунта, колесовать; Старкова и Дружинина—лишить живота; Шестакова—разжаловать вѣчно въ солдаты.—Генералъ Эссенъ

---

[1]) Кстати припомнить, что и въ такъ названномъ Верховномъ уголовномъ судѣ, одного члена, именно графа Г. В. Орлова, постигла подобная смерть. *В. Ш.*

конфирмовалъ: сослать въ каторжную работу: Таптикова на 12 лѣтъ, Колесникова на 24, Дружинина на 8, Завалишина вѣчно; Вѣтошникова же и Старкова вѣчно въ солдаты; а Шестакова на три года въ солдаты, безъ лишенія дворянства. Аудиторіатскій департаментъ положилъ: Таптикова на 8 лѣтъ, Колесникова на 12, и Дружинина на 6 лѣтъ въ каторжную работу; а о Старковѣ, Шестаковѣ, Вѣтошниковѣ и Завалишинѣ подтвердилъ конфирмацію военнаго губернатора.

Высочайшая конфирмація, послѣдовавшая въ 12 день августа 1827 г., состояла въ слѣдующемъ: Таптикову, Колесникову и Дружинину сбавлены сроки вполовину; Старкову, Вѣтошникову и Завалишину утверждено наказаніе, положенное генераломъ Эссеномъ; а о 17-ти-лѣтнемъ Шестаковѣ присовокуплено: «вѣчно въ солдаты и лишить дворянства». Экзекуція исполнена 22 сентября.

Но теперь предоставимъ одному изъ осужденныхъ самому разсказать, какъ съ ними поступали и что съ ними было. Замѣтимъ только, что генералъ Эссенъ переведенъ впослѣдствіи въ С.-Петербургъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и на этомъ новомъ поприщѣ украсился Андреевской лентой и возведенъ въ графское достоинство... Мы, съ своей стороны, кстати повторимъ только слова Вальтеръ-Скотта: «Упреки тѣхъ, у которыхъ нѣтъ другого облегченія въ страданіяхъ, кромѣ плачевнаго о нихъ разсказа, рѣдко доходятъ до ушей вельможъ, которые были причиною этихъ страданій».

В. И. Штейнгейль.

1835 г.

Глава I.

Чтеніе сентенціи.—Экзекуція.—Проводы.

О, край родной, поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ больше не видать,
И гробы праотцевъ святые
Изгнаннику не обнимать.

Рылѣевъ.

Уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ томился я на гауптвахтѣ, какъ важный арестантъ. У меня была мать, были друзья, какіе бываютъ въ двадцать лѣтъ; я не оставался безъ утѣшенія, безъ тайныхъ извѣщеній. Наконецъ, мнѣ дали знать, что объ насъ получено рѣшеніе; но въ чемъ оно состояло, этого никто не могъ сказать. По утру, 12 сентября, я перебралъ всѣ мои записки — эти свидѣтельства нѣжности матушки, участія друзей, — съ крайнимъ принужденіемъ и горестію изорвалъ большую часть изъ нихъ, остальныхъ не достало духа разорвать. Я ихъ спряталъ, въ надеждѣ—послѣ экзекуціи возвратиться на гауптвахту, отыскать ихъ и взять съ собою, какъ залогъ пріятнѣйшихъ воспоминаній о тѣхъ, которые занимали мое сердце. Сдѣлавъ это, я пробренчалъ на гитарѣ нѣсколько пассажей Сихры, Аксенова. Пришла новая смѣна. Нѣкоторые изъ друзей моихъ приходили навѣстить меня. Я читалъ на лицахъ ихъ сожалѣніе, смѣшанное съ нѣкоторымъ страхомъ. Они знали жестокую участь мою. Никто не имѣлъ духа сказать мнѣ о ней. Они ушли. Послѣ обѣда меня склонилъ сонъ.

Когда я проснулся послѣ часового отдыха, увидѣлъ, что у кровати моей сидитъ плацъ-адъютантъ, г. Бедринъ, а у окошка стоитъ, задумавшись, караульный офицеръ, и оба сохраняютъ глубокое молчаніе. Не трудно было отгадать причину этого посѣщенія. Я тотчасъ спросилъ плацъ-адъютанта, что ему угодно,— и онъ, съ примѣтною ужимкою, отвѣчалъ: «Такъ-съ— я присланъ отъ коменданта, чтобы вы пожаловали въ ордонансъ-гаузъ».

— Зачѣмъ?—вѣрно для объявленія намъ сентенціи?

— Не знаю-съ.

— Къ чему скрывать: вы намъ проложили добрую дорожку, прямо въ Сибирь!

— Въ Сибирь?—спросилъ онъ, возвыся голосъ,— какъ это вы знаете, и отъ кого?

— Позвольте мнѣ это одному знать, сказалъ я отрывисто, и онъ, пошептавъ что-то съ караульнымъ офицеромъ, вѣжливо попросилъ меня слѣдовать за нимъ.

Въ сѣняхъ гауптвахты были готовы уже унтеръ-офицеръ и четверо рядовыхъ. Меня поставили между двухъ рядовъ и, скомандовавъ на-руку, повели въ ордонансъ-гаузъ. Вышедъ на парадную площадь, я примѣтилъ, что около ордонансъ-гауза толпится множество разнаго рода людей. Дорогою, кто ни встрѣчался, каждый глядѣлъ на меня съ любопытствомъ или съ участіемъ, нѣкоторые произносили вслухъ: «бѣдняжки! какъ жаль!» Подходя къ ордонансъ-гаузу, я увидѣлъ, что ведутъ моего товарища Шестакова точно за такимъ же конвоемъ, какъ и меня. Видъ его былъ веселый, поступь тверда. Мы поздоровались, и я закричалъ ему: «многимъ изъ насъ — Сибирь». Онъ отвѣчалъ: «все къ лучшему! а меня, братъ, въ солдаты—въ Грузію». Въ эту минуту плацъ-адъютантъ подошелъ ко мнѣ и объявилъ, что намъ запрещено говорить. Но я успѣлъ еще закричать ему вслѣдъ: «Увидимся при чтеніи сентенціи и поговоримъ».

Дворъ ордонансъ-гауза былъ уже наполненъ на-

Баронъ Владиміръ Ивановичъ ШТЕЙНГЕЛЬ.

(Съ литографіи, сдѣланной съ гравюры на камнѣ, работы Эстеррейха, Спб., 1823).

родомъ. Замѣтно было множество солдатъ въ числѣ зрителей. Царствовало глубокое молчаніе. У нѣкоторыхъ видны были слезы на глазахъ. Все это не сдѣлало на меня никакого впечатлѣнія. Во мнѣ не было ни умиленія, ни робости, ни досады, ни горести, ни отчаянія: сердце окаменѣло, всѣ чувства пришли въ онѣмѣніе. Ужасная мысль о вѣчной разлукѣ со всѣмъ, что привязывало мое сердце, кажется, была далѣе отъ меня, нежели когда-либо.

Меня ввели въ комнату, гдѣ я нашелъ всѣхъ моихъ товарищей; между ними былъ и несчастный предатель нашъ,—несчастный подлинно, потому что былъ презрителенъ. Это свиданіе одушевило насъ радостію. Не успѣлъ я обнять всѣхъ, какъ меня кликнули въ другую комнату, гдѣ плацъ-майоръ объявилъ мнѣ, что ему поручено обыскать меня: не имѣю ль при себѣ какого оружія. «Вамъ извѣстно»,—отвѣчалъ я съ удивленіемъ, — какъ строго содержали насъ; могу ли имѣть что-нибудь при себѣ? впрочемъ поступайте—какъ вамъ приказано». Послѣ извиненій, сказанныхъ въ полголоса, плацъ-майоръ присовокупилъ громко: «и такъ, вы ничего не имѣете; извольте идти».

Когда я возвратился къ товарищамъ, они обступили меня. Начались разспросы: кто, гдѣ, какъ содержался, какъ проводили время, какъ съ кѣмъ поступали и т. п. Но приставы развели насъ по угламъ, какъ бы съ завистію смотря на эту юношескую беззаботливость, столь для нихъ чуждую, и безжалостно лишили насъ этого невиннаго минутнаго удовольствія предъ тѣмъ роковымъ часомъ, въ который предстояло намъ выслушать свое осужденіе, столь жестокое!

Утѣшительно было для меня видѣть, что всѣ мои товарищи сохранили полное присутствіе духа. При физическомъ изнуреніи ихъ строгимъ содержаніемъ подъ стражею, не менѣе и нравственною пыткою во время суда, они сохранили бодрость и самую природную многимъ веселость. Но мы всѣ были

удивлены безчувственностью нашего предателя. Онъ не выказывалъ ни смущенія, ни угрызенія совѣсти; стоялъ какъ одервенѣлый и только грызъ ногти.

Вскорѣ насъ повели въ другую половину ордонансъ-гауза и ввели въ зало, въ которомъ находилось множество чиновниковъ разныхъ командъ, во всей формѣ, соблюдавшихъ совершенное молчаніе. Мы тотчасъ замѣтили тутъ же своего полковника г. Лукьянова, который приказалъ аудитору Буланову прочитать полученное имъ предписаніе отъ начальника штаба, генералъ-майора Веселицкаго, о совершеніи надъ нами приговора. Послѣ этого аудиторъ началъ читать приговоръ суда, въ которомъ изложенъ былъ весь ходъ нашего дѣла. Таптиковъ, какъ скоро это услышалъ, остановилъ аудитора и просилъ у полковника дозволенія выдти.

— Зачѣмъ-съ?—спросилъ полковникъ.

— Я вижу,—отвѣчалъ Таптиковъ твердымъ голосомъ,—что хотятъ читать наше дѣло сначала, которое я уже сто разъ слышалъ и вовсе не вижу надобности слушать еще.

Полковникъ снисходительно замѣтилъ, что этого требуетъ порядокъ, и приказалъ ему остаться. Тогда Таптиковъ отошелъ отъ него съ неудовольствіемъ въ сторону и сталъ похлопывать по своей табакеркѣ. Эта выходка примѣтно изумила всѣхъ чиновниковъ; они значительно переглянулись другъ съ другомъ, и аудиторъ принялся продолжать свое чтеніе. Мы, однакожъ, начали разговаривать сперва потихоньку, потомъ громче, а, наконецъ, стали смѣшить другъ друга и смѣяться довольно неосторожно. Такъ мы были молоды! такъ много было въ насъ жизни и безпечности! Полковникъ, принявъ строгій видъ, вскричалъ: «Тише, господа! слушайте сентенцію!» Но мы, послѣ минутной покорности, принялись опять разсказывать другъ другу, кто чѣмъ занимался во время ареста. Отъ времени до времени я погляды-

валъ на чиновниковъ. Всѣ они насъ знали, почти всѣ были знакомы, иные—очень коротко. Многіе, глядя на насъ, пожимали плечами съ видомъ состраданія, нѣкоторые утирали слезы. «Они не вѣрятъ, что мы злодѣи»,—думалъ я.

По прочтеніи сентенціи, въ которой четверо изъ насъ осуждены въ каторжную работу, а трое — въ солдаты, мы обратились къ полковнику и принесли ему благодарность за хорошее съ нами обращеніе. Удовольствіе изобразилось на лицѣ его; онъ прослезился и сказалъ съ чувствомъ: «Господа! мнѣ очень жаль васъ: я потерялъ въ васъ хорошихъ офицеровъ!» Потомъ, обратясь къ Завалишину и грозя ему пальцемъ сказалъ:—«Не забудь, что ты ихъ погубилъ!»

Насъ отвели въ прежнюю комнату, гдѣ были приготовлены сѣрыя шапки и солдатскія шинели, съ которыхъ погоны и обшлага были спороты. Намъ велѣли надѣть ихъ. Тяжело было облекаться въ эту одежду позора, но мы и тутъ еще шутили. Едва успѣли кончить свой туалетъ, какъ взошелъ Завалишинъ, задержанный при возвращеніи нашемъ въ сѣняхъ. Онъ былъ также въ сѣрой шинели, но уже въ желѣзахъ и съ бритою головою, поперекъ съ одного уха до другого. «Каковъ нарядецъ!» сказалъ онъ съ язвительною улыбкою. Мы всѣ пристально взглянули на него, и я не вытерпѣлъ: «Къ тебѣ особенно пристало»,—отвѣчалъ я ему съ полнымъ презрѣніемъ.—Желѣза и безобразіе обритаго Завалишина примѣтно смутили моихъ товарищей, и я старался ободрить ихъ. «Не забывайте, братцы,—сказалъ я имъ,—намъ надобно быть выше всего этого и съ гордостію переносить всякое уничиженіе. Надобно запасаться духомъ на первыхъ порахъ. Богъ знаетъ, что еще впереди насъ ожидаетъ». Дружескія объятія были мнѣ отвѣтомъ. Взошелъ плацъ-адъютантъ и просилъ, чтобы одинъ кто-нибудь изъ насъ пошелъ съ нимъ, примолвивъ, что онъ будетъ приходить, по

очередно, за каждымъ. Первый пошелъ Дружининъ; потомъ наступила моя очередь.

Меня привели въ кузницу. Какъ выразить то чувство, которое овладѣло мною, когда я увидѣлъ, что, заковывая друга моего Дружинина, кузнецы обливались слезами. Правда, они по полку всѣ насъ знали и любили насъ за наше ласковое съ ними обращеніе, но можно ли было ожидать, что этимъ загорѣлымъ, сажею запачканнымъ, лицамъ не чужды состраданіе и самая чувствительность. «Руки не служатъ!»—говорили они, и подлинно Дружинина четыре раза перековывали. Мнѣ велѣли пройти въ боковую каморку, гдѣ находился цирюльникъ къ моимъ услугамъ. Когда я сѣлъ, мнѣ стянули руки назадъ. «Къ чему это?—сказалъ я, смѣючись, плацъадъютанту, — я вовсе не въ отчаяніи, не думаю посягать на свою жизнь».—«Такъ приказано-съ»,—отвѣчалъ онъ тономъ, выражающимъ очень хорошо необходимость точнаго повиновенія. — «Нечего дѣлать, творите волю пославшаго»,—сказалъ я, стараясь шутить надъ этою унизительною операціею. Когда ее кончили, я отправился къ наковальнѣ. Добрые вулкановы дѣти заковали одну мою ногу такъ свободно, что едва опустилъ я ее на полъ, какъ желѣза спали. «Полноте, братцы!—сказалъ я имъ,—за это снисхожденіе вамъ достанется: закуйте хорошенько, какъ слѣдуетъ».—Какъ бы нехотя, они принялись перековывать снова.—«Эхъ баринъ, баринъ! — сказалъ одинъ изъ нихъ, сквозь слезы,—Богъ видитъ, какъ намъ жаль васъ!»

— Что дѣлать, братцы! молитесь за насъ; Богъ милостивъ,—дастъ силы, все перенесемъ!

— Будемъ молиться! отвѣчали они какъ бы хоромъ.

Когда насъ свели опять въ ту же комнату, мы оглядывали другъ друга и не могли держаться отъ смѣха. Намъ казалось, что насъ, за шалости, нарядили въ дурацкія шапки: такъ мы еще близки были къ невиннымъ дѣтскимъ лѣтамъ!... Взошелъ плацъ-

майоръ и положилъ конецъ нашему ребячеству. Меня, Таптикова, Дружинина и Завалишина онъ приказалъ отвести въ тюремный замокъ, а Старкова, Вѣтошникова и Шестакова на главную гауптвахту.

Насъ ожидала незабвенная, торжественная минута,—одна изъ тѣхъ, которыми многое окупается въ несчастіи. Какъ описать ее! Нѣтъ, меня не достанетъ на это; скажу о ней, какъ умѣю. При выходѣ нашемъ на крыльцо ордонансъ-гауза весь дворъ наполненъ былъ тѣсно людьми всякаго состоянія, пола и возраста. Мы тотчасъ сняли шапки и поклонились; вдругъ все множество ахнуло и глухое эхо протяжно повторилось въ пустомъ зданіи; невнятной глухой шопотъ пробѣжалъ между народомъ, и вдругъ все затихло. Нѣкоторые крестились, иные утирали слезы, слышалось всхлипываніе женщинъ... Такъ поразило всѣхъ наше появленіе въ этомъ безобразіи и оковахъ! Тутъ уже недоставало силъ моихъ выдержать: сердце мое сжалось, какъ губка, и крупныя слезы потекли по лицу моему; я потупилъ глаза въ землю и шелъ въ совершенномъ забвеніи, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ застучали желѣзные запоры у воротъ темницы. Войдя въ особо приготовленную для насъ небольшую комнату, я искалъ отдыха отъ столь сильнаго душевнаго волненія. Участіе, какое принимали въ насъ, можно сказать, всѣ жители города, гораздо способнѣе было поколебать нашу твердость, нежели всѣ жестокости, которыми насъ обременили, безъ нужды и беззаконно!

Расчувствовавшись, я началъ тосковать по матушкѣ, по всѣмъ, отъ которыхъ сердце мое оторвалось. Я не видалъ ихъ въ толпѣ и такъ давно не видалъ!—Добрые мои товарищи Дружининъ и Таптиковъ принялись развлекать меня,—особливо Дружининъ. Этотъ добрый милый юноша казался мнѣ въ какомъ-то блескѣ; онъ былъ такъ веселъ, такъ шутливъ, вспоминалъ прошедшія удовольствія и ка-

зался вовсе невнимательнымъ къ предстоящимъ трудностямъ. Невинность души его вполнѣ отражалась въ спокойствіи его духа. Я почувствовалъ сожалѣніе и укоризну, что своею дружбою, хотя неумышленно, завлекъ его въ сѣти, разставленныя обманщикомъ.— Мнѣ было душно, больно! Таптиковъ, гораздо старшій насъ и уже знакомый съ несчастіемъ и лишеніями всякаго рода, показывалъ непоколебимую твердость и равнодушіе:

— Ну что, милой!—это его обыкновенное привѣтное слово,—о чемъ горевать; пословица говоритъ: «сказался груздемъ, полѣзай въ кузовъ».

Вскорѣ пришли къ нему жена его и родственники: я совершенно разсѣялся въ этой бесѣдѣ. Вслѣдъ затѣмъ мы были нѣсколько порадованы, и какъ памятна малѣйшая радость въ роковой день душевныхъ потрясеній! Начальникъ штаба прислалъ своего адъютанта Иванова—расковать насъ и объявить, что мы пробудемъ тутъ цѣлую недѣлю до отправленія въ Сибирь. Это дало намъ пріятную надежду увидѣться и провести эти дни съ родными и друзьями, и порядочно приготовиться въ трудный, дальній путь. Мы продолжали еще распоряжаться этими днями, какъ насъ позвали въ караульню. Тутъ мы увидѣли аудитора Буланова, съ которымъ я былъ коротко знакомъ.

— Что, не еще ли снимать какой-нибудь допросъ?—спросилъ я, смѣючись.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ печально,—больно мнѣ, но дѣлать нечего, надобно описать ваши примѣты.

Онъ столько былъ деликатенъ и снисходителенъ, что не захотѣлъ ни раздѣвать насъ, ни мѣрить, но записалъ примѣты и ростъ каждаго со словъ нашихъ. Завалишинъ, между прочимъ, объявилъ, что у него на груди родимое пятно въ видѣ короны, а на плечахъ—въ видѣ скиптра. Это возбудило общій смѣхъ.— Аудиторъ, съ презрительною усмѣшкою, замѣтилъ

ему, что не совѣтуетъ впредь обнаруживать такихъ важныхъ примѣтъ.

Мы продолжали еще говорить съ добрымъ аудиторомъ, какъ вдругъ со стороны кто-то бросился ко мнѣ на шею.—Боже мой! это была моя матушка. Ея стенанія, ея плачъ растерзали мое сердце; слезы градомъ полились изъ глазъ моихъ. Освободившись изъ объятій ея, я старался ее утѣшить.

— Не мучьте себя и меня напрасно, милая матушка! сказалъ я,—примите съ покорностію судьбу, какую угодно Богу назначить вашему сыну. Онъ милостивъ! мы можемъ еще увидѣться въ этомъ мірѣ. Довольно для вашего утѣшенія того, что я не злодѣй и не сдѣлалъ ничего безчестнаго: могъ заблуждаться, могъ быть обманутъ, — вспомните я молодъ и неопытенъ, зато постараюсь воспользоваться тяжкимъ урокомъ, который мнѣ заданъ.

Она нѣсколько отдохнула, пришла въ себя, пошла со мною въ нашу комнату, посадила возлѣ себя, благословила меня и сказала:

— Сынъ мой! я знаю тебя, не замѣчала никогда въ тебѣ дурныхъ наклонностей и увѣрена, что ты побережешь мать свою впредь и будешь жить въ теперешнемъ твоемъ состояніи какъ можно тише и скромнѣе. Мнѣ осталось только скорбѣть и молиться Богу, чтобы, хотя при концѣ моей жизни, далъ мнѣ еще обнять тебя и усладить мои послѣднія минуты...— И крупныя слезы омыли лице ея.

О вѣчно незабвенныя для меня слова! никогда, никогда не выйдете вы изъ моей памяти, до послѣдняго издыханія буду носить васъ въ сердцѣ моемъ!

Я залился слезами, бросился къ ногамъ матери, цѣловалъ ея руки и поклялся исполнить ея волю— быть достойнымъ этой нѣжности и соблюдать во всѣхъ поступкахъ осторожность.

Она положила руки мнѣ на голову, возвела глаза къ небу, помолилась, сердечно поцѣловала меня въ

темя, приподняла, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что у нея на лицѣ показалось спокойствіе. Она стерла послѣднія слезинки съ глазъ своихъ и обратила разговоръ на то, что для меня нужно въ дорогѣ,—и мы вскорѣ разстались.

Добрая, милая маменька! прими здѣсь пламенную неизгладимую сердечную благодарность нѣжнаго твоего сына за всѣ твои о немъ попеченія. Ты много перенесла въ твоей жизни, и вмѣсто утѣшенія, тобою ожиданнаго на старость, сынъ твой былъ причиною новой обременительной скорби; но ты была столь великодушна, такъ добра, что не сдѣлала ни одной укоризны, не произнесла ни одной жалобы и только осыпала его благословеніями. Одна смерть заставитъ меня забыть это доказательство нѣжной любви твоей! Богъ—твой утѣшитель!

День вечерѣлъ, красное зарево горѣло на западѣ и отражалось на стѣнахъ замка. Наступила первая ночь для насъ подъ одною крышею съ злодѣями, ворами и душегубцами; но мы, по счастію, не были соединены съ ними—и оттого провели эту ночь въ разговорахъ и шуткахъ. Одинъ Дружининъ заснулъ—передъ утромъ. Такъ прошелъ незабвенный, ужасный для меня день—12 сентября 1827 года.

На другое утро восходящее солнце уже играло на золотыхъ крестахъ собора, и лучи его, отражаясь отъ бѣлокаменной стѣны замка, освѣщали нашу темницу, когда пробило 7 часовъ. Черезъ нѣсколько минутъ взошелъ къ намъ караульный офицеръ и сказалъ:

«Господа, я получилъ изъ ордонансъ-гауза записку, чтобы сей же часъ приготовить васъ къ отправленію въ дальній путь». Мы всѣ вскочили отъ удивленія и почти въ голосъ вскричали: «Помилуйте, какимъ это образомъ? когда начальникъ штаба самъ присылалъ увѣрить насъ, что мы останемся еще недѣлю»! Онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, но долженъ выполнить приказаніе. Мы старались увѣрить его, что тутъ

вѣрно какая-либо ошибка, и просили видѣться лично съ плацъ-майоромъ. Онъ вышелъ отъ насъ, обѣщавъ послать къ нему. Между тѣмъ, мы тотчасъ поспѣшили увѣдомить родныхъ о немедленномъ нашемъ отправленіи. Когда пришелъ плацъ-майоръ, мы съ упрекомъ жаловались ему на такой жестокій обманъ. Онъ увѣрялъ насъ, что до этой поры самъ ничего не зналъ, какъ вдругъ получилъ предписаніе немедленно отправить насъ къ инвалидному командиру для отсылки въ Сибирь. Я началъ представлять ему о нашихъ недостаткахъ, о совершенной неготовности нашей къ такому трудному и дальнему походу и убѣждалъ доложить генералу Веселицкому, чтобы онъ, по собственному его обѣщанію, оставилъ насъ еще на недѣлю,—но все тщетно. Я хотѣлъ было продолжать мои убѣжденія, но Таптиковъ удержалъ меня и, обратясь къ плацъ-майору, сказалъ: «Поблагодарите генерала, что, оставляя насъ въ однѣхъ рубашкахъ, доставляетъ намъ вѣрный случай замерзнуть на дорогѣ». Нечего было дѣлать. Напившись кое-какъ чаю, начали собираться.

Мы нарядились въ свои сѣрыя шинели и въ 8 часовъ, въ сопровожденіи четырехъ рядовыхъ и одного унтеръ-офицера, отправились въ полицію. Тутъ имѣли случай видѣть привязанность солдатъ, съ которыми служили. Какъ стоявшіе въ караулѣ, такъ и находившіеся въ казармахъ, можно смѣло сказать, всѣ безъ исключенія, выбѣгали къ намъ проститься, окружали насъ и наперерывъ желали намъ благополучной дороги, здоровья и даже счастія. Многіе очень неосторожно поносили начальство и правительство, такъ что мы принуждены были остерегать ихъ.

Изъ полиціи квартальной офицеръ повелъ насъ на дворъ къ инвалидному командиру. Мы въ это время были отмѣнно веселы, много шутили и смѣялись. Между тѣмъ, насъ окружила толпа народа, которая

часъ отъ часу увеличивалась. Всѣ примѣтно удивлялись нашей веселости. Одинъ мнѣ знакомой молодой купецъ сказалъ къ народу и довольно громко: «Вотъ, братцы, невинность вездѣ видна; она даже и въ цѣпяхъ смѣется»...

Не успѣли еще выйти на базарную площадь, какъ уже на ней все взволновалось: всѣ побѣжали къ намъ. Купцы спѣшили запирать лавки, мелочные торгаши прибирали свой хламъ, торговки пряниками, булками, рыбою торопились убирать свой товаръ въ будки и лари; пріѣхавшіе изъ подгородныхъ деревень для продажи муки, соли, дровъ торопились запрягать лошадей и тотчасъ уѣзжали, чтобы дать знать своимъ о нашемъ отправленіи,—такъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчали они, когда мы ихъ спросили, куда они спѣшатъ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько минутъ всѣ лавки были заперты, площадь очищена и весь народъ ринулся за нами. Многіе подносили намъ яблоки, пряники, крендели; иные предлагали даже деньги; однимъ словомъ, каждый изъ согражданъ наперерывъ старался показать намъ свое участіе. О, какъ это утѣшало насъ! Мы двигались медленно: окружающая насъ толпа мѣшала намъ идти. Полиція, на этотъ разъ, была очень скромна. Она осторожно и какъ бы неохотно дѣйствуетъ тогда, когда народъ, этотъ ягненокъ, въ одну минуту можетъ почувствовать львиную свою силу. Я слышалъ разговоръ гражданъ, и слова «бѣдные, невинные», ударяли поминутно мнѣ въ уши. Но вдругъ раздался грубой голосъ: «посторонись, дай дорогу, прочь съ дороги»! Толпа раздалась; явился квартальный офицеръ, довольно пьяной, который, толкая всѣхъ, опередилъ насъ и спѣшилъ къ воротамъ того дома, въ которомъ жилъ инвалидный командиръ и къ которому мы уже подходили. Когда мы приблизились, онъ отворилъ ворота и, пропустя насъ, тотчасъ ихъ заперъ на запоръ.

Съ какимъ удовольствіемъ мы обняли тутъ своихъ товарищей, отправляющихся въ Грузію солдатами! Они только что передъ нами приведены были съ гауптвахты. Едва успѣли мы сказать нѣсколько словъ, какъ услышали на улицѣ шумъ и крикъ: «отвори! отворяй, говорятъ; не то высадимъ ворота»! Начальникъ инвалидной команды подпоручикъ Медвѣдевъ приказалъ усилить караулъ и припереть ворота контрафорсомъ. Но какъ шумъ часъ-отъ-часу увеличивался, то онъ выслалъ конныхъ башкирцевъ, приготовленныхъ для конвоя, отогнать всѣхъ отъ воротъ. Народъ принялъ ихъ въ каменья и съ крикомъ: «ура!» ворвался на дворъ. Подпоручикъ выбѣжалъ на крыльцо, разругалъ солдатъ своихъ, какъ извозчикъ, и закричалъ, чтобы гнали народъ со двора прикладами. На это нѣсколько голосовъ закричали: «тронь только, весь дворъ по бревну разнесемъ». Мы догадывались, что тутъ наши солдаты, которые отъ самыхъ казармъ, скрываясь между частными обывателями, провожали насъ.

При этой отповѣди плацъ-майоръ подошелъ къ подпоручику и сказалъ ему что-то на ухо, а тотъ подозвалъ потомъ назначеннаго съ нами унтеръ-офицера и отдалъ ему какое-то приказаніе, также потихоньку, и этотъ ушелъ. Народъ уже не гнали, и онъ чинно остался на дворѣ зрителемъ.

Въ продолженіе всей этой суматохи я простился съ своимъ вотчимомъ и со многими изъ друзей моей юности. Подошедъ ко мнѣ, со слезами на глазахъ, вотчимъ взялъ меня за руку, поцѣловалъ и сказалъ съ необыкновенною для меня нѣжностію:

«Прощай, любезный Вася! не грусти, переноси участь свою съ твердостію, не теряй надежды на Бога; я буду стараться: нельзя ли чего-либо сдѣлать для твоего облегченія; въ тебѣ многіе берутъ участіе. Пиши ко мнѣ, когда найдешь случай. Прощай!»

Онъ залился слезами; прижавъ меня къ своей

груди, расцѣловалъ, благословилъ и мы разстались на вѣки!

Возвратившійся унтеръ-офицеръ принесъ съ собою желѣзный прутъ съ наручникомъ, вѣсомъ фунтовъ въ 30, и, пристегнувъ насъ къ нему попарно, повелъ въ кузницу подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ инвалидовъ и конныхъ башкирцевъ. До кузницы было съ версту разстоянія. Народъ и туда проводилъ насъ. Когда мы пришли въ кузницу, насъ отстегнули отъ прута и начали приготовлять желѣза для заковки попарно. Между тѣмъ было уже около полудня, мы проголодались. Какъ у меня болѣе было знакомыхъ, то товарищи просили меня послать къ кому-нибудь за обѣдомъ. Я хотѣлъ выйти на улицу, но часовой не пустилъ; просилъ унтеръ-офицера послать кого-нибудь, онъ отказался. Я отошелъ съ огорченіемъ и досадою къ окну и началъ для утоленія голода пожирать взоромъ окрестности, столь мнѣ любезныя, желая напечатлѣть ихъ неизгладимо въ моемъ воображеніи. Мысли мои перекинулись въ будущее, меня какъ варомъ обдало, сердце мое сжалось, я крѣпко задумался. Вдругъ раздался плаксивый женскій голосъ:

— Ахъ, ты мой родной, Василій Павловичъ! что ты это надѣлалъ?

Я встрепенулся и увидѣлъ передъ окошкомъ плачущую знакомую старушку, у которой родители мои, по пріѣздѣ изъ Грузіи, года два нанимали квартиру.

— Э, Акулина Астафьевна, — сказалъ я ей: о чемъ плакать; мы ничего безчестнаго не сдѣлали: въ Сибири есть также Богъ и добрые люди. Молись лучше за насъ!

— Вѣстимо, миленькой! буду молиться! — отвѣчала она: но каково матушкѣ твоей: она, сердечная, плачетъ, что рѣка льется.

Добрая старушка этими словами поразила меня до слезъ, но я вскорѣ оправился и, принявъ видъ

веселый, сказалъ: «Полно, полно, Астафьевна! принеси-ка лучше чего-нибудь поѣсть; мы смерть проголодались».

Проговоривъ: «тотчасъ родимой!», она бросилась бѣгомъ, и не прошло четверти часа, какъ она принесла намъ блюдо пельменей и графинъ водки. Я принялъ это въ окно, кликнулъ своихъ товарищей, и мы довольно исправно утолили свой голодъ, благодаря незабвенной Акулинѣ Астафьевнѣ. Между тѣмъ желѣза изготовили и насъ позвали къ наковальнѣ. Меня заковали вмѣстѣ съ другомъ моимъ Дружининымъ: его за правую, а меня за лѣвую ногу.

На возвратномъ пути изъ кузницы мы проходили домъ полковника Углицкаго. Онъ отворилъ окно и всенародно прощался съ нами, изъявляя свое сожалѣніе и желая благополучной дороги. Мы поблагодарили его, не останавливаясь.

На дворѣ у инвалиднаго подпоручика Старковъ спросилъ конвойнаго унтеръ-офицера о подводѣ подъ наши вещи. Онъ отвѣчалъ, что подпоручикъ приказалъ, чтобы вещи мы несли на себѣ; однакожъ хотѣлъ еще доложить. Человѣкъ и дѣвка матушки принесли мнѣ два чемоданчика. Въ то самое время какъ я хотѣлъ уже проститься съ ними, вдругъ слышу голосъ инвалиднаго командира: «Какія лошади этимъ извергамъ, этимъ мошенникамъ. Они, разбойники, умышляли . . . . . и дай еще имъ лошадей! Пусть на себѣ тащатъ все, если хотятъ. Нѣтъ злодѣямъ ничего»! И потомъ, оборотясь къ Старкову, Вѣтошникову и Шестакову, у которыхъ головы были не выбриты, онъ, какъ неистовый, закричалъ: «Это еще что! Почему они не выбриты, сейчасъ обрить этихъ варваровъ и заковать всѣхъ на прутъ, пусть гибнутъ, мошенники»! И ушелъ въ свою комнату. Мы могли отвѣчать однимъ презрительнымъ молчаніемъ. Эта выходка намъ показалась тѣмъ гнуснѣе, что по сю пору, со всѣхъ сторонъ, кромѣ ласки,

участія и сожалѣнія, ничего не встрѣчали. Между тѣмъ необходимость нести вещи на себѣ огорчила насъ крайне, и какъ мы не видали никакого способа помочь этому, то начали уже выбирать изъ своихъ вещей, что понужнѣе. Мы согласились съ Дружининымъ положить наши вещи въ одинъ чемоданчикъ и нести на себѣ поочередно. Вдругъ кто-то ударилъ меня сзади по плечу, со словомъ: «Что притуманился»? Я обернулся и увидѣлъ почтеннаго полковника Окунева.—Можно себѣ представить, какъ я обрадовался, имѣя случай высказать настоящее наше огорченіе и варварство инвалида-фанатика человѣку образованному, котораго участіе такъ уже ясно обнаружилось самымъ его приходомъ къ намъ.—Во время моего разсказа, подошелъ другой полковникъ Целковской. Окуневъ объяснился съ нимъ по нѣмецки и, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: «Мы попросимъ у этого негодяя лошадей для васъ, а если откажетъ, то мы доставимъ вамъ вещи въ цѣлости до перваго ночлега на своихъ лошадяхъ. Тамъ унтеръ-офицеръ вытребуетъ лошадей не только подъ вещи, но и подъ васъ самихъ. Успокойтесь, пожалуйста». Пожелавъ намъ счастливаго пути, они удалились. Почтенные люди! эта, повидимому, небольшая ласка ваша слишкомъ оплатила намъ оскорбленіе невѣжды, и одолженіе ваше до послѣдней минуты моей не будетъ забыто!

Только что они ушли, три наши грузинца явились также обезображенными, какъ и мы: повелѣніе инвалиднаго благородія было надъ ними въ точности исполнено. Тутъ мы на себѣ убѣдились, что всякое подобное оскорбленіе въ несчастіи возвышаетъ только духъ тѣхъ, которыхъ думаютъ поругать и унизить; напротивъ, клеймо безчестія и всеобщее презрѣніе падаетъ на притѣснителей.

Мы снова принялись шутить и смѣяться другъ надъ другомъ, какъ будто бы одѣлись въ смѣшныя

маски для маскарада. Мы даже въ смѣшномъ видѣ представляли, какъ будемъ копать руду подъ землею а разжалованные въ солдаты шутили надъ тѣмъ, какъ станутъ вытягивать носокъ. Эти шутки продолжались до того времени, какъ позвали насъ, чтобы примкнуть къ пруту. Я взялъ за руку своего партнера на этотъ длинной экосезъ и только что хотѣлъ подойти къ пруту, какъ увидѣлъ добрую мою матушку; видъ ея былъ разстроенъ, но поступь тверда. Она подошла ко мнѣ и торопливо сказала: «Вася! я буду къ тебѣ на первую станцію». Я едва успѣлъ поцѣловать ея руку, она уже скрылась между народомъ; тщетно блуждающій взоръ мой искалъ ее. Это внезапное появленіе нѣжной матери въ такую минуту и мысль какъ тягостно должно быть ей видѣть меня въ этомъ положеніи, при вѣчной разлукѣ,—совершенно меня разстроили. Обратясь въ ту сторону, куда она ушла, я закрылъ лице руками и горько зарыдалъ. Тщетно Дружининъ порывалъ меня идти, укоряя въ малодушіи; я не могъ двинуться съ мѣста.

— «Ради Бога! дай мнѣ отдохнуть!» сказалъ я ему.

Онъ сѣлъ на чемоданъ и посадилъ меня противъ себя на другой; я прилегъ къ нему на колѣна лицомъ и, казалось, хотѣлъ выплакаться для новой твердости.

Наконецъ, Дружинину удалось уговорить меня; я всталъ, оправился, и мы подошли къ пруту, при которомъ прочіе товарищи стояли окруженные конвоемъ. Мы только что успѣли присоединиться къ нимъ, какъ изъ дома инвалиднаго командира показалась немытая похмѣльная фигура въ изодранной, запачканной чернилами, солдатской шинели, въ большихъ очкахъ, которые держались на засаленной веревочкѣ сзади головы завязанной и съ бумагою въ рукахъ,— это былъ писарь его благородія. За нимъ вскорѣ вышелъ и начальникъ его. Унтеръ-офицеръ скомандовалъ: «къ заряду»! Когда заряженіе кончилось, писарь поднялъ обѣими руками бумагу и, закинувъ го-

лову назадъ, началъ громко читать артикулы: какъ должно во время пути обращаться съ арестантами, и между прочимъ, что, въ случаѣ намѣренія къ побѣгу или бунту, надлежитъ немедленно стрѣлять. Это заставило насъ расхохотаться.

Послѣ такого наставленія провожатымъ велѣли намъ примѣривать наручники, которые надѣвались на прутъ. Унтеръ-офицеръ, замѣтя, что мы выбираемъ—которые пошире, сказалъ намъ потихоньку: «Пожалуйста, надѣньте поуже, — видите, начальникъ нашъ смотритъ, выйдемъ за городъ, наша будетъ воля!» Мы его послушались. И въ самомъ дѣлѣ, какъ нарочно, подпоручикъ, стоявшій на крыльцѣ, закричалъ на него: «Что ты смотришь на этихъ бунтовщиковъ? надѣвай ихъ на прутъ». Унтеръ-офицеръ засуетился и, показывая видъ суровости, торопливо началъ надѣвать намъ наручники; потомъ, замкнувъ на прутъ, разставилъ конвой (двухъ спереди, двухъ сзади и по одному сбоковъ), скомандовалъ: «на руку, маршъ!» и мы двинулись—въ Сибирь.

По выходѣ со двора насъ окружили конные башкиры, составя другую цѣпь. Шествіе открывалъ инвалидный офицеръ Каменевъ, а сзади замыкалъ квартальный офицеръ Максимовъ. Въ такомъ торжественномъ видѣ провели насъ чрезъ весь городъ. Народъ, смотрѣвшій на все это съ непритворнымъ участіемъ, во все время не отставалъ и тѣснился около насъ. Башкирцы начали было отгонять, а квартальной ласково упрашивалъ отойти подалѣе; но ни просьбы, ни угрозы не могли этихъ добрыхъ людей оттѣснить прочь. Они какъ бы тайнымъ непреборимымъ сочувствіемъ влеклись за нами.

Проходя по одной изъ главныхъ улицъ, я замѣтилъ г. Германа [1]). Онъ стоялъ у забора, закутавшись

---

[1]) Ѳедоръ Ивановичъ Германъ, сынъ извѣстнаго своею ученостію бергъ-гауптмана Германа, бывшаго начальникомъ екатеринбургскихъ заводовъ, воспитывался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ и служилъ

Дмитрій Петровичъ ТАПТИКОВЪ.

(Изъ собранія Л. Ф. Пантелѣева).

въ шинель, и плакалъ. Увидя, что мы обриты, онъ всплеснулъ руками и сказалъ довольно громко: «Боже мой, какое варварство!» Съ этимъ словомъ, закутавъ лицо, поспѣшно удалился. Указавъ на него Дружинину, я сказалъ: «Это доброй знакъ! когда уже такіе люди плачутъ, то намъ смѣло можно гордиться этимъ униженіемъ и радостно влачить свои оковы. Не одна чернь, всегда, какъ говорятъ, недовольная, принимаетъ въ насъ участіе, но люди образованные, мыслящіе, достойные всякаго уваженія».

Это послужило темою къ самымъ утѣшительнымъ разсужденіямъ, и мы непримѣтно дошли до Сакмарскихъ воротъ. Вдругъ въ толпѣ народной послышался нѣжный женскій голосъ: «Мой другъ! мой братъ!»... и, сквозь цѣпь башкирцевъ и солдатъ, бросилась ко мнѣ, съ распростертыми объятіями, прелестная дѣвушка. — Это была моя Саша — нѣжный другъ мой, съ самыхъ нѣжныхъ юношескихъ лѣтъ. Голосъ ея глубоко проникнулъ въ мое сердце: я былъ

сперва при отцѣ, но по смерти отца вышелъ изъ горной службы. Когда генералъ Эссенъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Оренбургъ, онъ взялъ его въ адъютанты. По этому случаю Германъ вступилъ въ военную службу, и вскорѣ переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Генералъ Эссенъ поручилъ ему пограничную часть въ своей канцеляріи, и онъ не замедлилъ выказать свои отличныя способности, такъ что генералъ Эссенъ по этой части совершенно на него полагался. Но какъ благородный Германъ не терпѣлъ взяточниковъ и невѣждъ, какихъ тогда въ Оренбургѣ было не мало, и неосторожно обнаруживалъ къ нимъ свое презрѣніе, то одинъ изъ нихъ, оскорбленный имъ при разводѣ, не найдя удовлетворенія у Эссена, отпросился въ Петербургъ и подалъ доносъ князю П. М. Волконскому. Слѣдствіемъ этого былъ случай почти безпримѣрный. Генералъ Эссенъ, бывшій на этотъ разъ въ Петербургѣ (въ 1823 г.), получилъ отношеніе начальника штаба, чтобы приказалъ своему адъютанту Герману явиться въ главный штабъ его императорскаго величества. Германъ оставался въ Оренбургѣ. Эссенъ велѣлъ ему пріѣхать, и когда тотъ пріѣхалъ, послалъ къ кн. Волконскому, «не зная, самъ зачѣмъ». Когда Германъ явился, кн. Волконской сказалъ ему, что онъ Германъ, за вредное вліяніе, какое имѣетъ на начальника своего, переводится въ армію тѣмъ же чиномъ, съ тѣмъ, чтобы онъ старался службою «загладить свой поступокъ». Затѣмъ Эссену прислали просто приказъ объ этомъ переводѣ. *В. Ш.*

внѣ себя и хотѣлъ оторваться отъ варварскаго желѣза, но она висѣла уже у меня на шеѣ. Я обнялъ ее свободною рукою и остановился. За мною стало все и съ изумленіемъ смотрѣло на эту сцену. Она взаимно прижала меня къ своему трепетно бьющемуся сердцу и плакала горько. «Перестань, мой ангелъ,—сказалъ я ей,—слезами не поможешь. Забудь меня. Ты молода, можешь еще найти себѣ друга и будешь съ нимъ счастлива. Умѣй быть твердою въ эту роковую минуту. Можетъ быть, за гробомъ увидимся. Прости, мой безцѣнный ангелъ», — и мой поцѣлуй горѣлъ на устахъ ея. Невольно оттолкнула она меня и съ нѣжною укоризною произнесла: «Несчастной, ты ли мнѣ говоришь—забыть тебя?—безъ тебя найти счастіе?—гдѣ я его найду?—На землѣ нѣтъ уже для меня счастія. Ты останешься на вѣки въ моемъ сердцѣ. Когда я всенародно не постыдилась броситься въ твои объятія, то забуду ли тебя? Любовь къ тебѣ пойдетъ во гробъ со мною. Прости, мой братъ, прости въ послѣдній....» и она бросилась цѣловать прикованную мою руку. «Ты мнѣ теперь еще дороже»,—промолвила она, цѣлуя самую цѣпь и обливая ее слезами. Мы снова обнялись—еще разъ сердца наши бились одно для другого,—и она, вырвавшись изъ моихъ объятій, исчезла—какъ прелестный метеоръ въ осеннюю ночь—и на вѣки!...

Пришедъ въ себя, я замѣтилъ, что многіе утирали слезы; даже загрубѣлыя чувства стражей нашихъ смягчились: они спокойно дождались конца нашей разлуки, и ни одинъ не сказалъ неласковаго слова, не выразилъ неудовольствія на промедленіе. Когда мы тронулись съ мѣста, я непрестанно озирался назадъ и, можно сказать, влекся за товарищами, едва переставляя ноги. Мы вышли за городъ.—Шлагбаумъ за нами опустился!

Добрые жители все еще слѣдовали за нами. Когда мы отошли болѣе полуверсты, унтеръ-офицеръ велѣлъ

остановиться и, обратясь къ народу, началъ уговаривать, чтобы возвратились домой. Мы оглянулись назадъ, и какое восхитительное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ! Весь крѣпостной валъ усыпанъ былъ пестрѣющимся народомъ. Изъ воротъ выѣзжало множество экипажей, которые потомъ тихо тянулись по обѣимъ сторонамъ аллеи. Тѣснимая ими толпа, какъ будто волна мятущагося потока, клубилась въ воротахъ и разливалась по полю. Съ крѣпостныхъ стѣнъ дамы махали платками, мужчины—шляпами. Мы также, снявъ шапки, начали махать и кричать: «прощайте, добрые граждане, прощайте!»—и тысяча голосовъ отозвались: «прощайте!» Звуки взаимнаго сочувствія слились въ воздухѣ и связали этотъ узелъ, который не расторгаемъ ни разстояніемъ, ни временемъ.—Минута незабвенная въ моей жизни!

Нашъ унтеръ-офицеръ не зналъ, что дѣлать. Онъ, какъ угорѣлый, подошелъ къ намъ и просилъ насъ идти. Мы тронулись, и послѣднее «прости» изъ устъ народа постепенно замирало вдалекѣ! Каждый шагъ удалялъ насъ отъ родныхъ, отъ друзей, отъ милыхъ сердцу, отъ родины. Наконецъ, мы увидѣли себя однихъ посреди открытой степи. Едва назади мелькали еще позлащенные кресты церквей; впереди виднѣлись однѣ горы. День былъ довольно жаркій, повсюду царствовала глубокая тишина, изрѣдка нарушаемая заунывнымъ пѣніемъ подорожника; оно одно сливалось со звукомъ цѣпей нашихъ! Мы шли медленно, задумчиво, молча. Дикость степи навела дикую тоску на сердце. Я началъ чувствовать ужасную пустоту въ груди моей; казалось, всѣ душевныя силы истощились; въ тѣлесныхъ была одна усталость, изнеможеніе. Неописанно ужасное состояніе!

Здѣсь кстати посвятить еще нѣсколько, признательностію внушаемыхъ, словъ своимъ почтеннымъ согражданамъ. Въ теченіе цѣлыхъ полутора сутокъ, когда насъ ковали, брили, одѣвали въ армяки, водили

взадъ и впередъ по городу (то въ тюрьму, то въ кузницу, то въ полицію), расковывали и опять заковывали, намъ было явно, что мѣстное правительство думало, въ оправданіе своего суда, выставить насъ, какъ злодѣевъ и гнусныхъ преступниковъ, на всеобщее поруганіе и презрѣніе, но оно ошиблось. Не только простые граждане, но и чиновники, купцы, даже солдаты, подъ страхомъ военной дисциплины находящіеся,—однимъ словомъ,—всѣ жители принимали въ насъ живѣйшее участіе и явно показывали, что не одобряютъ жестокаго съ нами поступка. Одинъ только, и только одинъ инвалидной подпоручикъ—уволю себя отъ повторенія его имени—дѣлаетъ исключеніе (но заслуживаетъ-ли этотъ человѣкъ какое-либо вниманіе). Смѣло могу сказать, что сожалѣніе, намъ показанное, невѣроятно! Поставятъ ли часового къ тюрьмѣ—у него слезы на глазахъ; взглянемъ ли на кого-нибудь изъ солдатъ своихъ или простолюдиновъ—утираютъ слезы; даже высшіе чиновники... не могли скрыть своего невольнаго участія. Знакомые и незнакомые всѣ провожали насъ. По всей справедливости, самый выходъ нашъ изъ Оренбурга вовсе не походилъ на изверженіе преступныхъ гражданъ, но на печальные проводы милыхъ дѣтей, обреченныхъ на жертву. Добрые, почтенные, незабвенные сограждане! ваше участіе поселило въ сердцахъ нашихъ вѣчную благодарность. Какъ я, такъ и всѣ мои товарищи до конца дней своихъ должны вспоминать о васъ съ глубокимъ чувствомъ привязанности и уваженія. Богъ свидѣтель, какъ больно мнѣ, что у насъ нельзя передать благородной поступокъ вашъ во извѣстіе всему нашему отечеству!

Не прерывая молчанія, мы продолжали тащиться нога за ногу, погруженные каждый въ свою думу. Такое углубленіе въ самого себя сдѣлалось потребностію каждаго. Одинъ безчувственный предатель нашъ насвистывалъ аріи, довольно несносно для слуха, и этимъ медленно тиранилъ насъ.

На десятой верстѣ отъ города, около озера, унтеръ-офицеръ замѣтилъ нашу усталость, остановилъ конвой, отстегнулъ насъ отъ прута, какъ со своры, и мы бросились къ водѣ: кто сталъ умываться, кто— утолять жажду. Едва послѣ того успѣли мы прилечь на пригорокъ, какъ унтеръ-офицеръ закричалъ: «Вставайте! надѣвайтесь на прутъ. Пойдемъ потихоньку, кто-то ѣдетъ. Я боюсь, чтобы не выслали за нами присмотрѣть, какъ мы идемъ».—«Боже! какъ это несносно!» вскрикнули мы, встали, надѣли наручники, и поплелись далѣе. Но какое же было наше удивленіе, когда въ подъѣзжающемъ соглядатаѣ узнали жену Таптикова! Мы остановились, сбросили наручники и побѣжали къ ней. Таптиковъ, рванувшись, такъ дернулъ скованнаго съ нимъ Завалишина, что тотъ закричалъ: «Ай, больно, дай вытащить руку!»—«Да, злодѣй! тебѣ не больно тащить насъ въ Сибирь!»—отрывисто сказалъ ему Таптиковъ. Но эта апострофа явно проскочила мимо ушей того и не сдѣлала никакого впечатлѣнія.

Добрая г-жа Таптикова привезла намъ обѣдъ; мы вынули все изъ повозки, посадили ее, сами сѣли вокругъ, и начался пиръ. Мы смѣялись и шутили, какъ бы дома, не заботясь вовсе, гдѣ мы, и что мы. Такова юность! Когда кончили нашу трапезу, четверо изъ насъ сѣли на повозку; а я, Дружининъ и Шестаковъ пошли за нею пѣшкомъ, и такъ очередовались до самаго ночлега. Вскорѣ догнала насъ телѣга съ нашими вещами. Когда мы пришли къ р. Сакмарѣ— увидѣли, что на той сторонѣ дожидаются уже насъ крестьяне изъ села Каргалы. Подали паромъ, мы помѣстились и поплыли. По желанію Дружинина и Старкова, я взялъ гитару, заигралъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»; они подтянули. Г-жа Таптикова, глядя на насъ, прослезилась и потомъ начала укорять меня въ неумѣстной веселости.

— Не все же плакать,—сказалъ я ей,—вѣдь мы мужчины!

— Да,—примолвила она,—видѣла я твою твердость, какъ ты прощался съ Сашей.—Я усмѣхнулся на это, но что произошло въ сердцѣ моемъ отъ этого напоминанія! Раскаялся я, что далъ къ нему поводъ. Радъ былъ, что пристали къ берегу и что можно было сокрыть свое душевное волненіе. Вмѣстѣ съ крестьянами мы вошли въ ихъ селеніе. Хотя по маршруту оставалось идти еще 12 верстъ, но унтеръ-офицеръ принужденъ былъ, по совершенному истощенію нашихъ силъ, остаться здѣсь ночевать.

Это татарское селеніе имѣетъ еще другое названіе: Сеитовская слобода, которое происходитъ отъ перваго поселившагося въ ней казанскаго купца, по имени, Сеита. Прежде это селеніе было и многолюдно и богато. Въ немъ находилось много каменныхъ домовъ и мечетей; теперь (т. е. въ 1827 году) не болѣе десяти тѣхъ и другихъ, включая и гостиной дворъ. Видны еще многія развалины большихъ каменныхъ зданій. Жители почти всѣ татары. Они пріобрѣтали свое богатство грабежемъ и разбоемъ и даже недавно еще (до 1827 г.) разбивали почты. Этимъ навлекли судебное преслѣдованіе. Нѣсколько семействъ сослано въ Сибирь, нѣкоторыя въ конецъ разорены; опустѣло множество домовъ, жители вообще впали въ бѣдность.

Намъ отвели квартиру въ какомъ-то подземельи стараго развалившагося дома. По ступенямъ узкаго коридора мы спустились въ сырую, довольно темную, комнату. Спросили свѣчу, велѣли разложить огонь въ чувалѣ (родъ камина), и г-жа Таптикова принялась готовить намъ ужинъ. Между тѣмъ, мы занимались разсматриваніемъ нашего подземелья. Оно было не болѣе 3 саженъ въ длину и полторы въ ширину. Стѣны отъ сырости и древности покрылись мохомъ; на сводахъ висѣла паутина. Въ двухъ узкихъ окнахъ были толстыя кольцеобразныя желѣзныя заржавѣлыя рѣшетки; направо большая желѣзная дверь, съ такими же тяжелыми задвижками, запертая внутреннимъ

замкомъ. Мы любопытствовали узнать, что хранилось за этою дверью. Татаринъ, приставленный къ намъ для услуги, не могъ намъ этого сказать, потому что недавно въ этомъ домѣ. Зналъ только, что прежде тутъ жилъ богатый купецъ, котораго сослали въ Сибирь со всѣмъ семействомъ. По его словамъ, этого купца почитали колдуномъ, и какъ онъ самъ заперъ эту дверь, то никто не осмѣливается отворить ее. «Правда,—примолвилъ онъ,—были смѣльчаки, которые пытались ее отломать, да вишь, никакой ломъ не беретъ!» и много еще насказалъ подобныхъ чудесъ. Посмѣявшись надъ суевѣрнымъ татариномъ, мы сѣли ужинать, а утоливъ голодъ, расположились тотчасъ спать попарно, какъ были скованы, кто гдѣ могъ сыскать себѣ мѣсто. Мы не спали всю прошлую ночь, потомъ перенесли столько душевныхъ потрясеній, и, наконецъ, утомились дорогою; мудрено ли послѣ этого, что крѣпкій сонъ немедленно овладѣлъ нами.

Глава II.

Послѣднее прощаніе.

Приди мое рожденье!
Да будетъ надъ тобой мое благословенье!—

Озеровъ.

Азанчи уже прокричали на минаретахъ свои хвалебныя пѣсни, призывая правовѣрныхъ мусульманъ въ мечети, чтобы утреннею молитвою испросить у Аллаха благословеніе на наступающій день. Мы встали довольно съ покойнымъ духомъ. Между тѣмъ, какъ унтеръ-офицеръ хлопоталъ о подводахъ, а добрая г-жа Таптикова готовилась поить насъ чаемъ, мы вышли изъ нашего душнаго погреба подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться утреннимъ солнышкомъ. Поглядѣли въ ту сторону, куда влекло насъ столько сладостныхъ воспоминаній, взглянули на небо, ввѣрили себя Провидѣнію и возвратились къ ожидающему насъ чаю. Солнце уже было высоко, когда намъ привели подводу въ одну лошадь. Мы склали на нее всѣ наши вещи и отправились въ путь, уже безъ прута, и это первое облегченіе было для насъ крайне ощутительно. Когда проходили по селенію, любопытные мусульмане тѣснились около насъ; нѣкоторые напутствовали насъ добрымъ словомъ. Отойдя съ версту отъ селенія, мы поднялись на гору, и вдругъ Оренбургъ съ окрестностями своими представился нашему взору. Сквозь рѣдѣющій воздухъ

виднѣлся городъ, а за нимъ разстилалась необозримая киргизъ-кайсацкая степь. Съ неописаннымъ чувствомъ взглянули мы въ послѣдній разъ на это вмѣстилище всего, что насъ привязывало еще къ жизни. Нѣсколько минутъ мы стояли неподвижно и не могли оторвать своихъ взоровъ, отуманенныхъ слезами. Внезапно пламенный энтузіазмъ любви къ родинѣ овладѣлъ нами, мы всѣ вдругъ схватили по горсти земли и клялись хранить ее при себѣ до конца нашей жизни вмѣстѣ съ благодарнымъ воспоминаніемъ о добрыхъ нашихъ согражданахъ. Взглянули еще разъ, перекрестились, поклонились и, сказавъ «прости!», пошли далѣе. Здѣсь представлялась картина другого рода. Направо къ сѣверу черной полосой тянулся хребетъ Уральскихъ горъ. На ближайшей къ намъ, съ угрюмою гордостію, возвышались вѣковыя огромныя сосны. Влѣво бѣлѣлась мѣловая гора, а вдали мѣстами мелькалъ едва желтѣющій кустарникъ. Все это озарялось ярко-горящимъ утреннимъ солнцемъ и сливалось въ ту неподражаемую гармонію, съ какою живописуетъ одна природа. Душа наша расцвѣла, и мы пропѣли гимнъ, нѣкогда въ патріотическихъ мечтахъ сочиненный незабвеннымъ Кудряшевымъ, который въ это время, можетъ быть, съ горняго жилища своего привиталъ намъ духомъ своимъ и продолжалъ одушевлять насъ. Такіе люди никогда совсѣмъ не умираютъ.

Около полудня мы дошли до пригородка Сакмарска, гдѣ по маршруту назначенъ былъ первый ночлегъ.

Сакмарскъ—небольшое селеніе съ маленькою церковію, прекрасной архитектуры, недавно выстроенною изъ бѣлаго камня. Жители всѣ почти—уральскіе казаки, переселенные сюда вслѣдствіе бунта, бывшаго въ Уральскѣ, при управленіи Оренбургскимъ краемъ князя Волконскаго, или, лучше сказать, извѣстнаго своими злоупотребленіями Ермолаева. Мы пообѣдали,

отдохнули и только что вышли на крыльцо, какъ нѣсколько троекъ примчались къ нашимъ воротамъ. Мы терялись еще въ догадкахъ, какъ вдругъ человѣкъ пятнадцать солдатъ нашего полка вбѣжало на дворъ. Въ числѣ ихъ замѣтилъ я унтеръ-офицера и ефрейтора моего капральства. Они всѣ бросились обнимать насъ.

— Какими судьбами, ребята, съ чьего позволенія пріѣхали вы сюда?—спросили мы торопливо.

— Что тутъ спрашивать, Василій Павловичъ! отвѣчалъ унтеръ-офицеръ Ѳедоровъ: видите отъ всего полка пріѣхали въ послѣдній разъ взглянуть на васъ и пожелать вамъ благополучной дороги.

— И! Ѳедоровъ, не стыдно-ли? у тебя слезы на глазахъ!—сказалъ я.—Видишь, мы не плачемъ. Раскаиваться намъ не въ чемъ: безчестнаго ничего не сдѣлали; тебѣ все извѣстно.

— Знаемъ, и тѣмъ-то болѣе жаль. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Смотрите, ребята, какъ бы не подслушалъ васъ Завалишинъ,—сказалъ имъ Дружининъ въ полголоса.

— Этого мерзавца мы по клочкамъ разорвемъ,—вскричало нѣсколько голосовъ,—онъ и насъ хотѣлъ припутать, зато и мы его не пожалѣли, все высказали,—примолвили семеновскіе солдаты.

Мы стали представлять имъ, что съ нихъ могутъ строго взыскать, если узнаютъ объ ихъ настоящемъ поступкѣ, который, впрочемъ, съ нашей стороны, мы во всю жизнь не забудемъ.

— Что вы говорите—отвѣчали они: намъ теперь дана такая льгота, что мы, кромѣ караула, никуда не ходимъ и этимъ вамъ благодарны.

Однакожъ, мы настояли, чтобы они поспѣшили воротиться. Разставаясь съ нами, они еще болѣе доказали, какъ искренно и безкорыстно любили насъ. Они всѣ плакали и увѣряли, что вѣчно не забудутъ.

Мы съ трудомъ могли принудить ихъ взять отъ насъ 25 рублей, чтобы въ полку выпить за наше здоровье. Этотъ случай доставилъ намъ первое утѣшеніе, по удаленіи изъ Оренбурга, и потому я не въ состояніи умолчать о немъ.

Послѣ ихъ отъѣзда вскорѣ пріѣхало къ намъ изъ города нѣсколько знакомыхъ съ братомъ Вѣтошникова. Обниманія, восклицанія, слезы и смѣхъ — нѣсколько минутъ превратили въ одно сладостное мгновеніе [1]). Г-жа Таптикова тотчасъ распорядилась съ самоваромъ, и мы только что принялись за чашки, какъ вбѣжалъ солдатъ, крича: «Ваша матушка пріѣхала!» Чашка чуть не выпала изъ рукъ моихъ; опустивъ ее на столъ, я бросился со всѣхъ ногъ, забывъ, что скованъ съ другимъ. Дружининъ что-то кричалъ, останавливалъ, я ничего не слыхалъ. Выскочивъ на крыльцо, я искалъ ее взоромъ. «Гдѣ она? гдѣ она? отведите меня къ ней, ради Бога», говорилъ я солдатамъ. Они указали на квартиру и мы съ добрымъ моимъ Дружининымъ бѣгомъ побѣжали туда. Желѣзъ для насъ не существовало; насилу конвойной успѣвалъ за нами.—Нѣсколько шаговъ—и я у сердца матери!

Неоцѣненная матушка! Она была такъ спокойна! Я бросился лобызать ея руки и слезы заструились по щекамъ ея. Съ нею была сестра моя—шестилѣтній ребенокъ. Этотъ ангелъ невинности испугалась адскихъ цѣпей и безобразнаго моего вида. Она спряталась за свою маменьку. Но чувство природы преодолѣло: она начала выглядывать, вглядываться въ меня и, наконецъ, слыша призывъ мой, бросилась ко мнѣ въ объятія.

---

[1]) Въ числѣ пріѣзжихъ былъ одинъ казачій офицеръ, который отъ имени оренбургскихъ гражданъ спрашивалъ насъ: получили ли мы пять тысячъ рублей, будто бы собранные для насъ купечествомъ и чиновниками. Мы отвѣчали, что и не слышали объ этомъ.

В. К.

— Братецъ, братецъ! что у тебя на ногахъ? Зачѣмъ ты повязалъ головку (я былъ повязанъ платкомъ)? болитъ? не привязать-ли уксусу? Дай я подую, пройдетъ.—Будучи не въ состояніи держаться отъ слезъ, я расцѣловалъ ее и старался увѣрить, что насъ связали съ Дружининымъ цѣпью за то, что мы худо учились. Она бросилась къ матери и начала со слезами просить: «Маменька! маменька! поѣдемъ домой, я у папеньки выпрошу, чтобы онъ простилъ братца, а то ему больно».

Мать могла отвѣчать однѣми слезами и поцѣлуями. Мало по малу мы успокоились отъ сильныхъ внутреннихъ движеній и разговоръ нашъ склонился на предстоящія намъ трудности. Матушка объ одномъ просила, объ одномъ молила,—къ одному клонились всѣ ея наставленія: быть осторожнымъ. Мы много плакали. Одна сестра милымъ лепетаніемъ своимъ развлекала насъ и заставляла иногда улыбаться. Я не могъ освоиться съ мыслію, что въ послѣдній разъ ихъ вижу. Мы отужинали вмѣстѣ. Я пожелалъ ей спокойной ночи, она благословила меня, и мы разстались до утра, съ сокрушеннымъ сердцемъ.

По возвращеніи къ товарищамъ мы нашли ихъ съ гостями въ довольно веселомъ расположеніи духа. Но я не могъ уже принять участія въ этомъ веселіи.

Когда все утихло, не раздѣваясь, я легъ спать на прилавкѣ. Несмотря на душевное и тѣлесное изнеможеніе, я долго не могъ заснуть. Свинцовая грусть давила грудь мою. Всѣ свѣтлыя мечты, всѣ радостныя надежды, все, что прежде наполняло душу восторгомъ,—все это измѣнилось теперь въ какое-то непонятное мрачное предчувствіе. Одна безотрадная мысль смѣняла другую. Наконецъ, природа взяла верхъ, связь идей стала разрываться, въ глазахъ начали появляться легкіе, неясные призраки, и я заснулъ. Но и во снѣ не было спокойствія: душа моя безпрестанно возмущалась различными сновидѣніями. Я то плакалъ, то

стоналъ, то смѣялся, то вскакивалъ съ крикомъ. Такъ прошла ночь.

Только что начало свѣтать, я всталъ и отворилъ окно, чтобы освѣжиться воздухомъ. Небо было чисто, звѣзды искрились еще; но поражаемые дневнымъ свѣтомъ, одна по одной вскорѣ потухли, только Аврора долѣе другихъ красовалась своею прелестію; но и та, наконецъ, скрылась при появленіи величественнаго Феба. Любуясь этою великолѣпною картиною природы, я возносился мыслями къ непостижимому Творцу, и пламенная молитва излилась къ Нему изъ души моей. Она меня успокоила совершенно. Я почувствовалъ въ себѣ новыя силы и въ эту минуту матушка прислала за мною. Я разбудилъ своего Дружинина. Приходимъ, и кофе уже на столѣ. Въ послѣдній разъ я могъ забыться и подумать, что я еще принадлежу къ семейству! Два часа съ матушкою протекли, какъ двѣ минуты. Унтеръ-офицеръ пришелъ сказать: «время!»

На мой отвѣтъ: «сейчасъ придемъ», онъ мнѣ сказалъ: «Пожалуйста поскорѣе. Мнѣ сказывали, сейчасъ пріѣдетъ офицеръ свидѣтельствовать — какъ мы идемъ».—«Сейчасъ, сейчасъ!» повторилъ я съ горестію. И вотъ настала роковая для меня минута. Хладной трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ, кровь стынула, сердце едва билось, слезы уже не текли, но какъ бы леденѣли на рѣсницахъ, и я, какъ громомъ оглушенный, невольно сѣлъ на лавку, ничего не чувствовалъ, устремилъ только мутный, неподвижный взоръ свой на матушку и на сестрицу. Она не плакала, не стонала, но на лицѣ ея видна была смертная блѣдность. Она взяла свѣчи и затеплила ихъ передъ образами. «Ну, Хрисанфъ Михайловичъ! — сказала она Дружинину едва внятнымъ голосомъ, — теперь присядемъ немного, уже мало остается времени». Потомъ сѣла у стола и, опершись обоими локтями, печально склонила голову на руки, прикрыла лице свое

ладонями и шопотомъ возсылала моленіе ко Всевышнему. Милая сестра смотрѣла на нее внимательно; двѣ крупныя слезы блистали на ея глазахъ. Мы съ Дружининымъ были погружены въ глубокое молчаніе и также молились. Въ это время—какъ мнѣ послѣ разсказали — приходилъ унтеръ-офицеръ сказать, что офицеръ точно ѣдетъ, но онъ, изъ уваженія, не смѣлъ отворить рта, перекрестился и вышелъ въ сѣни. Наконецъ, матушка, опираясь рукою о столъ, поднялась и обратилась къ образамъ. Я бросился къ ея ногамъ, и она, простря руки къ небу трепещущимъ голосомъ произнесла: «Милосердый Боже! Тебѣ вручаю его!» Возложа потомъ обѣ руки на мою голову, сказала: «Будь надъ тобою мое благословеніе!» и, поднявъ меня, заключила въ свои материнскія нѣжныя объятія. Слезы и рыданія наши соединились. Малютка сестра, также въ слезахъ, прижавшись къ матери, неотступно спрашивала: «Маменька! маменька! да скажите, куда это братецъ ѣдетъ»!

Слыша это, я вырвался изъ объятій матушки, подхватилъ на руки этого милаго ребенка и, расцѣловавъ, передалъ матушкѣ. «Любите ее, маменька!— сказалъ я,—умоляю васъ, дайте ей пристойное воспитаніе, напитайте ее вашими наставленіями, это нужнѣе всякаго приданаго. Она, вмѣсто меня, будетъ утѣшеніемъ вашей старости, я въ этомъ увѣренъ».

— Да! она мнѣ одна теперь осталась,—сказала матушка удушающимся голосомъ, прижавъ ее къ груди своей, и, потомъ опустя ее, опять обняла меня, сказавъ: «Прости, мой сынъ!» Сердце мое замерло. Я не слыхалъ, что Дружининъ съ унтеръ-офицеромъ звали меня. Они, наконецъ, силою оторвали меня отъ матери и подъ руки вытащили на крыльцо, и здѣсь еще мнѣ слышались ея вздохи и стоны, которые понынѣ отзываются въ душѣ моей. Они повели меня подъ руки и старались разговаривать. Я почти ничего не понималъ. Когда пришли на квартиру, наши

товарищи были уже готовы къ отправленію. Намъ надобно было разстаться съ тѣми, которые отправлялись въ Грузію. Я почти не видалъ и не слыхалъ, какъ разставался съ своею женою Таптиковъ. Мое прощаніе съ этою доброю женщиной и съ товарищами, которыхъ такъ любилъ, едва было для меня ощутительно,—едва я примѣчалъ, что со мною дѣлалось: сердце мое истощилось совершенно. Помню только, что они, обнимая меня, клялись не забыть до гроба. Они поѣхали, и мы тронулись съ мѣста. Поддерживаемый Дружининымъ, не помню, какъ я плелся. Когда мы отошли съ полверсты, вдругъ насъ остановили. Какъ будто испуганный, я пробудился отъ тяжкаго забвенія. Дико озираясь, я старался припоминать, что со мною случилось, и потомъ, опять забывшись, со слезами спрашивалъ: «Гдѣ мы? зачѣмъ мы здѣсь?—гдѣ она? гдѣ она?» Дружининъ и Таптиковъ, поддерживая меня, старались развлечь меня. «Стыдись!—сказалъ Таптиковъ,—приди въ себя. Вонъ офицеръ пріѣхалъ насъ осматривать. Неужели хочешь показать ему свое слабодушіе?»

Это замѣчаніе потрясло меня, я ободрился и тутъ же замѣтилъ, что я опять въ наручникахъ и пристегнутъ къ пруту. Офицеръ, въ самомъ дѣлѣ, подошелъ къ намъ, обошелъ кругомъ, посмотрѣлъ, сѣлъ на повозку и уѣхалъ.

Только что мы двинулись съ мѣста, я почувствовалъ чрезвычайную слабость и не могъ идти. Унтеръ-офицеръ, снявъ насъ съ прута, меня и Дружинина посадилъ на повозку. Я прилегъ къ нему на колѣна. Голова моя горѣла, я былъ въ состояніи, похожемъ на бѣлую горячку. Поминутно спрашивалъ: «гдѣ матушка? гдѣ сестра? зачѣмъ у меня отняли ихъ? куда насъ тащатъ»? и т. п. Добрый Таптиковъ, не отходя отъ повозки, помогъ, наконецъ, Дружинину успокоить меня и уложить спать. За пять верстъ до ночлега, какъ они послѣ разсказывали, я дѣйствительно за-

снулъ. На станціи меня разбудили, ввели въ пустую башкирскую избу (башкирцы съ весны до глубокой осени кочуютъ въ кибиткахъ), положили на солому, и я проспалъ до утра. На другой день я не чувствовалъ ни жара, ни головной боли, но все мое тѣло было въ изможденномъ и разслабленномъ состояніи.

Всякой, кто будетъ читать когда-нибудь эти записки, я увѣренъ, проститъ мнѣ излишнюю, можетъ быть, точность въ описаніи разлуки съ матерью. Если онъ еще не разставался съ своею нѣжною родительницею, пусть представитъ близкую вѣчную разлуку съ нею и спроситъ свое сердце, каково ему при одномъ воображеніи! Если же онъ лишился ея или удаленъ отъ нея навсегда, пусть вспомнитъ, что чувствовалъ въ роковую минуту; онъ согласится, что нѣжному сыну позволительно быть многорѣчивымъ, говоря о незабвенной матери. Впрочемъ, мнѣ для себя хотѣлось изобразить съ полною истиною тогдашнее состояніе души моей: я пишу не для тисненія.

Описавъ послѣднюю вѣчную разлуку со всѣми близкими сердцу, я долженъ здѣсь отдать справедливость моимъ товарищамъ. Они сносили свое положеніе безропотно и съ душевнымъ спокойствіемъ. Таптиковъ, какъ ни грустилъ о женѣ своей, легко однакожъ развлекался природною веселостію и беззаботливостію характера; притомъ ему много помогали большая опытность и многолѣтнее знакомство съ несчастіемъ и трудностями похода. Дружининъ, въ первомъ еще цвѣтѣ юности, легко увлекался мечтами, и питалъ полную довѣренность къ будущности: ему все еще въ жизни улыбалось, въ самыхъ желѣзахъ онъ видѣлъ поэзію. Тѣ товарищи, которые отправились въ Грузію, хотя съ горестію разстались съ нами, но были бодры духомъ и полны надеждъ.

Глава III.

Переходъ до Уфы.—Встрѣчи.

«Вездѣ есть добрые люди!»
(Народная поговорка).

Въ этотъ день (14 сентября) мы проѣхали и прошли двѣ станціи и остановились на почтовомъ дворѣ. Селеніе было въ сторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ четырехъ. Хозяинъ напоилъ насъ хорошимъ кумысомъ, послѣ чего мы выкупались въ рѣкѣ, и мое здоровье стало поправляться. Здѣсь Дружининъ и Таптиковъ предложили мнѣ быть у нихъ артельщикомъ. Они отдали мнѣ свои деньги, которыхъ было у перваго 175 р., у второго 115, да у меня 105 р. Завалишинъ также предложилъ мнѣ свои деньги; я, однакоже, не взялъ, но, по настоятельной просьбѣ моихъ товарищей, долженъ былъ уступить, и взялъ отъ него 25 р., т. е. все, что онъ имѣлъ; итакъ, весь нашъ капиталъ, съ которымъ мы должны были пройти 5,000 верстъ, состоялъ изъ 420 р. Отселѣ я уже не буду упоминать всѣхъ станцій и ночлеговъ, но единственно тѣ, въ которыхъ встрѣтилось что-либо примѣчательное или памятное.

Такимъ образомъ, безъ дальнихъ приключеній дошли мы до послѣдняго ночлега, къ городу Стерлитамаку, до деревни Алла-Чуватовой. Здѣсь, по разспросамъ мы узнали, что изъ этого города отправляютъ арестантовъ точно такъ же, какъ придутъ изъ Оренбурга, т. е., если приведены безъ прута, то и

отправятся въ однихъ ножныхъ кандалахъ. Поэтому, хотя унтеръ-офицеръ и не надѣвалъ уже насъ на прутъ съ тѣхъ поръ, какъ снялъ съ него по случаю моего изнеможенія, но чтобы обезпечить себя и на будущее время, мы упросили его оставить этотъ прутъ въ какой-либо деревнѣ и не говорить въ городѣ, что мы были отправлены на немъ. Онъ уступилъ нашей просьбѣ. За это снисхожденіе и вообще за доброе обращеніе съ нами, какъ его, такъ и рядовыхъ, мы дали имъ 20 р., съ придачею казенныхъ армяковъ, и они остались предовольны. Унтеръ-офицеру приказано было, сдавъ насъ въ Стерлитамакѣ, возвратиться въ Оренбургъ. Пользуясь этимъ случаемъ, мы дали ему письма. Я и Таптиковъ просили доставить лично моей матушкѣ и его женѣ, а Дружининъ и Завалишинъ желали, чтобы онъ переслалъ къ ихъ матерямъ по адресу въ мѣста ихъ жительства, если найдетъ возможнымъ. Послѣ мы узнали, что всѣ эти письма доставлены были въ исправности.

Сентября 25, въ 2 часа пополудни, мы пришли въ Стерлитамакъ, отстоящій отъ Оренбурга на 231 версту,—и прямо въ острогъ, гдѣ встрѣтилъ насъ дежурный офицеръ во всей формѣ. Здѣсь ждали прибытія военнаго губернатора. Нимало не медля, повели насъ въ кузницу для снятія желѣзъ, которыя надобно было сдать приведшему насъ унтеръ-офицеру. По возвращеніи въ острогъ, отобрали всѣ наши вещи и не иначе дозволили вынимать что-нибудь изъ чемодановъ, какъ при караульномъ унтеръ-офицерѣ. Мы не безъ удовольствія подумали, что, по крайней мѣрѣ, на время пребыванія въ этомъ городѣ избавились безпокойныхъ ножныхъ гирляндъ—но ничуть не бывало: вмѣсто желѣзъ набили намъ на ноги тяжелыя деревянныя колодки, которыя въ десять разъ несноснѣе первыхъ. Съ этимъ новымъ украшеніемъ отвели насъ въ особый нумеръ.

Было уже 6 часовъ вечера, какъ вовсе неожи-

данно вошелъ къ намъ почтенный старикъ, инвалидный поручикъ г. Тюменевъ. Обнявъ меня, онъ прослезился и увѣрялъ, что чрезмѣрно больно видѣть насъ въ такомъ положеніи. Мы всѣ благодарили его за участіе. Я съ нимъ познакомился три года тому назадъ, когда, проѣзжая въ Уфу и обратно, въ оба пути останавливался у него въ домѣ. Поговоривъ съ нами немного о томъ, какъ онъ и все его семейство сокрушались, когда услышали о нашемъ дѣлѣ и особливо о рѣшеніи его, онъ насъ оставилъ, давъ слово еще увидѣться. При этомъ обѣщалъ прислать что-нибудь поѣсть, примолвя: «Не осудите, чѣмъ Богъ послалъ!» Доброта эта насъ умилила до слезъ.

Только что онъ ушелъ, оставя по себѣ столь пріятное впечатлѣніе, насъ позвали въ караульню, гдѣ караульный офицеръ объявилъ, что приказано обрить намъ головы, и, когда мы, горько улыбнувшись, замѣтили, что мы недавно обриты, офицеръ отвѣчалъ: «Что дѣлать, господа! сюда ждутъ военнаго губернатора, а нашъ командиръ — трусъ ужасный; вы же обриты не по формѣ». Послѣднія слова присовокупилъ онъ смѣючись.—Какъ ни больно казалось это подновленіе нашего безобразія, дѣлать было нечего, я первый сѣлъ подъ бритву, тѣмъ болѣе, что офицеръ отнялъ у насъ надолго самую надежду избавиться этого, увѣривъ, что положено брить на каждомъ этапѣ. Цирюльникъ приступилъ съ важнымъ видомъ, намылилъ мнѣ полголовы въ другомъ уже направленіи, т. е. съ затылка на лобъ, и началъ безъ милости драть тупою бритвою. «Постой,—вскричалъ я,—ты вѣрно въ первый разъ отъ роду бреешь сехлетныхъ, обрѣй хорошенько, получишь на водку». Онъ тотчасъ вытащилъ изъ кожаной кисы другую бритву, направилъ ее на ремнѣ и принялся брить съ довольно спокойною ловкостію. За мною подверглись и другіе той же операціи. При всемъ огорченіи мы не могли удержаться отъ смѣха, глядя другъ на друга.

Въ Оренбургѣ брили наши головы поперекъ, а здѣсь— вдоль, и такъ у насъ остались волосы только на половинѣ затылка!

Когда все это кончилось, взошелъ къ намъ слуга г. Тюменева съ узломъ, въ которомъ содержался ужинъ. Мы его тотчасъ обступили, и, покамѣстъ товарищи принимали отъ него и разбирали блюда, я закидалъ его вопросами о семействѣ его господина, и когда спросилъ:—помнятъ ли меня барышни? онъ отвѣчалъ: «Какъ же, ваше почтеніе, крѣпко наказывали, кланяются вамъ: скажи дескать Василью Павловичу, что мы его помнимъ и сильно жалѣемъ». При этомъ, почесывая голову, онъ значительно мигнулъ и дернулъ меня непримѣтно за полу халата; едва я успѣлъ взглянуть на его руку, какъ онъ съ отмѣннымъ проворствомъ сунулъ мнѣ маленькій узелокъ и сдѣлалъ знакъ, чтобы я его спряталъ. Я успѣлъ это сдѣлать такъ, что ни офицеръ, ни солдаты не примѣтили. Шепнувъ ему, чтобы онъ кланялся и благодарилъ, я тотчасъ удалился въ свой нумеръ.

Какое было мое удивленіе, когда, развязавъ узелъ, я нашелъ въ немъ два бисерныхъ шнурка для часовъ и бисерной же кошелекъ, нѣсколько листовъ бѣлой бумаги, два карандаша, графинчикъ съ водкою, маленькую старинную серебрянную чарочку и на верху всего сложенную записку, которая и теперь у меня хранится, какъ свидѣтельство милаго добродушія и простосердечія трехъ молодыхъ дѣвицъ — родныхъ сестеръ, взросшихъ на границѣ Азіи, вдали отъ моднаго, роскошнаго свѣта и воспитанныхъ подъ назиданіемъ родительской любви и нѣжности. Я помѣщаю эту записку здѣсь отъ слова до слова. Вотъ она:

«Любезный Василій Павловичъ, посылаемъ мы вамъ: я—кошелекъ, Пашинька и Феничка—по шнурочку; примите вы это отъ насъ въ знакъ памяти и уваженія къ вамъ. Мы очень соболѣзнуемъ объ васъ, Василій Павловичъ, какъ васъ Богъ попуталъ въ это

дѣло. Мы своего папеньку слезно просили, нельзя ли будетъ съ вами повидаться, и онъ намъ это обѣщалъ; какъ только Эссенъ уѣдетъ, мы съ радостію къ вамъ прибѣжимъ; вы помните, какъ у насъ гостили и писали намъ стишки; мы ихъ бережемъ, какъ драгоцѣнность и когда собираемся читать, то всегда васъ поминаемъ; и просимъ мы васъ нижайше—напишите намъ что-нибудь еще, мы вамъ посылаемъ карандашъ и бумагу и будемъ ихъ хранить, какъ послѣдній для насъ памятникъ и утѣшеніе, которое вы намъ оставите, и мы ихъ будемъ читать, да васъ вспоминать. Кланяемся вамъ и желаемъ быть здоровымъ для перенесенія такого труднаго пути. Остаемся любящія и уважающія васъ и цѣлуемъ васъ. Авдотья, Прасковья, Ефимья Тюменевы».

Образованныя дѣвицы высшей сферы, если бы какими судьбами случилось имъ прочесть эту записку, можетъ быть, посмѣялись бы надъ ней съ презрѣніемъ, но пусть вспомнятъ, что эти строки диктованы неподдѣльною непорочностью и добротою сердца и писаны къ молодому человѣку ошельмованному..... въ желѣзахъ, въ тюрьмѣ,—тогда, можетъ быть, это легкомысленное презрѣніе замѣнится другимъ чувствомъ, болѣе приличнымъ, какъ истинному просвѣщенію, такъ и нѣжной разборчивости прелестнаго пола. Онѣ вспомнятъ при томъ, что эти добрыя созданія не виноваты, что судьба не дала ихъ родителямъ возможности бросить десятки тысячъ на ихъ воспитаніе. Я не безъ намѣренія употребилъ этотъ глаголъ: онъ часто бываетъ ближе къ истинѣ, когда говорится о блестящемъ воспитаніи.

Когда я прочиталъ эту записку, слезы признательности вытиснулись изъ глазъ моихъ. «Благодарю васъ, милыя мои землячки!» вскрикнулъ я невольно, цѣлуя эти строки. Въ эту минуту взошли мои товарищи: они услышали мой голосъ и съ любопытствомъ спрашивали, что это значитъ? «Ну, братъ

Таптиковъ, сказалъ я, мнѣ сегодня будетъ работа; но ты у насъ—ходящій архивъ стиховъ, такъ поможешь мнѣ; на-ка, прочти».—Таптиковъ взялъ записку, пробѣжалъ ее глазами, возвратилъ мнѣ, открылъ табакерку и, разнюхавъ спокойно напойку табаку, отвѣчалъ: «Ну хорошо; только сперва, батинька, выпьемъ да поѣдимъ; такъ и память просвѣтлѣетъ, и работать будетъ веселѣе». Противъ такого аргумента мало найдется словъ. И такъ мы принялись за свой ужинъ, какой вовсе не ожидали имѣть въ стерлитамакскомъ острогѣ!... Дружининъ и Завалишинъ вскорѣ легли спать, а я съ Таптиковымъ принялись за стихи; онъ декламировалъ, я писалъ. Такимъ образомъ, у меня исписались цѣлыхъ два листа кругомъ. Въ заключеніе, нечего грѣха таить, приписалъ нѣсколько своего произведенія. Окончивъ это, и мы вскорѣ заснули.

Поутру мы не спѣшили вставать: знали, что по маршруту намъ назначена здѣсь дневка. Часу въ 10-мъ унтеръ-офицеръ позвалъ насъ въ караульню. Мы тотчасъ одѣлись и пошли. Намъ въ голову не приходило, что насъ тутъ ожидало. Очень спокойно отворили дверь—и что же? Намъ представилось все семейство почтеннаго Тюменева въ хлопотахъ около стола, накрытаго уже скатертью: кто разставлялъ тарелки, кто придвигалъ стулья. Я хотѣлъ было броситься къ милымъ добрымъ своимъ землячкамъ, чтобы поздороваться съ ними, но въ этой проклятой колодкѣ споткнулся и упалъ къ ногамъ ихъ. Онѣ съ участіемъ бросились меня поднимать. Я смѣшался, покраснѣлъ, цѣловалъ руки ихъ, но онѣ просто поцѣловались со мною дружески. Я началъ было благодарить за вниманіе, за подарки, но онѣ, ничего не слушая, всѣ три бросились къ отцу. «Папенька, милый папенька,—говорили онѣ, перерывая одна другую, съ умиленіемъ,—пожалуйста велите сбить съ нихъ эти колодки. Эссена ужъ нѣтъ здѣсь, а вы же еще и дежурнымъ; смотрите, какъ они бѣдняжки изби-

лись».—«Сейчасъ, мои дѣти»,—отвѣчалъ старикъ, и у него показались слезы. «Сейчасъ, спасибо, мои милыя, что вы меня надоумили, а мнѣ изъ ума вонъ. Вотъ и я, глядя на васъ, разнѣжился», — прибавилъ онъ, протирая платкомъ глаза. «Унтеръ-офицеръ! сейчасъ сбить колодки!»—«Слушаю-съ!»—отвѣчалъ тотъ, и черезъ минуту на насъ уже не было ихъ.

Мы очень были рады, избавившись этого ига. Не умѣя въ нихъ ходить, мы безпрестанно падали и ушибались. Пользуясь теперь свободою ногъ, я бѣгомъ бросился въ свой нумеръ, взялъ заготовленные стихи и отдалъ потихоньку старшей изъ сестеръ Авдотьѣ Ивановнѣ. Она благодарила и просила написать изъ Уфы съ унтеръ-офицеромъ, который съ ея стороны объ этомъ уже предваренъ. Головы у насъ были обвязаны платками, и она теперь только замѣтила, какъ безобразно мы были обриты. «Боже мой!» вскричала она, всплеснувъ руками, и начала плакать. Я сѣлъ подлѣ нея и сталъ ее утѣшать, представляя, что это унижаетъ больше нашихъ недруговъ, нежели насъ. Но тутъ добрый гостепріимный старецъ закричалъ мнѣ: «Полно тебѣ возиться тутъ съ дѣвками; поди-ка лучше, братъ, да подъѣшь хорошенько на дорогу; такъ оно вѣрнѣе».

Кое-какъ успокоивъ плачущую, я повиновался призыву старика, и съ почтеннымъ его семействомъ всѣ сѣли за столъ. Дружининъ, Таптиковъ и я наперерывъ старались, сколько возможно, привести въ забвеніе сущность нашего положенія. Припоминали прошедшее, шутили, смѣялись и говорили разный вздоръ. Во все это время, надобно замѣтить, добрые Тюменевы не обращали никакого вниманія на нашего предателя. Хотя онъ, по безстыдству своему, нѣсколько разъ принимался заговаривать, однакоже, не только дѣвицы, но и самъ почтенный старецъ отворачивался отъ него. Ему дали очень явно почувствовать, что онъ сидитъ между нами только изъ ува-

женія къ несчастью, соединяющему его съ нами; и такъ онъ оставался вовсе чуждымъ нашей бесѣдѣ.

Послѣ сытнаго и вкуснаго завтрака, мы простились. Я проводилъ дѣвушекъ до воротъ, гдѣ онѣ мнѣ сказали, что пришлютъ кое-чего изъ съѣстного на дорогу. Когда я возвратился въ караульню, старикъ Тюменевъ объявилъ, что мы должны сего же дня отправиться въ путь. На мое замѣчаніе, что намъ здѣсь назначена дневка, онъ отвѣчалъ: «Знаю; но вчера, когда Эссенъ былъ здѣсь, нашъ начальникъ, штабсъ-капитанъ Дашковъ (изъ татаръ) докладывалъ ему, что васъ привели сюда, и онъ на это, говорятъ, сказалъ: «А! они уже здѣсь; такъ завтра же ихъ отправить». Можно себѣ легко вообразить, какъ больно было намъ, что этотъ жестокосердный человѣкъ лишилъ насъ дневки въ такомъ гостепріимномъ мѣстѣ. Мы не могли понять, какъ можно человѣку въ такомъ высокомъ санѣ преслѣдовать людей столь ничтожныхъ и никогда лично его не оскорбившихъ. Не нужно объяснять, что мы къ нему чувствовали.

Добрый старецъ Тюменевъ сказалъ намъ: «Повѣрьте, господа, я съ прискорбіемъ выполняю это приказаніе; мнѣ бы хотѣлось еще денекъ провести съ вами, но мы люди подначальные». Потомъ взявъ меня за руку, сквозь слезы продолжалъ: «Простите меня, не сердитесь, я долженъ васъ заковать».

Мы всѣ усердно благодарили почтеннаго старца за искреннее его участіе и старались увѣрить, что отнюдь не можемъ обвинять его, понимая совершенно обязанности службы, и если бъ были на его мѣстѣ, то же бы сдѣлали. Итакъ, въ сопровожденіи унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ насъ повели въ кузницу, гдѣ меня опять заковали съ Дружининымъ, а Таптикова и Завалишина порознь, потому что первый никакъ не соглашался быть вмѣстѣ съ нимъ скованнымъ. По возвращеніи мы уклали наши вещи на приготовленную подводу и отправились въ походъ почти въ 11 часовъ.

Тюремный острогъ отъ города шагахъ въ 300. Мы не успѣли войти въ улицу, какъ множество людей столпилось около насъ и такъ черезъ весь городъ насъ провожали. У немногихъ примѣтны были слезы; иные даже смѣялись; прочіе съ спокойнымъ видомъ двигались машинально, зѣвая на насъ съ однимъ глупымъ любопытствомъ. «Это не то, что въ Оренбургѣ!» сказалъ я Дружинину. Нѣкто оренбургской помѣщикъ г. Борисовъ, у котораго въ проѣздъ мой въ Уфу я нѣсколько разъ бывалъ, и котораго сынъ служилъ у насъ въ полку и былъ со мною коротко знакомъ, вышелъ къ воротамъ своего дома съ разряженнымъ семействомъ и не удостоилъ даже подойти къ намъ, хотя насъ раздѣляло только 20 шаговъ пространства, когда мы проходили мимо. За городомъ, саженяхъ въ 100 отъ заставы, мы перешли черезъ оврагъ по мосту, и, когда поднялись на гору, увидѣли милое семейство Тюменева. Мы съ Дружининымъ тотчасъ побѣжали къ нимъ. Они нарочно вышли, чтобы доставить намъ нѣсколько съѣстного на дорогу и проститься съ нами. Желая нѣсколько проводить насъ, эти добрыя дѣвицы просили идти тише и пошли съ нами. Замѣтивъ, что онѣ плачутъ, мы принялись развлекать ихъ, шутя надъ своимъ положеніемъ, и увивались около нихъ, какъ бы шли для прогулки. Одинъ предатель нашъ, оставленный всѣми, шелъ по другую сторону дороги и насвистывалъ. Когда дѣвицы наши успокоились, стали разспрашивать о сущности нашего дѣла: какъ Завалишинъ насъ предалъ? какъ насъ арестовали, какъ судили и засудили? Все имъ хотѣлось знать. Мы удовлетворили наскоро ихъ любопытству. Одна спросила, наконецъ, какъ разсталась со мною матушка?—«О, ради Бога, не напоминайте о моей милой матушкѣ,—сказалъ я,—не могу безъ горести вспомнить о ней!»—и слезы навернулись на глазахъ моихъ. Собравшись съ духомъ, я убѣдительно просилъ ихъ, чтобы онѣ

къ ней написали. Онѣ не только это обѣщали, но хотѣли побывать у ней и лично пересказать, какъ меня провожали, потому что сбирались вскорѣ въ Оренбургъ въ гости къ брату своему. Пройдя, такимъ образомъ, версты двѣ, мы, наконецъ, простились на вѣки съ этими добродушными дѣвицами. Онѣ дали намъ свою повозку, чтобы довезла насъ до первой станціи, «А тамъ»,—прибавила Авдотья Ивановна,—«вы не будете нуждаться въ подводахъ» и просила еще унтеръ-офицера, чтобы онъ позаботился объ этомъ и не допускалъ насъ нуждаться въ чемъ-либо; при этомъ наказала доставить ей въ исправности письма, какія отъ насъ ему даны будутъ. На это на все унтеръ-офицеръ отвѣчалъ непреложнымъ: «слушаю-съ!» Однимъ словомъ, эти милыя дѣвицы приняли насъ, угостили и проводили, какъ истинно родныхъ.

Пришедъ на станцію во время сумерекъ, мы узнали, что военный губернаторъ пробылъ здѣсь часовъ пять: онъ тутъ пилъ чай, отдыхалъ и прогуливался по деревнѣ. Мы заключили изъ этого, что онъ желалъ избѣжать встрѣчи съ нами, и внутренно благодарили его.

Во все продолженіе нашего пути до Уфы, на разстояніи 121 версты, ничего замѣчательнаго не случилось. Унтеръ-офицеромъ своимъ мы были довольны, какъ нельзя болѣе. Онъ вездѣ бралъ для насъ подводы, становился съ нами на хорошія квартиры и во всѣхъ отношеніяхъ въ точности выполнялъ приказаніе и просьбу нашихъ благотворительницъ. На послѣднемъ уже ночлегѣ къ Уфѣ нѣкто, помѣщикъ Куроѣдовъ пріѣзжалъ въ деревню. Сперва походилъ по ней съ своимъ маленькимъ сыномъ, а потомъ, увидѣвъ, что мы вышли на улицу и сѣли на завалинку, онъ подошелъ къ намъ и, сказавъ нѣсколько словъ о погодѣ (!), уѣхалъ. Онъ пріѣхалъ посмотрѣть на насъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ глядятъ на заморскихъ звѣрей. Вотъ другой помѣщикъ встрѣчается намъ, и поступки одинаковы!

На этомъ ночлегѣ мы дневали. Я успѣлъ написать предлинное письмо къ гостепріимному семейству Тюменевыхъ и просилъ приложенныя письма отъ меня къ матушкѣ и отъ Таптикова къ женѣ доставить лично. Я не забылъ также присовокупить нѣсколько стиховъ, до которыхъ милыя дѣвицы—такія охотницы. Вручивъ все это унтеръ-офицеру, мы поблагодарили его за попеченіе о насъ десятью рублями, и онъ былъ очень доволенъ.

Когда мы вышли изъ деревни Камышлы, утренняя заря разостлала уже румянецъ свой по обширной долинѣ; звѣзды всѣ потухли, одна только свѣтло-яркая денница играла на востокѣ: она то пряталась за мимолетное облачко, то опять разсыпала свои искрометные лучи по ясному небосклону. Вдали на западѣ, сквозь зыблющійся мракъ, синѣлись верхи высокихъ горъ. Дорога извивалась подлѣ небольшой рѣчки; долина была усѣяна мелкимъ кустарникомъ, блѣдно-желтые листья коего предвѣщали близкую осень.

Не доходя до Уфы верстъ семь, мы увидѣли человѣка, который, сидя при дорогѣ, держалъ въ поводу лошадь. При нашемъ приближеніи, когда онъ могъ насъ распознать, онъ поспѣшно сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ городъ. Послѣ мы узнали, что это былъ посланный отъ уфимскихъ гражданъ, который два дни уже насъ караулилъ.

Когда мы пришли на берегъ р. Бѣлой, омывающей стѣны города Уфы, и остановились у самаго перевоза, намъ представилась очаровательная картина, которую мы, въ ожиданіи парома, имѣли время разглядѣть до пресыщенія. По скату высокой и довольно крутой горы, раздѣленной большимъ оврагомъ, въ глубинѣ котораго струится быстрая небольшая рѣчка Уфа, небрежно разбросано множество домовъ и церквей разнообразной архитектуры. Тамъ, подъ желѣзною крашеною крышею, возвышается огромное

каменное зданіе съ каланчею, по всѣмъ признакамъ принадлежащее казнѣ; тутъ видите и одноэтажный съ обширнымъ дворомъ и садомъ барской домъ; здѣсь, съ золотыми главами, величественно возвышающійся древній соборный храмъ; неподалеку тянутся каменные и деревянные ряды гостинаго двора; далѣе виднѣется деревянная полуразвалившаяся церковь, отъ времени уже совершенно почернѣвшая, мѣстами покрытая мхомъ и склонившаяся къ паденію. Между всѣми этими предметами разсѣяны безъ всякаго порядка домы зажиточныхъ обывателей и хижины бѣдныхъ ремесленниковъ. Но главный предметъ, обратившій наше вниманіе, выглядывалъ изъ-за строеній вдали на лѣвомъ концѣ города—огромное каменное зданіе съ четырьмя башнями: это губернскій тюремный замокъ, въ стѣнахъ котораго мы готовились провести нѣсколько дней.

Отдыхая на берегу, мы продолжали еще передавать другъ другу свои замѣчанія, при разсматриваніи этой разнообразной картины, какъ вдругъ раздалось нѣсколько голосовъ: «паромъ! паромъ!» Вслѣдъ затѣмъ услышали зовъ нашего конвойнаго унтеръ-офицера. Мы тотчасъ встали и поспѣшили взойти на паромъ. На немъ насъ довольно учтиво встрѣтилъ квартальный офицеръ. Когда отвалили, онъ просилъ насъ не подходить къ периламъ. Дружининъ, всегда сохранявшій веселое расположеніе духа, отвѣчалъ ему на это смѣючись, чтобы онъ не безпокоился напрасно: «Хотя мы сами и попались въ сѣти, однакожъ, не имѣемъ ни малѣйшей охоты ловить раковъ». Офицеръ послѣ этого охотно разговорился и, между прочимъ, сказалъ, что другой уже день ждалъ насъ на паромѣ, и что въ городѣ очень интересуются насъ видѣть. И дѣйствительно, когда мы стали приближаться къ другому берегу, народъ со всѣхъ сторонъ спѣшилъ къ пристани. Не успѣли мы сойти на берегъ, какъ всѣ почтительно сняли шляпы и покло-

нились намъ. Мы со своей стороны сдѣлали то же, и какъ насъ повели, по грязнымъ какимъ-то улицамъ, напередъ къ этапному командиру, весь народъ слѣдовалъ за нами съ примѣтнымъ любопытствомъ и въ глубокомъ молчаніи. Такимъ образомъ, я увидѣлъ себя узникомъ въ стѣнахъ того города, въ которомъ еще столь недавно былъ веселымъ гостемъ! «Какое благодѣяніе Творца,—подумалъ я,—что будущее сокрылъ отъ насъ непроницаемою завѣсою».

Глава IV.

Пребываніе въ Уфѣ.

Нерѣдко тамъ найдешь любовь,
Гдѣ думалъ встрѣтиться со злобой.

На дворѣ у этапнаго командира тотчасъ сняли съ насъ желѣза. Только что мы освободились отъ прислужниковъ, которые суетились около нашихъ цѣпей, къ намъ подошли нѣсколько уфимскихъ дворянъ. Вѣжливо раскланявшись, они тотчасъ вступили съ нами въ разговоръ и старались показать живѣйшее участіе. Нѣкоторые изъ нихъ обратились съ просьбою къ этапному командиру: «Нельзя ли намъ помочь деньгами и вещами». Въ этомъ не только отказано, но офицеръ тотчасъ громогласно приказалъ «разставить около насъ часовыхъ и никого не подпускать». Огорченные дворяне, немедленно простившись съ нами, удалились съ явнымъ неудовольствіемъ. Насъ, подъ прикрытіемъ шести человѣкъ рядовыхъ, отправили съ унтеръ-офицеромъ въ губернское правленіе. Во время этого перехода по городу, конвойные наши держали на руку, и вообще насъ вели какъ ужасныхъ разбойниковъ, такъ что намъ самимъ было болѣе смѣшно, нежели досадно.

До губернска гоправленія оставалось уже недалеко, какъ вдругъ поразило меня отчаянное восклицаніе: «Боже! мой Базиль!»—Я оглянулся въ ту сторону, откуда послышался этотъ нѣжный голосъ, и что же? Въ растворенномъ окнѣ я увидѣлъ мою невѣсту; старшая сестра отдернула ее. Это было одно мгно-

веніе!—мгновеніе, которое произвело на меня самое сильное дѣйствіе. Тяжкой вздохъ вырвался изъ груди моей—слезы невольно вытиснулись изъ глазъ. Я страстно любилъ ее и былъ любимъ взаимно. Такъ еще недавно всѣ мечты мои о счастьи соединялись въ одной мысли обладать ею!.. Образъ ея овладѣлъ моимъ сердцемъ; всѣ обольстительные призраки прошедшаго столпились въ головѣ моей—я не помню, какъ мы дошли.

Когда мы остановились, я увидѣлъ себя на дворѣ, предъ старымъ полуразрушеннымъ деревяннымъ одноэтажнымъ зданіемъ—это было губернское правленіе! Вскорѣ насъ ввели въ переднюю комнату. У дверей стоялъ инвалидной часовой, направо изразцовая печь, по обѣ стороны которой, около стѣны, стояли столы, накрытые одни зеленымъ, другіе краснымъ сукномъ, но такъ уже запятнаннымъ чернилами и запачканнымъ, что о цвѣтѣ едва догадываться можно. На столахъ лежало множество небрежно разбросанныхъ бумагъ: должность чернильницъ отправляли помадныя банки и отбитыя донышки бутылокъ и штофовъ, въ которыхъ торчали перья; бумажныя коробочки служили вмѣсто песочницъ, около нихъ лежали перочинные ножички разнаго вида и качества, огромныя обрѣзныя ножницы и веревочками скрѣпленные старые счеты. За каждымъ столомъ на исковерканныхъ стульяхъ, изувѣченныхъ скамьяхъ и ящикахъ сидѣло по нѣскольку писарей и подъячихъ. Нѣкоторые изъ нихъ были довольно пристойно одѣты въ сюртукахъ, но другіе запачканы и съ ободранными локтями. Налѣво стоялъ огромной открытой ветхій шкафъ, заваленый пыльными дѣлами. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ очень, можетъ быть, прилично валялись на грязномъ полу около шкафа. По стѣнамъ висѣли лохмотья изодранныхъ бумажныхъ шпалеръ, покрытыхъ пылью и паутиной.

Только что мы вошли въ дверь этого правитель-

ственнаго мѣста, всѣ писцы, мгновенно переставъ скрипѣть перьями, обратились къ намъ съ примѣтнымъ любопытствомъ. Одинъ заложилъ себѣ перо за ухо, другой взялъ въ зубы, иной держалъ въ рукѣ; но всѣ тотчасъ встали съ своихъ мѣстъ и обступили насъ. Первый вопросъ ихъ, въ нѣсколько голосовъ произнесенный, былъ: «Кто изъ васъ Завалишинъ?»—Таптиковъ, указавъ на него съ видомъ негодованія, сказалъ отрывисто: «Вотъ онъ!» Тогда всѣ они, обратясь къ нему, повторили вопросъ: «Такъ вы Завалишинъ?»—Съ какою-то театральною важностью, выступивъ впередъ и язвительно усмѣхаясь, онъ отвѣчалъ имъ: «Что вамъ угодно? я къ вашимъ услугамъ!» Подъячіе оглядѣли его съ ногъ до головы и тотчасъ отступили; одинъ изъ нихъ сказалъ: «Ничего, намъ хотѣлось только узнать, что ты за звѣрь».—И здѣсь надобно отдать справедливость присутствію духа въ нашемъ предателѣ, если это не просто отсутствіе всякаго стыда и совѣсти: онъ нимало не смѣшался отъ такого пріема, ни покраснѣлъ, ни поблѣднѣлъ, но равнодушно, и съ какою-то сардоническою—болѣе дьявольскою—улыбкою озирался вокругъ. Онъ какъ бы не замѣчалъ этого омерзѣнія къ себѣ самыхъ необразованныхъ людей, или точно успѣлъ убѣдить себя, что онъ выше всего этого.

Мы недолго ждали. Вынесли изъ присутствія какую-то бумагу, запечатали и отправили насъ съ нею въ градскую полицію. Здѣсь мы простояли съ полчаса на дворѣ и, подъ прикрытіемъ того же конвоя, отведены въ губернскій тюремный замокъ, сопровождаемые во все время любопытною толпою. Смотритель замка, подпоручикъ Крапивинъ,—имя его стоитъ быть упомянуто,—ввелъ насъ къ себѣ и, отобравъ наши чемоданы, объявилъ намъ, что можемъ приходить къ нему, если понадобится вынуть какую-нибудь вещь для употребленія. Въ обращеніи его примѣтна была вѣжливость и даже состраданіе. Онъ приказалъ

насъ отвести въ особо пріуготовленный нумеръ, въ одинъ изъ такъ называемыхъ пересыльныхъ.

Тюремный замокъ обнесенъ довольно высокою каменною стѣною. Чугунныя рѣшетчатыя ворота, со стороны города, составляютъ единственный входъ въ него. Надъ воротами—комнаты смотрителя; по правую сторону караульня, а по лѣвую арестантская для чиновниковъ. Внутри ограды выстроено продолговатымъ четыреугольникомъ двухъ-этажное, каменное зданіе, съ четырью высокими, круглыми башнями по угламъ. Каждый уголъ въ видѣ бастіона обнесенъ высокимъ тыномъ, отдѣляющимъ особые четыре небольшіе двора, въ которые входъ только изнутри зданія. Въ срединѣ самаго зданія, раздѣляющагося на двѣ половины, устроена церковь, въ которую съ двухъ противоположныхъ сторонъ, сходятся восемь корридоровъ, четыре внизу и столько же вверху. Въ этой церкви есть двѣ подъемныя двери, или, лучше сказать, западни, чрезъ которыя опускаются въ два почти темные каземата. Слабый свѣтъ едва проникаетъ туда сквозь узкія, съ толстыми рѣшетками амбразуры, продѣланныя въ самомъ фундаментѣ. Запасливая подозрительность назначила эти могилы для секретныхъ государственныхъ арестантовъ. Подъ самою святынею, гдѣ долженствовала возноситься безкровная жертва въ воспоминаніе Заповѣдавшаго миръ, прощеніе и любовь,—указано «мѣсто для стенанія»! . . . . . Планъ зданія утвержденъ въ 1820-хъ годахъ, окончено же оно въ 1826 году...

. . . . . .

. . . . . .

Въ нумерѣ, въ которой насъ помѣстили, не было никакой мебели; ее замѣняли двои широкія досчатыя нары, сдѣланныя съ обѣихъ сторонъ такъ, что между ними оставался едва самый узкой проходъ во всю длину комнаты. Хотя стѣны и круглый сводъ хорошо были выбѣлены, и большія окна могли довольно про-

пускать свѣта, но какъ этотъ свѣтъ получали они съ одного изъ упомянутыхъ четырехъ двориковъ, высокимъ тыномъ огороженныхъ, то внутри было что-то очень мрачно. Разбираться намъ было не съ чѣмъ, мы расположились по бивуачному—на голыхъ доскахъ!

Въ Покровъ день и 2 октября, мы были въ церкви у обѣдни; насъ изумила прекрасная отдѣлка ея внутренности: все въ ней было просто, но съ изящнымъ вкусомъ. Въ оба раза церковь была наполнена молящимися, которые нашли изъ города: входъ въ нее не запрещенъ. Вѣроятно, это множество привлечено было желаніемъ насъ видѣть; по крайней мѣрѣ, во все продолженіе Божіей службы, любопытные взоры непрестанно обращались на насъ. Второй разъ, когда служба кончилась, вдругъ изъ толпы подошелъ ко мнѣ знакомый молодой человѣкъ, нѣкто Крутиковъ, котораго братъ служилъ у насъ въ полку полковымъ адъютантомъ. Обнимая меня, онъ шепнулъ, что имѣетъ ко мнѣ письмо, и тотчасъ искусно мнѣ его передалъ.

Выпросивъ позволеніе у офицера, онъ проводилъ меня въ нашъ нумеръ. Едва остались мы одни, какъ я поспѣшилъ трепещущею рукою вскрыть письмо: знакомый сердцу почеркъ на адресѣ сказалъ уже мнѣ, что оно отъ моей доброй Саши. Духъ занимался въ груди моей!—Я предчувствовалъ, что могъ мнѣ сказать этотъ нѣжный неразлучный другъ дѣтства моего и юности; но содержаніе этого письма превзошло и самое ожиданіе. Она писала, что, по отправленіи нашемъ, сильная горячка принудила ее слечь въ постель, и что она спѣшитъ воспользоваться первыми возратившимися силами, чтобы доставить мнѣ утѣшеніе. «О, незабвенный другъ души моей!—говорила она,—позволь мнѣ, назвавшись твоею сестрою, идти пѣшкомъ въ Петербургъ и упасть къ ногамъ нашего государя; я буду просить, умолять его именемъ Бога; онъ услышитъ мои вопли и возвратитъ тебя объятіямъ сестры твоей, твоего друга... или позволь мнѣ укрыться

въ какую-либо уединенную обитель, гдѣ бы я могла, утопая въ слезахъ, моленіями своими умилостивить Всевышняго Царя и испросить тебѣ избавленіе отъ бѣдствій. Посылаю тебѣ, — продолжала она, — тотъ самый локонъ, которымъ ты нѣкогда игралъ и любовался. Я давно хотѣла тебѣ его отрѣзать, но ты не соглашался тогда, теперь для кого я стану наряжаться и беречь его?—Прими его, мой единственный другъ, какъ залогъ вѣрной любви, какъ часть меня самой; можетъ быть, въ грустный часъ своего несчастнаго бытія, ты взглянешь на него, и вспомнишь о твоей сестрѣ; слеза твоя невольно на него капнетъ: эта слеза отзовется въ моемъ сердцѣ...» Умолчу, что я чувствовалъ при чтеніи этихъ словъ. Забывшись, я бросился на шею къ Крутикову, и, рыдая, просилъ написать ей, что вѣчно буду любить ее, какъ сестру, какъ друга; но что заклинаю ее именемъ этой самой дружбы, не просить обо мнѣ никого, кромѣ Бога, которому молиться можно вездѣ и во всякой часъ; поэтому не нужно удаляться въ монастырь—и я былъ бы вдвое несчастливѣе, если бы она для меня оставила свѣтъ. Умолялъ, чтобы онъ не забылъ увѣрить ее, что мнѣ нѣтъ никакой возможности писать къ ней самому. Добрый Крутиковъ прослезился и далъ мнѣ честное слово выполнить въ точности мою просьбу, тѣмъ болѣе, что надѣялся вскорѣ самъ быть въ Оренбургѣ. Мы разстались.

Въ этотъ же день приходили къ намъ многіе посѣтители, но упомяну только о тѣхъ, которые оказали особенное участіе. Изъ числа ихъ останется для насъ незабвеннымъ уфимской помѣщикъ Ѳедоръ Ивановичъ Либинъ. Познакомившись съ нами по утру, онъ ввечеру привезъ къ намъ свою матушку, препочтенную старушку, лѣтъ 60-ти. Она вошла въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ, изъ которыхъ отличалась нарядомъ княжна Урусова. Старушка, увидя насъ, расплакалась, и мы, какъ умѣли, старались ее успо-

коить. Она непремѣнно требовала, чтобы мы сказали ей свои нужды, и какъ мы отозвались, что на этотъ разъ не имѣемъ никакихъ, она начала предлагать намъ и то и другое изъ вещей; но мы и то со всею вѣжливостью отклонили, изъявляя благодарность за участіе. Тогда она настояла, чтобы, по крайней мѣрѣ, во все пребываніе наше въ Уфѣ, мы получали отъ нея все, что нужно для нашего стола. Мы должны были уступить и сдѣлали ей примѣтное удовольствіе.

Въ это время Завалишинъ подошелъ къ княжнѣ Урусовой и началъ говорить съ нею по французски, но она спросила тотчасъ его фамилію и, какъ скоро услышала его отвѣтъ, взглянула на него величаво, указала на насъ и сказала что-то такое, послѣ чего и Завалишинъ, наконецъ, покраснѣлъ и отошелъ прочь.

Разставаясь съ нами, почтенная старушка опять прослезилась. Надобно отдать ей всю справедливость: обѣщаніе свое она не только исполнила, но преисполнила, если можно такъ выразиться. Каждый день присылала не только вкусный завтракъ, обѣдъ и ужинъ, но и дессертъ—яблоки и разные сухіе фрукты. Она и сынъ ея ежедневно по нѣскольку разъ насъ навѣщали; словомъ, эти добрые люди, какъ родные, пеклись о насъ. Наше уваженіе, наша благодарность къ нимъ должны сохраниться въ сердцахъ нашихъ до послѣдней минуты.

3-го октября (1827 г.) насъ водили въ губернское правленіе на смотръ губернатору, какъ намъ сказали сначала. И дѣйствительно, когда мы введены были въ ту же залу, въ которой были прежде, губернаторъ вышелъ къ намъ съ чопорною важностью. Въ рукахъ у него была золотая табакерка, украшенная бриллiантами, и онъ тотчасъ повернулъ ее такъ, чтобы мы видѣли, что она не простая, но съ портретомъ покойнаго государя Александра I. Похлопывая очень небрежно по табакеркѣ, онъ насъ спросилъ ломаннымъ русскимъ языкомъ о нашихъ фамиліяхъ и по-

томъ велѣлъ насъ заковать. Тотчасъ же отвели насъ въ кузницу, гдѣ и надѣли кандалы, которыя намъ показались очень легкими. Кузнецы намъ сказали, что по приказанію самого губернатора выбраны такія. Мы сперва этому порадовались, но какъ ошиблись! Желѣзы эти были однозвенные и потому такъ неловки, что мы едва могли переступать въ нихъ и послѣ онѣ въ кровь изрѣзали намъ ноги: вотъ и облегченіе!

На другой день насъ повели опять въ губернское правленіе для описи принадлежащихъ намъ вещей. Въ самыхъ сѣняхъ какой-то чиновникъ тихонько мнѣ сказалъ: «Спрячьте деньги, если у васъ есть при себѣ; будутъ обыскивать и отберутъ у васъ».—Я не зналъ, что дѣлать: у насъ оставалось еще 125 рублей ассигнаціями и 40 р. сер.; хотѣлъ было отдать ихъ этому доброму человѣку, но онъ отказался, сказавъ, что не имѣетъ времени дожидаться здѣсь. Когда насъ привели опять въ ту же залу, тотчасъ заставили разбирать наши чемоданы. Я вынулъ всѣ свои вещи и сталъ къ печкѣ въ ожиданіи своей очереди; начали описывать съ Таптикова. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, я рѣшился выйти на дворъ въ надеждѣ отыскать какой-нибудь случай сокрыть наши деньги. Прикинувшись, что мнѣ дурно, я попросилъ вывести меня на воздухъ. Тотчасъ приказали одному конвойному проводить меня. Вышедъ на крыльцо, я замѣтилъ какой-то развалившійся сарай и мигомъ очутился въ немъ. Оглядѣвшись, нѣтъ ли кого, я поспѣшно всунулъ въ руку конвойному всѣ свои ассигнаціи и сказалъ второпяхъ: «Побереги, любезный другъ! когда воротимся въ острогъ, ты мнѣ отдашь; тебѣ будетъ благодарность на водку». Едва онъ успѣлъ отвѣчать: «Хорошо», какъ я поспѣшилъ воротиться на крыльцо и, переводя, такъ сказать, отдышку, взошелъ въ залу. Тутъ только пришло мнѣ въ голову спросить себя: «Хорошо-ли я сдѣлалъ? Ну, если ря-

довой, котораго я вовсе не знаю, вздумаетъ воспользоваться нашими деньгами, какъ искать ихъ?» — это меня смутило; но я старался успокоить себя честностью русскихъ солдатъ, а притомъ оправдывалъ себя тѣмъ, что если бы деньги отобрали, то все равно остались бы мы во всю дорогу на казенномъ содержаніи, т. е. на 12 коп. въ сутки.

Когда дошла очередь до моихъ вещей, то, переписавъ ихъ, членъ губернскаго правленія сказалъ мнѣ, что книги и ноты онъ оставляетъ у себя, чтобы показать гражданскому губернатору. По окончаніи описи вещей, обратясь ко всѣмъ, онъ вѣжливо сказалъ: «Господа, у васъ, вѣрно, есть при себѣ деньги: такъ пожалуйте ихъ мнѣ». Я подалъ ему кошелекъ со всѣмъ нашимъ серебромъ, промолвя: «Вотъ все, что у насъ есть». Онъ самъ перечелъ, а секретарю приказалъ обыскать насъ. Мы стали было просить его возвратить намъ деньги, представляя, что нѣтъ возможности содержать себя 12-ю копѣйками, тѣмъ болѣе, что наступаетъ сырое и холодное время года, и что мы не привыкли къ такому изнуренію. Но это было напрасно. Онъ отвѣчалъ очень коротко: «Приказано начальствомъ! — Такъ установлено закономъ! Я не могу и т. п.». На вопросъ: «кому изъ насъ принадлежатъ эти деньги?» — мы отвѣчали, что онѣ общія, и потому записали на каждаго по равной части, и отпустили насъ въ тюрьму съ вещами, но безъ денегъ.

На возвратномъ пути я имѣлъ неожиданную, разительную, незабвенную встрѣчу. Надобно прежде объяснить предшествующія обстоятельства. Въ Оренбургѣ я былъ коротко знакомъ въ домѣ одного таможеннаго чиновника г. Попова. Къ доброму, любезному его семейству принадлежали почтенная старушка, мать его, и двѣ сестры, дѣвицы. Онѣ всѣ меня любили и принимали совершенно, какъ родного. Рѣдкой день я не бывалъ у нихъ. Старшая сестра,

Александра Ивановна, которой тогда исполнилось 19 лѣтъ, оказывала мнѣ особенную внимательность и ласку. Не трудно было замѣтить, что она ко мнѣ неравнодушна, и что тутъ скрывается нѣчто, похожее на разгорающійся пламень первой любви. Собою она не красавица, но имѣла необыкновенно пріятныя черты лица, притомъ брюнетка, съ черными, исполненными огня глазами! Словомъ, могла легко увлечь всякаго юношу. Я, однакоже, чувствовалъ, что не въ состояніи отвѣчать ей. Съ моимъ тихимъ, нѣсколько робкимъ, нравомъ, я боялся ея живого, пылкаго, рѣшительнаго характера, который такъ часто обнаруживался въ нашихъ дружескихъ разговорахъ. Къ этому сердце мое было раздѣлено между нѣжною дружбою и любовію—между подругою дѣтства, моею названною сестрою и невѣстою. И такъ, въ обращеніи съ нею я старался сохранять осторожность, былъ вѣжливъ, внимателенъ и болѣе ничего; однимъ словомъ, она совершенно знала, что я не плѣнялся ею. Предъ отправленіемъ насъ изъ Оренбурга она приходила ко мнѣ съ женою Таптикова, которой она съ родни, и простилась со мною, не показавъ никакого излишняго огорченія. Теперь эта дѣвица вдругъ встрѣчается мнѣ на улицѣ въ Уфѣ, въ повозкѣ со своею матерью. Едва успѣлъ я опомниться, какъ она висѣла уже у меня на шеѣ. Тронутый до глубины души такой незаслуженною съ моей стороны любовью и нѣжностью, я сохранилъ, однакожъ, столько присутствія духа, что могъ представить ей неумѣстность ея поступка и что она подвергается замѣчанію прохожихъ. Она тотчасъ пришла въ себя и пошла тихонько со мною рядомъ. Но каково было мое удивленіе, когда она сказала мнѣ, что пріѣхала нарочно, чтобы со мною не разлучаться, и стала убѣдительно просить меня—позволить ей слѣдовать за собою въ Сибирь, гдѣ она хотѣла раздѣлять мою участь, какъ бы ни были страшны всѣ тѣ ужасы, о какихъ она наслышалась...

Сколько меня доставало, я старался показать ей, какъ безразсудно пускаться въ такую ужасную неизвѣстность, что я, можетъ быть, не перенесу трудностей дороги, умру, и тогда положеніе ея будетъ въ десять разъ ужаснѣе; убѣждалъ ее подумать лучше о преклонныхъ лѣтахъ матери, пріискать себѣ выгоднѣйшую партію, и быть ей на старость утѣшеніемъ; говорилъ, что я замучусь совѣстью, если, согласясь на ея желаніе, буду причиною ея несчастія, въ которомъ она сама послѣ укорять меня станетъ. Все тщетно!— Она ничего не хотѣла слушать: заливалась слезами, и рѣшительно объявила, что все обдумала и на все рѣшилась, готова итти на край свѣта, готова переносить всѣ возможныя бѣдствія въ мірѣ, только бы со мною. Между тѣмъ, мы приближились къ замку. Она бросилась опять ко мнѣ на шею, расцѣловала меня и быстро побѣжала къ своей матери, которая оставалась въ повозкѣ и издали шагомъ слѣдовала за нами.

Возвратясь въ свой нумеръ, я бросился на нары, какъ утомленный, измученный, и предался размышленію. Положеніе мое было самое затруднительное, я потерялся совершенно и не зналъ, что мнѣ дѣлать. Жертва, которую она мнѣ хотѣла принести такъ неожиданно, была слишкомъ велика, слишкомъ разительна, чтобы ее не чувствовать вполнѣ. Моя невѣста, которую я любилъ, которая взаимно клялась мнѣ въ любви, этого не сдѣлала; она даже не показалась; я тщетно объ ней распрашивалъ — объ ней не было слуха!.. Я допрашивалъ себя въ совѣсти: не далъ-ли ей повода заключать, что взаимно люблю ее, и рѣшительно не припомнилъ ни одного подобнаго случая; тѣмъ болѣе настоящій поступокъ возвышалъ ее въ моихъ глазахъ. Я почти колебался, но одна мысль о будущемъ привела меня въ трепетъ. Я увидѣлъ, что согласиться—значитъ погубить эту добрую невинную дѣвушку, заплатить ей самою черною неблаго-

дарностію, и притомъ изъ самолюбія, изъ своекорыстія!.. На этомъ остановясь, я рѣшительно сказалъ самъ себѣ: «Нѣтъ!»—и, какъ гора свалилась съ плечъ моихъ; я оправился, оживился!.. Въ это время мнѣ сказали, что меня кто-то спрашиваетъ у нашего тына. Я вышелъ, и какъ пріятно удивился, когда узналъ того солдата, которому отдалъ деньги. «Возьмите скорѣе»,—сказалъ онъ, просовывая ихъ между частоколомъ. Онѣ были въ совершенной цѣлости. Я тотчасъ вынулъ 10 руб. и подалъ ему въ благодарность за столь честный и безкорыстный поступокъ. Но что же? Этотъ благородный солдатъ хотѣлъ быть вполнѣ честнымъ и не принялъ моего подарка. Очень долго я принужденъ былъ его уговаривать, чтобы онъ согласился взять хотя изъ одного уваженія къ нашей просьбѣ и на память. «Хорошо, сказалъ онъ, наконецъ, если ужъ вамъ непремѣнно этого хочется, такъ дайте мнѣ пять рублей; правду сказать, мнѣ въ нихъ большая нужда!» Такъ мы съ нимъ разстались. Онъ и не замѣтилъ, что сдѣлалъ намъ истинное благодѣяніе, которое мы обязаны не забыть до конца дней нашихъ. Не это-ли значитъ благотворить истинно въ духѣ Христовомъ! И это—солдатъ, презираемый, часто ничтожными благородіями, находящійся подъ безпрестанными палками!..

Съ 5 по 8 число (октября 1827 г.) насъ оставили въ покоѣ. Здѣсь кстати упомянуть, что, какъ въ эти дни, такъ и во все время пребыванія нашего въ уфимскомъ замкѣ, мы ежедневно были приглашаемы смотрителемъ его, подпоручикомъ Крапивинымъ, пить чай. Мы тотчасъ познакомились съ его семействомъ. Жена его добрая, гостепріимная, пожилыхъ лѣтъ женщина, принимала насъ всегда радушно, а племянница ихъ, дѣвица лѣтъ 18, милая, веселая, была нашею закупщицею, экономкою и вмѣстѣ казначеемъ: ей мы отдали на сохраненіе всѣ оставшіяся у насъ деньги. Все, что намъ было нужно, она доставляла

съ какою-то радостью, не оставляла самомалѣйшихъ просьбъ нашихъ безъ вниманія, притомъ утѣшала, развлекала насъ въ нашемъ горестномъ положеніи и на память подарила намъ троимъ: Таптикову, Дружинину и мнѣ, своей работы три черныя бархатныя тебетейки (фески), вышитыя серебромъ. Но что выше всѣхъ одолженій, она доставила мнѣ потихоньку бумагу, чернильницу и перо, и я могъ написать къ матушкѣ и Сашѣ!.. Мысль, что этимъ хоть нѣсколько ихъ утѣшу, принесла мнѣ истинную отраду, и благодѣяніе доброй дѣвицы останется неизгладимо въ моемъ сердцѣ. Письма взялся доставить тотъ же Крутиковъ, который посѣщалъ насъ каждый день. Наконецъ, 8 числа эта же благодѣтельная фея, какъ мы ее прозвали, склонившись на просьбу дѣвицы А. И. Поповой, дала ей случай видѣться со мною. Боже! чего мнѣ это стоило! Я долженъ былъ выслушать то самыя пламенныя увѣренія въ любви, то упреки въ жестокости, въ безчувственности, въ тиранствѣ даже; она плакала, рыдала, порываясь пасть къ ногамъ моимъ!.. Я самъ заливался слезами, страдалъ, мучился и уже готовъ былъ забыть свою рѣшимость, но вдругъ какъ бы невидимая сила подкрѣпила меня, — я удушающимъ голосомъ произнесъ: «Нѣтъ! не могу! не хочу твоего несчастія; не допущу, чтобы чрезъ меня погибло такое милое созданіе! Прости!» — и съ этимъ прижалъ ее къ груди своей: слезы благодарности смѣшались со слезами любви— мы разстались!..

На другой день мы пошли къ обѣднѣ. Церковь опять была почти полна. По окончаніи литургіи я попросилъ отслужить напутный молебенъ. Во время молитвы съ колѣнопреклоненіемъ общее рыданіе почти заглушило слова священника: это участіе услаждало душу, но вмѣстѣ и раздирало сердце; казалось, что насъ живыхъ погребаютъ. Когда служба кончилась, священникъ не только не соглашался при-

нять деньги, но съ большимъ затрудненіемъ дозволилъ мнѣ опустить ихъ въ церковную кружку. Вскорѣ по возвращеніи нашемъ въ свой нумеръ, священникъ пришелъ къ намъ и принесъ каждому по просфорѣ. Поздоровавшись, онъ благословилъ насъ и сказалъ намъ родъ поученія, представивъ, впрочемъ съ кротостію, что мы, не обдумавши, по вѣтренности и по неопытной молодости своей, рѣшились замышлять противъ монарха-отца; что мы должны со слезами каяться Богу, и одно только раскаяніе можетъ намъ открыть путь ко спасенію въ будущей жизни и къ облегченію въ этой временной. «Несите этотъ крестъ,— промолвилъ онъ,—съ кротостію, терпѣніемъ и упованіемъ на Господа. Кого Онъ наказуетъ въ этой жизни, того проститъ тамъ (указавъ на небо) и помилуетъ».—Въ эту минуту подскочилъ къ нему Завалишинъ и со злобною усмѣшкою сказалъ: «Простоволосый попъ, тебѣ ли понимать эту высокую и святую мысль? Убирайся вонъ!» — Священникъ, ни мало не смутясь, съ важнымъ видомъ, и съ нѣкоторою, презрѣніемъ растворенною, жалостью сказалъ: «Ты подобенъ Іудѣ Искаріоту; ты завлекъ и предалъ этихъ невинныхъ; видишь ихъ страданіе, и даже нѣтъ въ тебѣ раскаянія; будь же ты отнынѣ проклятъ!» и, произнеся троекратно: «анафема!», онъ удалился. Я вышелъ за нимъ и просилъ извиненія въ непріятности, которую онъ встрѣтилъ съ нашей стороны вовсе неожиданно. Онъ вѣжливо отвѣчалъ, что на насъ ни мало не сердится. Къ этому присовокупилъ еще нѣсколько наставленій, благословилъ меня и ушелъ.

Возвратясь въ нумеръ, я засталъ сцену: Таптиковъ и Дружининъ очень крупно щуняли Завалишину за его безразсудство и дерзость, но онъ преважно расхаживалъ между нарами, съ раздувшимися ноздрями и какъ бы не слушалъ, что ему говорили. Раздосадованный этимъ безстыдствомъ, я тотчасъ при-

сталъ къ товарищамъ, тогда онъ не вытерпѣлъ: остановясь по срединѣ и глядя на насъ съ какою-то комическою надменностью, онъ громко произнесъ: «Вы не понимаете меня; вы не въ состояніи постигнуть моего назначенія!». Таптиковъ и Дружининъ, смѣючись, сказали: «Ужъ не думаешь-ли ты быть Наполеономъ?»—«Почему не такъ,—сказалъ онъ злобно,—знайте, если мнѣ удастся, то отъ самаго Нерчинска до дворца я умощу себѣ дорогу трупами людей, и первою ступенью къ трону будетъ братъ мой!» Мы смѣялись надъ сумасбродствомъ; онъ началъ говорить дерзости, и я вынужденъ былъ схватить его за воротъ и бросить на нары. Послѣ этого до ночи все было тихо. Когда мы легли спать и только что начали забываться, насъ разбудилъ звукъ цѣпей: Завалишинъ прыгалъ между нарами. Таптиковъ первый сдѣлалъ на него окрикъ, но тотъ отвѣчалъ съ сердцемъ: «Вы хотите спать, а мнѣ хочется танцовать галопаду». Тогда я вскочилъ и, подойдя къ нему, рѣшительно объявилъ, что если онъ не уймется, то свяжу ему руки и ноги и брошу подъ нары. Это подѣйствовало: онъ улегся, но долго еще что-то бормоталъ про-себя.

10 числа (октября 1827 г.) по утру къ намъ вошли частный приставъ съ жандармскимъ офицеромъ, чтобы нашить, какъ они сказали, латки на наше платье. Мы потребовали объясненія и узнали, что латками называются четыреугольные суконные значки, которые вшиваютъ въ спину верхняго платья преступниковъ, ссылаемыхъ по канату; тѣмъ, которые слѣдуютъ на поселеніе, по одной, а кто въ каторжную работу, тѣмъ по двѣ. Мы съ твердостью объявили, что не дадимъ портить собственнаго платья, и согласны лучше надѣть казенное. Послѣ довольно долгаго недоумѣнія и спора со стороны исполнителей закона они рѣшились сдѣлать уступку и положили просто нашить значки сверху, не вырѣзывая мѣста

въ самомъ платьѣ. Мы на это согласились; они сдѣлали свое дѣло и ушли.

Послѣ обѣда насъ потребовали въ губернское правленіе для того только, чтобы съ этимъ новымъ атрибутомъ каторжныхъ показать пріѣхавшему въ это время въ Уфу жандармскому полковнику Маслову. Несмотря на дождь и холодный осенній вѣтеръ, мы принуждены были плестись по грязи, проклиная и всѣхъ жандармовъ и страсть осматривать то, что въ существѣ ни къ чему не ведетъ, между тѣмъ, какъ вопіющія вещи остаются безъ вниманія, какъ то впослѣдствіи будетъ видно. Какъ скоро насъ привели въ комнату, столь уже намъ знакомую, г. Масловъ тотчасъ вышелъ къ намъ изъ присутственной камеры, окинулъ насъ глазами, спросилъ наши фамиліи, и потомъ, обратясь къ Завалишину, сказалъ, указывая на насъ: «Это все, голубчикъ, твоей работы! Ты погубилъ этихъ молодыхъ людей и погубилъ на вѣки!» Предатель нашъ и тутъ не поморщился. Только что г. Масловъ удалился отъ насъ, къ намъ подошелъ секретарь губернскаго правленія и объявилъ, что завтра насъ отправятъ. «Что же до вашихъ книгъ,—промолвилъ онъ, обратясь ко мнѣ,—губернаторъ ихъ удержалъ у себя и хочетъ отправить къ вашимъ родственникамъ».—«Зачѣмъ, — спросилъ я, — вѣдь эти книги не запрещенныя?» Секретарь пожалъ плечами и сказалъ, что въ цѣломъ городѣ не нашлось, кто бы могъ сказать, на какомъ языкѣ онѣ писаны, даже самъ губернаторъ не могъ разобрать ни слова въ нихъ.—«Странно,—сказалъ я,—неужели въ Уфѣ никто не знаетъ по польски: это просто извѣстныя сочиненія Мицкевича, Кашезкаго (?) и Нѣмцевича»... Но результатъ всетаки былъ тотъ, что я лишился и этого утѣшенія, чтобы имѣть при себѣ книги!..

На возвратномъ пути насъ завели къ полиціймейстеру, который болѣе часа заставилъ насъ дожидаться на дворѣ, несмотря на дождь. Вышедъ, нако-

нецъ, онъ объявилъ, что имѣетъ предписаніе отправить насъ завтра и что велитъ дать подводы, и затѣмъ, пожелавъ намъ счастливаго пути, велѣлъ вести въ острогъ. Вечеромъ посѣтилъ насъ Либинъ. Услышавъ о нашемъ отправленіи, поспѣшилъ узнать, не нужно ли намъ чего-нибудь на дорогу.—Мы съ благодарностію ото всего отказались, увѣряя, что всѣмъ запаслись, исключая Завалишина, у котораго не было теплой одежды. Г. Либинъ тотчасъ поѣхалъ и вскорѣ привезъ прекрасный, чуть поношенный, бекешъ на лисьемъ мѣху.

Уложась 11-го числа (октября) поутру, мы пошли къ смотрителю, гдѣ уже собралось довольно много дамъ и мужчинъ, въ томъ числѣ и добрая наша старушка Либина съ сыномъ. Только что мы вошли, почтенная эта старушка позвала меня въ другую комнату и предложила мнѣ взять разные съѣстные припасы и бѣлье и теплые сапоги. Всѣ мои отговорки ни къ чему не послужили, и, когда я согласился, то она такъ обрадовалась, что бросилась ко мнѣ на шею и начала цѣловать, заливаясь слезами: она и меня заставила прослезиться.

Напившись кофе и хорошенько позавтракавъ, мы присѣли, потомъ встали, помолились и распрощались на вѣки съ добрыми уфимцами. На улицѣ насъ ожидали два колодника, которыхъ отправляли съ нами. Вотъ первая наша встрѣча, или лучше сказать, вотъ первое вступленіе въ сообщество съ тѣми людьми, отъ которыхъ нравственно мы полагали себя такъ далеко отстоящими и съ которыми теперь судьба, если не что-либо иное, опредѣлила раздѣлять участь и даже самыя мучительныя трудности, самыя отвратительныя положенія! Между ними мы должны были насмотрѣться того, о чемъ не имѣли никакого понятія — и это усугубляло наши страданія!.. Принесли цѣпь, чтобы всѣхъ насъ нанизать на нее. Ссылаясь на выпавшій снѣгъ и 8° мороза, мы просили изба-

вить насъ отъ нея, но квартальный офицеръ опирался на одно приказаніе начальства и велѣлъ примкнуть насъ къ этой сворѣ. Мы пошли. Только что сдѣлали 50 шаговъ отъ тюремнаго замка, дѣвица А. И. Попова бросилась въ мои объятія. Не буду повторять ни убѣжденій ея, ни упрековъ—я устоялъ; мы разстались. Ея привязанность ко мнѣ, ея любовь столь были непритворны, столь сильны, что, уже спустя два года, въ Читѣ, я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ убѣждала меня дозволить ей ко мнѣ пріѣхать.

Мы спустились подъ гору къ переправѣ чрезъ р. Бѣлую; тутъ спросилъ я унтеръ-офицера о лошадяхъ, обѣщанныхъ полиціймейстеромъ. «Да, надѣйтесь!—отвѣчалъ онъ смѣючись,—вишь чортъ принесъ какого-то шпіона; у насъ всѣ его перетрусились, потому и лошадей вамъ не дали. Если бы не его благородіе (смотритель Крапивинъ), то пришлось бы вамъ и вещи-то на себѣ нести. Не тужите. Татьяна Ивановна (племянница г. Крапивина, о которой говорено выше) больно просила меня поберечь васъ. Какъ-нибудь перебьемся. Дайте срокъ». — Мы сказали, что совершенно на него полагаемся и будемъ благодарны. Когда мы переправились чрезъ рѣку, унтеръ-офицеръ подошелъ къ намъ и съ прямо русскою отвагою сказалъ: «Ну, что тутъ думать, скидайте-ко цѣпь; я докажу, что самого чорта не боюсь; вы не будете на меня жаловаться!» И такъ добрый этотъ и, какъ говорится, маленькой человѣкъ, поправилъ безчеловѣчіе и жестокость большихъ. Мы разстались съ Уфою.

Глава V.

Переходъ до Тобольска.

«Да, батюшка, баринъ, велятъ,
такъ и въ адѣ привыкнешь! —
отвѣчалъ зайцевскій ямщикъ».
(Изъ неизданныхъ записокъ NN).

Въ деревнѣ, въ которой былъ первый нашъ ночлегъ, жилъ знакомый мнѣ помѣщикъ, нѣкто Веригинъ. Онъ служилъ въ одной ротѣ со мною юнкеромъ, и по производствѣ въ офицеры, чрезъ два года, вышелъ въ отставку, чтобы наслаждаться въ своемъ небольшомъ имѣніи спокойною независимою жизнію. Узнавъ о нашемъ приходѣ, онъ тотчасъ прислалъ за мною, и я у него ужиналъ. На другой день у него же пилъ чай. Разставшись со мною дружески, онъ далъ намъ своихъ лошадей на слѣдующій переходъ. Безъ дальнихъ приключеній, мы достигли до небольшого уѣзднаго городка Бирска, отстоящаго отъ Уфы во 100 верстахъ. Унтеръ-офицеръ сдержалъ свое слово: во все время мы были имъ совершенно довольны, и отблагодарили его пятью рублями.

Въ Бирскъ мы пришли 16-го октября (1827) — и прямо въ острогъ. Къ счастію и здѣсь нашелся знакомый—смотритель острога инвалидный прапорщикъ Сорокинъ, который служилъ въ нашемъ полку каптенармусомъ. Онъ принялъ насъ радушно. Хотѣлъ было, по своей инструкціи, пересматривать наши вещи, чтобы отмѣтить въ описи, все-ли цѣло и куда что

утратилось; но, какъ мы просили избавить насъ отъ этого безпокойства, онъ тотчасъ согласился и, повѣривъ намъ на слово, оставилъ наши чемоданы неприкосновенными. Мы здѣсь дневали, и Сорокинъ старался угостить насъ «чѣмъ Богъ послалъ». Онъ присылалъ намъ обѣдъ и ужинъ. Въ продолженіе дня навѣстилъ насъ горестный отецъ нашего товарища Вѣтошникова. Разспрашивая о своемъ сынѣ, старикъ неутѣшно плакалъ. Приходили также къ намъ бывшіе семеновскіе солдаты, сосланные сюда на службу, и показали самое живое и непритворное участіе.

Поутру 18-го числа (октября) мы выступили изъ Бирска. Къ намъ присоединили еще двухъ колодниковъ изъ башкирцевъ и повели всѣхъ нацѣпленными на одинъ желѣзный прутъ. По городу насъ провожала порядочная толпа—просто любопытныхъ. Одинъ только сѣдовласый старецъ, закутавшись въ широкую шинель и прислонясь къ стѣнкѣ, проливалъ горькія слезы, когда мы проходили мимо—и это былъ отецъ Вѣтошникова! Ему близко было къ сердцу!...

Наканунѣ шелъ дождь, и грязь теперь была по колѣна. Только что успѣли выйти на околицу города, какъ настала слякоть съ сильнымъ вѣтромъ отъ сѣвера. Мы плелись кое-какъ, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ глубокой и вязкой грязи. Пройдя такимъ образомъ версты съ полторы, мы увидѣли сквозь летящій снѣгъ съ дождемъ, впереди, какъ тѣнь, расхаживающаго рослаго человѣка. Онъ закутанъ былъ въ теплую шинель и медленно прохаживался по мостику, чрезъ который намъ лежала дорога. Въ сторонѣ, шагахъ въ пяти отъ него, стояли дрожки въ одну лошадь, безъ кучера. Какъ скоро мы подошли къ нему, онъ распахнулся и — бросился обнимать меня. Удивленіе мое было чрезмѣрно, когда я узналъ въ немъ Александра Семеновича Петрова, человѣка едва мнѣ знакомаго: не болѣе десяти разъ, думаю, удалось мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ нѣкоторыхъ

домахъ въ Оренбургѣ, и все наше знакомство ограничивалось одними вѣжливостями. Теперь онъ нарочно выѣхалъ за городъ и, несмотря на слякоть, съ полчаса дожидался насъ на этомъ мѣстѣ, чтобы со мною увидѣться и оказать услугу. «Боже мой! Боже мой!—воображалъ ли я видѣть васъ въ такомъ положеніи, любезный Василій Павловичъ!»—сказалъ онъ со слезами на глазахъ! — Едва, опомнившись, успѣлъ я поблагодарить его за участіе, какъ онъ предложилъ намъ помѣститься съ нимъ на дрожки и доѣхать до деревни, отстоящей отъ города верстахъ въ 11-ти. Таптиковъ, Завалишинъ и я—кое-какъ высвободили руки свои изъ наручныхъ цѣпей; но Дружининъ никакъ не могъ; а ключъ былъ у унтеръ-офицера, который оставался еще въ городѣ. Нечего было дѣлать, мы оставили бѣднаго Дружинина при экипажѣ, а сами, взмостясь на дрожки, почти на колѣни другъ другу, поѣхали. Надобно замѣтить, что конвойные солдаты не сдѣлали ни малѣйшаго сопротивленія распоряженію г. Петрова, который на этотъ разъ былъ засѣдателемъ земскаго суда.

Въ деревнѣ намъ тотчасъ отвели хорошую квартиру: ненастная погода была достаточнымъ предлогомъ остаться здѣсь ночевать, потому что до настоящаго ночлега оставалось еще 16 верстъ. Пока подошелъ Дружининъ, у насъ самоваръ уже былъ на столѣ, и сдѣланы всѣ распоряженія къ ужину: въ городъ поскакалъ вершный за ромомъ, хотя мы всячески просили г. Петрова не хлопотать объ излишнемъ угощеніи. Цѣлый штофъ вина онъ распоилъ нашимъ конвойнымъ и велѣлъ ихъ накормить, и они превозносили его до небесъ. Такимъ образомъ мы провели вечеръ неожиданно весело, и послѣ ужина, приказавъ настлать на полъ соломы, всѣ вмѣстѣ расположились спать въ повалку—и долго разговаривали, между тѣмъ, какъ на дворѣ кутила непогодь. Она и на другой день не переставала, но дѣлать нечего, на-

добно было отправляться. Напившись чаю и потомъ позавтракавъ, мы готовились уже проститься съ г. Петровымъ, какъ онъ отвелъ меня въ сторону и началъ очень вѣжливо извиняться... «Помилуйте,—отвѣчалъ я,—мы такъ вамъ благодарны»... «Нѣтъ, не въ томъ дѣло, — прервалъ онъ,—если вы ко мнѣ хоть немного расположены, то дайте мнѣ честное слово, что не откажетесь отъ моей просьбы».—«Какая просьба, Александръ Семеновичъ?» сказалъ я.—«Нѣтъ, напередъ дайте слово, что вы не откажете мнѣ и не будете сердиться на меня», — продолжалъ онъ. Разсудивъ, по его поступку съ нами, что онъ, конечно, ничего предосудительнаго или вреднаго намъ не потребуетъ, я далъ ему слово исполнить его желаніе. Онъ еще не дослушалъ меня, какъ уже вынулъ 50 руб. и, подавая мнѣ, сказалъ: «Вотъ въ чемъ состоитъ моя просьба. Примите эту бездѣлицу; я вижу ваше положеніе и, клянусь, радъ бы душою болѣе пособить; но, ей Богу, вотъ все, что имѣю».—Я было хотѣлъ уклониться, но онъ настоялъ на данномъ словѣ — и я принужденъ былъ согласиться, къ явному его удовольствію. «Удивительный засѣдатель»,—подумалъ я!.. Этимъ не ограничилось его участіе. Онъ далъ унтеръ-офицеру записку для полученія подводъ. «Я хотѣлъ бы,—сказалъ онъ намъ,—снабдить его бланкетомъ, но я недавно въ этомъ уѣздѣ засѣдателемъ и не знаю хорошо здѣшнихъ жителей; при томъ же боюсь, чтобы унтеръ-офицеръ не представилъ его начальству: мнѣ можетъ достаться за это».—Мы всѣ благодарили его, какъ умѣли. На разставаніи мы выпили заздравный кубокъ за святую Русь и, со слезами, простились съ этимъ добрымъ знакомымъ-незнакомцемъ.

Продолжая путь безъ дальнихъ приключеній, кромѣ изнуренія отъ дурной погоды и неловкихъ желѣзъ, отъ которыхъ чувствовали боль нестерпимую, мы, 21-го числа (октября), остановились ночевать въ

одной большой русской деревнѣ, которой имени не помню. Узнавъ, что здѣсь есть кузницы, мы едва, за 25 рублей, склонили унтеръ-офицера, чтобы онъ позволилъ намъ перековать желѣза, хотя явно видѣли, что ноги наши до крови протерлись. Кузнецы оказались столько же корыстолюбивыми и несострадательными: они никакъ не соглашались взять менѣе 8 руб. за эту работу. Впрочемъ, надобно отдать справедливость, что сдѣлали очень хорошо, умножили число звеньевъ и уменьшили въ вѣсѣ, такъ что мы теперь могли ходить свободно.

23-го октября (1827 г.) мы пришли на послѣдній этапъ Оренбургской губерніи, на границѣ съ Пермскою. Здѣсь офицеръ непремѣнно захотѣлъ пересмотрѣть наши вещи, и никакія просьбы не могли отклонить его; нечего было дѣлать, хотя мы до костей промокли, и хотѣлось бы обсушиться и отдохнуть, но принялись разбивать свои чемоданы. Когда это кончили, насъ отвели въ довольно чистую тюрьму, въ которой слѣдовало намъ дневать. Послѣ вечерней зари, пришелъ къ намъ унтеръ-офицеръ и объявилъ, что приказано насъ запереть въ «лису». Мы сперва шутили, потомъ упрашивали, давая деньги, но ничто не помогло; видно судьбѣ было угодно, чтобы мы испытали всякаго рода истязанія!.. Что такое лиса? — думаю, это немногимъ извѣстно, и потому постараюсь дать о ней понятіе. Лиса, или колода сдѣлана изъ двухъ четырегранныхъ брусьевъ, длиною во всю тюрьму. Нижній брусъ прибитъ накрѣпко къ самому полу, а верхній плотно лежитъ на немъ, и соединяется съ нимъ, на одномъ концѣ, посредствомъ желѣзныхъ петлей или шарнеровъ, а на другомъ концѣ прибита толстая желѣзная скоба, которая накладывается на пробой, утвержденный въ нижнемъ брусѣ, и запирается большимъ висячимъ замкомъ. Во всю длину этихъ брусьевъ, пробиты въ нихъ горизонтально и насквозь, круглыя дыры такой величины, чтобы мо-

гла помѣщаться плюсна ноги въ обуви, разстояніемъ одна отъ другой — на четверть аршина. Колодники должны лечь на полъ навзничь, и, когда верхній брусъ приподымутъ, каждый долженъ положить свои ноги въ прорѣзанныя мѣста; тогда верхній брусъ опускаютъ, и каждый остается съ защемленными ногами на всю ночь. Этого мало: сквозь среднія кольца всѣхъ ножныхъ желѣзъ продергивается особая желѣзная цѣпь, прикрѣпленная къ концу колоды, и которая также другимъ концемъ накладывается на пробой и замыкается замкомъ. Нельзя передать вполнѣ, какъ мучительно это положеніе. Невозможно имѣть другого движенія, какъ только приподнявшись сѣсть, и опять лечь на спину—и цѣлые 12 часовъ! Къ этому еще и больныя ноги!.. Когда насъ такимъ образомъ заперли, Таптиковъ и Дружининъ начали сильно осыпать упреками нашего предателя; но тотъ молчалъ, и я нѣсколько разъ принимался ихъ уговаривать, чтобы оставили его въ покоѣ, потому что и ему не лучше, если не хуже. При этомъ напомнилъ о четырехъ нашихъ спутникахъ, которыхъ положеніе было несравненно мучительнѣе нашего: въ изорванныхъ, мокрыхъ рубищахъ лежали они на голомъ полу въ сырой и холодной тюрьмѣ, почти безъ пищи, и не роптали! Какъ мы были рады, когда по наступленіи 25-го числа (октября) выступили съ этого проклятаго этапа.

Въ Пермской губерніи насъ уже не примыкали къ пруту, и даже оставили его на одномъ изъ ночлеговъ. На послѣднемъ ночлегѣ къ городу Красноуфимску произошла небольшая сцена съ унтеръ-офицеромъ. По обыкновенію, мы хотѣли дать ему пять рублей; но, къ удивленію, онъ не взялъ, увѣряя, что обѣщали 25 руб. «Да кто же тебѣ обѣщалъ?» спросилъ я. «Вотъ тотъ чистякъ-то, что съ вами идетъ!»— Это значило—Завалишинъ.—«Если онъ тебѣ обѣщалъ, то съ него и бери, а мы тебѣ болѣе не дадимъ» —

промолвилъ я. Унтеръ-офицеръ подошелъ къ нему, поговорилъ что-то съ нимъ и, возвратясь, сказалъ: «Онъ говоритъ, что у васъ его деньги, и велѣлъ взять; если не отдадите мнѣ, то въ городѣ я скажу, что у васъ много денегъ на рукахъ; тогда всѣ отберутъ». «О, коли такъ,—отвѣчалъ я,—то поди же, доноси; нѣтъ тебѣ ни копѣйки; но подай намъ за пять дней наши кормовыя деньги, которыя офицеръ отдалъ тебѣ на руки». Поморщившись, унтеръ-офицеръ вышелъ вонъ; а мы напустились на Завалишина, который отговаривался тѣмъ, что хотѣлъ подурачить бѣдняка. На другой день, передъ выходомъ, унтеръ-офицеръ, почти со слезами, просилъ у меня прощенія, жалуясь на Завалишина, что онъ сбилъ его, увѣривъ, что у меня пропасть денегъ, и что я скуплюсь. — «Нѣтъ, любезный,—сказалъ я ему,—если бы подлинно было много денегъ, то конечно дали бы тебѣ больше, но мы справляемся съ карманомъ. Вотъ тебѣ прежніе 5 рублей, и возьми себѣ кормовыя». Онъ бросился цѣловать мнѣ руки. Но, когда онъ вышелъ вонъ, я, на всякой случай, припряталъ деньги свои какъ можно подалѣе. Раскаяніе его показалось мнѣ сомнительнымъ. Послѣ мы узнали, что Завалишинъ обѣщалъ ему дѣйствительно 25 рублей за то, чтобы онъ оставилъ на ночлегѣ прутъ; и такъ онъ считалъ себя въ нѣкоторомъ правѣ просить этихъ денегъ, исполнивъ его просьбу.

Ноября 1-го (1827 г.) мы пришли въ первой уѣздной городъ Пермской губерніи—Красноуфимскъ. Насъ привели прямо въ острогъ. Смотритель велѣлъ отвести насъ въ тюрьму, мы и тому рады были, что не заставилъ насъ вытрясать наши чемоданы. Только что растворились двери нашей тюрьмы, мы поражены были неожиданнымъ, новымъ для насъ и потрясающимъ душу, явленіемъ: это былъ знаменитый разбойникъ, сдѣлавшійся ужасомъ жителей Пермской губерніи, и насъ вводили въ его товарищество!.. По-

раженные взглядомъ его, мы невольно остановились на порогѣ, и съ недоумѣніемъ спросили унтеръ-офицера: «Полно, сюда-ли?» Ужасный узникъ небрежно тряхнулъ цѣпями, привсталъ и самымъ гробовымъ голосомъ произнесъ: «Господа! пожалуйте, вамъ здѣсь назначено мѣсто». Мы взошли съ нѣкоторою боязнію къ этому страшному товарищу и расположились около самыхъ дверей, какъ можно отъ него подалѣе. Тюрьма наша была не болѣе 3 саж. въ длину и 2 саж. въ ширину, съ однимъ большимъ окошкомъ, въ которомъ толстая желѣзная рѣшетка, перехваченная кольцами. Налѣво отъ дверей русская печь и около стѣнъ широкія нары. Разбойникъ сидѣлъ на этихъ нарахъ у самаго окошка, когда мы взошли. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ черными, длинными усами и небритою бородою; волосы на головѣ всклокочены; изъ-подъ нависшихъ бровей ярко блистали черные глаза. Руки и ноги его были обременены тяжкими и огромными желѣзами, въ которыхъ, какъ мы послѣ узнали, было 2 пуда 30 фунтовъ вѣсу. Мы провели съ нимъ двое сутокъ, но вообще боялись съ нимъ говорить, чувствуя какое-то невольное отвращеніе; да и онъ былъ не словоохотливъ. Мрачная задумчивость, суровый взглядъ, внезапное потрясеніе по временамъ цѣпей, смѣлыя, порывистыя движенія, показывали, какъ будто каждую минуту онъ помышлялъ о новомъ злодѣяніи,—и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на жизнь и на предстоящія мученія казни.

Выступивъ изъ Красноуфимска, 3-го ноября (1827 г.), уже безъ прута, мы шли живописными мѣстами и, послѣ мрачныхъ впечатлѣній, оставшихся въ насъ отъ сотоварищества съ разбойникомъ, съ наслажденіемъ взирали на открытую природу, которая, при наступившей ясной погодѣ, казалась вдвое прекраснѣе. Пройдя чрезъ большое селеніе, въ которомъ чугунной заводъ, мы вышли на большой си-

бирскій трактъ и пришли въ такъ называемую Ачинскую крѣпость, хотя тутъ и тѣни уже крѣпостной не осталось. Здѣсь насъ отвели прямо на «полу-этапъ». Партія, идущая по канату въ Сибирь, еще не пришла, и потому насъ помѣстили до времени въ солдатскую караульню. Черезъ полчаса и она пришла, и тутъ въ первый разъ мы увидѣли ее и познакомились, такъ сказать, со всѣмъ «обиходомъ» препровожденія каторжныхъ. Но все относящееся до этого учрежденія, какъ и до этаповъ и полу-этаповъ, по всей дорогѣ отсюда единообразно устроенныхъ, я предоставляю особой слѣдующей главѣ. Переночевавъ въ этомъ ужасномъ сообществѣ, 4 числа, мы перешли на дневку въ Бисертскую крѣпость, гдѣ устроенъ этапъ. Здѣсь унтеръ-офицеръ сдалъ насъ этапному офицеру, и мы тутъ поступили уже совершенно въ общую массу колодниковъ, гонимыхъ по канату въ Сибирь, или, какъ говорится, на «партію». Мы обратились къ офицеру съ убѣдительною просьбою, помѣстить насъ въ солдатской казармѣ и не соединять съ кандальными, представляя, что мы еще не привыкли къ теперешнему нашему положенію, и что хоть бы дали намъ немножко оглядѣться, освоиться съ этою ужасною необходимостью; но офицеръ, довольно учтиво и, впрочемъ, очень наивно, отвѣчалъ: «Господа, что-жъ? пожалуй, я и позволю вамъ остаться въ солдатской казармѣ; да вѣдь надобно же когда-нибудь рѣшиться быть съ «варнаками» вмѣстѣ. Ступайте-ка лучше теперь, совѣтую вамъ не противиться, и приказываю идти сейчасъ». Можно себѣ представить, какъ эти слова были оскорбительны для насъ; мы не отвѣчали и пошли, собравшись съ полнымъ духомъ. Тутъ впервые мы узнали всю тягость этого ужаснаго состоянія, которому, едва-ли не во-сто разъ, предпочесть можно бы было смертную казнь. Мы положили, однакожъ, правиломъ, впередъ уже не дѣлать чести офицерамъ нашею просьбою, но терпѣть и терпѣть!..

Ноября 13-го (1827 г.) мы пришли въ Екатеринбургъ, гдѣ должны были дневать. Насъ, разумѣется, помѣстили въ острогъ, вмѣстѣ уже съ прочими. На другой день около обѣда, Завалишинъ подошелъ ко мнѣ на дворѣ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Ну, любезный Колесниковъ, теперь все кончено, и мы свободны!» — Удивясь этому, и вмѣстѣ подозрѣвая, не новый ли это фарсъ, я спросилъ: «Какъ? что это значитъ?»—Онъ отвѣчалъ, что успѣлъ подговорить всю партію и напоить всѣхъ караульныхъ; что въ эту же ночь разобьемъ острогъ, отымемъ у солдатъ ружья и займемъ весь городъ, что даже нѣкоторые солдаты согласны на это и обѣщали принести пороху и пуль. «Во время суматохи—продолжалъ онъ—навѣрно пристанетъ къ намъ много людей; вѣдь здѣсь на фабрикахъ народъ все ссыльной и недовольной; золота здѣсь не занимать стать: есть чѣмъ разохотить къ возмущенію. Я тотчасъ издамъ манифестъ... что ты смѣешься? Кажется ты довольно меня постигъ» и наговорилъ тьму подобныхъ глупостей.

Сперва я, подлинно, принялъ это за фарсу сумасбродства; но, подумавъ, счелъ за лучшее приглядѣть, нѣтъ ли тутъ чего и въ самомъ дѣлѣ. Прежде всего я пошелъ въ караульню и, къ удивленію своему, нашелъ, точно, весь караулъ пьянымъ. Я сталъ разспрашивать нѣкоторыхъ солдатъ, намекая осторожно, что мнѣ все извѣстно, и одинъ мнѣ шепнулъ: «Не безпокойтесь, сударь, всѣ будемъ исправны». Тотчасъ я отвелъ его въ сторону и разспросилъ обо всемъ. Онъ мнѣ даже указалъ въ стѣнѣ острога, за будкою, отверстіе, въ которое хотѣлъ доставить пороху, свинцу и нѣсколько ружей, и просилъ меня часу въ 11-мъ ночи быть готовымъ все это принять отъ него. Я ему обѣщалъ и бросился къ арестантамъ. Отъ нихъ не трудно было узнать о замыслѣ. Не оставалось болѣе сомнѣнія. Дѣло было плохо. Я шелъ въ караульню съ мыслію «послать за городни-

чимъ».—Къ счастью, мнѣ попался смотритель замка. Отведя его къ сторонѣ, я сказалъ ему: «Если вы хотите спасти себя и насъ, то сдѣлайте милость, поѣзжайте сейчасъ къ городничему и скажите ему, что я хочу съ нимъ лично говорить».—«Что такое? что такое?»—спросилъ онъ меня, примѣтно измѣнясь въ лицѣ. Я отвѣчалъ, что не могу объявить ему, но повторяю, что отъ этого зависитъ спасеніе многихъ людей, и ежели онъ не исполнитъ моей просьбы, то все на него падетъ. Попытавшись еще немного около меня и видя, что все напрасно, онъ отправился тотчасъ къ городничему, и черезъ полчаса явился за мною унтеръ-офицеръ. Подошедъ ко мнѣ учтиво, онъ сказалъ: «Васъ проситъ къ себѣ зачѣмъ-то г. городничій, и прислалъ дрожки».—Завалишинъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ спросилъ меня: «Зачѣмъ это?»—«Почему я знаю; не просилъ ли, можетъ быть, одинъ мнѣ знакомый капитанъ, который находится здѣсь, повидаться со мною», отвѣчалъ я ему наскоро и отправился.

Меня привезли прямо въ полицію и ввели въ присутствіе. Комната очень чистая, но безъ мебели, кромѣ стола съ тремя стульями по срединѣ. Столъ накрытъ былъ зеленымъ сукномъ; на немъ стояли очень хорошей работы бронзовое зерцало и серебряная чернильница, и лежало нѣсколько бумагъ. Городничій, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, сидѣлъ въ задумчивости передъ зерцаломъ. Когда я взошелъ, онъ привсталъ, поклонился и далъ мнѣ знакъ рукою, чтобы я подошелъ ближе. Какъ скоро я приблизился, онъ, взявшись за перо, примѣтно приготовился записывать мое «показаніе», но я его остановилъ, сказавъ, что пришелъ къ нему не съ жалобою, не съ доносомъ, а единственно, чтобы доставить ему случай, безъ огласки, отвратить угрожающую ему и намъ непріятность, и, можетъ быть, хуже, нежели непріятность одну. Вслѣдъ затѣмъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло,

повторивъ въ окончаніи мою просьбу, чтобы онъ не дѣлалъ изъ этого никакой формальности. Выслушавъ, онъ всталъ со стула, взялъ меня за руки и, поблагодаривъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ, прибавилъ: «Я васъ уже не пущу въ острогъ; вы будете ночевать здѣсь, а мы между тѣмъ сдѣлаемъ, что нужно».— Сказавъ это, онъ вышелъ.

Мнѣ отвели въ полиціи чистую комнату, гдѣ я и ночевалъ. На другой день поутру, когда меня отвели къ партіи, она была уже въ походѣ. Все было тихо и смирно. Товарищи мнѣ разсказали, что у нихъ вчерась смѣнили весь караулъ и заперли всѣхъ ранѣе обыкновеннаго. Завалишинъ непремѣнно хотѣлъ знать, гдѣ я ночевалъ, и я сплелъ ему басню,—будто старый мой сослуживецъ выпросилъ меня у городничаго къ себѣ и славно угостилъ. Онъ, кажется, повѣрилъ и остался доволенъ. О манифестѣ ни слова, какъ бы вовсе ничего не замышлялъ. Послѣ этого не было уже никакихъ особенныхъ приключеній. Мы прошли города Камышловъ и Тюмень, и въ первомъ изъ нихъ, къ немалому удовольствію, оставили Завалишина по болѣзни. 18-го декабря (1827 г.), въ самую почти средину жестокой зимы, прибыли въ столицу Сибирскаго царства, въ Тобольскъ, гдѣ насъ отдѣлили отъ партіи и заперли порознь въ секретные нумера—тѣсные, сырые, и продержавъ въ нихъ двое сутокъ, въ несносной для насъ разлукѣ, перевели въ темную арестантскую, и заперли тутъ съ тремя другими арестантами. Отъ изнуренія и холода, я сдѣлался боленъ; но мнѣ не оказали никакой помощи, никакого вниманія, кромѣ того, что при выступленіи, 23-го декабря, съ партіею посадили на подводу и повезли далѣе.

Глава VII.

Этапы. — Полу-этапы. — Устройство партіи. — Злоупотребленія.

— Законы, право, святы,
Да исполнители лихіе супостаты.
Капнистъ.

Всѣ этапы, какъ я уже упомянулъ, по Сибирскому тракту выстроены единообразно. Они учреждены по станціямъ, такъ что черезъ два полу-этапа приходитъ партія колодниковъ на этапъ, гдѣ обыкновенно располагается на дневку. На каждомъ этапѣ находится офицеръ, завѣдывающій двумя ближайшими полу-этапами, на коихъ, кромѣ такъ называемаго «каморника», никто постоянно не живетъ [1]).

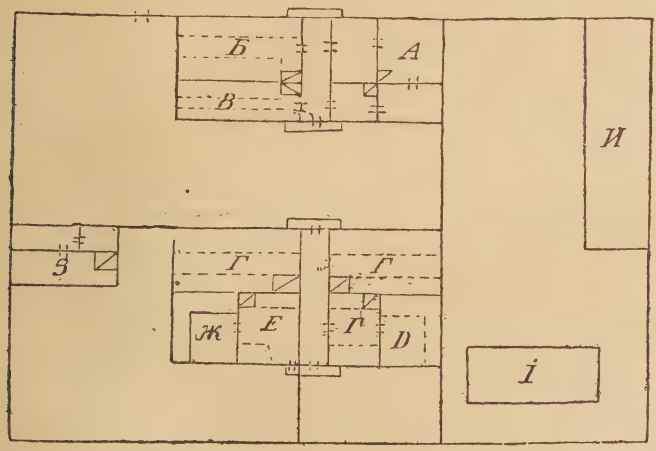
Въ каждомъ этапѣ выстроено по два отдѣльныхъ корпуса, одинъ, для офицера и команды, другой для арестантовъ или колодниковъ. Первый фасадомъ на улицу. Съ крыльца входъ въ корридоръ или сѣни, которыми все зданіе раздѣляется на двѣ половины; налѣво двѣ комнаты для офицера, съ прихожею и кухнею; а направо двѣ казармы—ближайшая ко входу для инвалидныхъ солдатъ, а другая для конвойныхъ казаковъ. Другой корпусъ той же длины, и совершенно противъ перваго на дворѣ—раздѣленъ также на двѣ половины, и въ каждой по двѣ казармы, изъ

---

[1]) На этапѣ—25 человѣкъ инвалидной команды, въ томъ числѣ два унтеръ-офицера и барабанщикъ, и сверхъ того четыре казака. (1835 г.). *В. Ш.*

которыхъ двѣ первыя направо и налѣво для поселыщиковъ, третья направо для однѣхъ женщинъ, раздѣлена поперечною стѣною на двѣ, изъ коихъ дальняя назначена для слѣдующихъ въ каторжную работу, а ближняя для назначенныхъ на поселеніе. Въ эту казарму входъ съ особаго двора. Четвертая налѣво, точно такъ же раздѣлена на двѣ казармы: дальняя для каторжныхъ, а ближняя для поселыщиковъ, если въ первыхъ двухъ казармахъ не помѣстятся. Поправѣе этого корпуса, на отдѣльномъ женскомъ дворѣ, устроена баня, а на особомъ совершенно дворѣ, влѣво отъ обоихъ корпусовъ, находятся конюшни и кладовыя. Всѣ эти зданія обнесены высокимъ тыномъ, примыкающимъ къ передней стѣнѣ перваго корпуса, по обѣимъ сторонамъ котораго находятся ворота; правыя на главный дворъ, а лѣвыя на тотъ, на которомъ

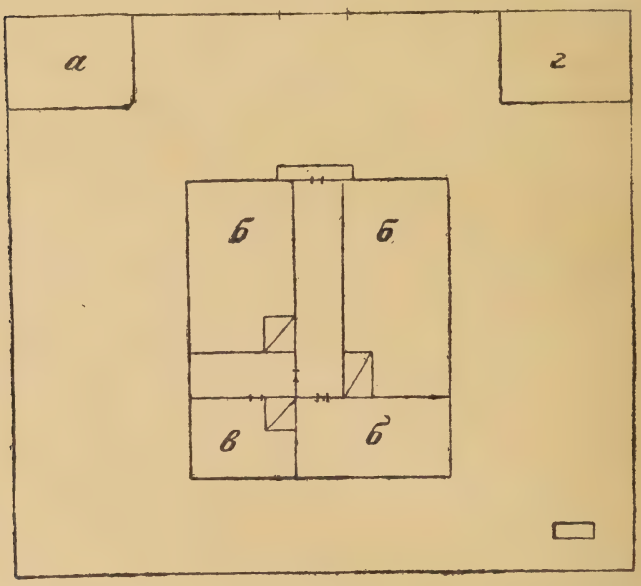
ЧЕРТЕЖЪ ПОЛНАГО ЭТАПА.



А, отдѣленіе для этапнаго командира; Б, солдатская казарма; В, казарма для казаковъ; Г, отдѣленіе для поселыщиковъ; Д, отдѣленіе для каторжно-рабочихъ; Е, отдѣленіе для женщинъ, идущихъ на поселеніе; Ж, отдѣленіе для женщинъ, осужденныхъ въ каторжную работу; З, баня; И, конюшня; І, кладовыя.

конюшни. На приложенномъ чертежѣ все это яснѣе видѣть можно. Всѣ строенія деревянныя. Главные корпусы на каменномъ фундаментѣ, обиты тесомъ и выкрашены желтою краскою. Вообще, наружность содержится въ чистотѣ и опрятности.

ЧЕРТЕЖЪ ПОЛУ-ЭТАПА.



а, солдатская караульня; б, отдѣленіе для посельщиковъ; в, отдѣленіе для кандальныхъ; г, конюшня.

Полу-этапы устроены гораздо проще. Четыреугольный дворъ, огороженный сплошнымъ и высокимъ тыномъ, въ который входятъ одни ворота, съ калиткою. По правую сторону воротъ, внутри, въ самомъ углу караульня для солдатъ; по лѣвую, также въ углу, конюшня; по срединѣ двора—казармы съ корридоромъ или продолговатыми сѣнями, въ которыхъ четыре двери: двѣ направо и налѣво въ большіе нумера, и третья прямо въ меньшій нумеръ, кои всѣ три

назначены для посельщиковъ; четвертая дверь направо въ узенькія сѣнцы, изъ которыхъ уже дверь въ четвертый нумеръ, куда запираютъ кандальниковъ, т. е. идущихъ въ каторжную работу, такъ что они проводятъ ночь за двумя замками.

Партія, идущая по канату въ Сибирь, обыкновенно состоитъ изъ ссылаемыхъ на поселеніе и изъ ссылаемыхъ въ каторжную работу,—мужчинъ и женщинъ. Мужчины до Тобольска всѣ вообще въ ножныхъ кандалахъ [1]); а тѣ, которые слѣдуютъ въ каторжную работу, во время перехода, заковываются въ наружныя (кандалы) по двое, и пристегиваются на прутъ или на длинную веревку, когда ихъ много, что и называется собственно канатомъ; посельщики же идутъ свободно. Вся партія дѣлится на десятки, и въ каждомъ десяткѣ выбирается свой десятской, которые находятся подъ вѣдѣніемъ старосты, избираемаго по большинству голосовъ всею партіею, и служатъ ему во всякомъ случаѣ помощниками. Въ партіяхъ, отправляющихся изъ Тобольска, старосту утверждаетъ Приказъ о ссыльныхъ, и ни одинъ уже этапной офицеръ не имѣетъ права его смѣнить иначе, какъ развѣ по просьбѣ всей партіи. Староста имѣетъ право ходить вездѣ за конвоемъ для закупокъ и другихъ тому подобныхъ надобностей. Онъ же чинитъ домашнюю расправу за нарушеніе порядка или тишины.

Выступленіе партіи съ этапа происходитъ слѣдующимъ образомъ: поутру рано всѣ арестанты, склавши свои вещи въ мѣшки, выходятъ на дворъ, гдѣ уже конвой и подводы готовы. Въ это время барабанщикъ бьетъ по «возамъ», и всѣ начинаютъ укладывать свои мѣшки на подводы, на которыя потомъ усаживаютъ больныхъ. Сдѣлавъ это, всѣ становятся

---

[1]) На послѣдней станціи къ Тобольску солдаты покупаютъ у посельщиковъ ихъ желѣза; потому что по приходѣ въ городъ велятъ имъ обыкновенно снимать кандалы и бросать въ кучу, при чемъ число ихъ никогда не повѣряется (1835 г.). *В. Ш.*

въ двѣ шеренги. Офицеръ, разставивъ конвойныхъ въ авангардъ и арріергардъ, и по сторонамъ, командуетъ «маршъ»; барабанщикъ бьетъ генералъ-маршъ, и вся партія выступаетъ по рядамъ, но дорогою идутъ безъ всякаго порядка. Какъ скоро партія свыше 80 человѣкъ, то при ней долженъ быть офицеръ. Предъ выступленіемъ партіи, наканунѣ, солдаты этапные нанимаются везти арестантовъ и берутъ за это отъ 8 до 15 копѣекъ съ человѣка. Случается, что уѣзжаютъ впередъ партіи, если приплатятъ имъ копѣйки 4 лишнихъ.

По приходѣ на этапъ, арестанты сперва разбираютъ свои вещи; а потомъ уже становятся въ двѣ шеренги во фронтъ, каторжно-рабочіе съ праваго фланга, посельщики въ срединѣ, а женщины на лѣвомъ флангѣ. Офицеръ пересчитываетъ всѣхъ, или перекликаетъ по списку. На нѣкоторыхъ этапахъ пересматриваютъ при этомъ всѣ казенныя вещи и обыскиваютъ, нѣтъ-ли ножей, денегъ, трубокъ и т. п. Послѣ этого каторжно-рабочихъ вызываетъ офицеръ на средину и приказываетъ имъ идти въ «кандальную». Тутъ всѣ они опрометью бросаются бѣжать въ свою тюрьму, и кто первый занялъ себѣ мѣсто на нарахъ, тотъ на немъ и остается; а кто не успѣетъ, тотъ долженъ лежать на полу, и на это уже никто не ропщетъ. Посельщики такимъ же образомъ занимаютъ свои отдѣленія; а женщины идутъ на свой особый дворъ и помѣщаются въ своемъ отдѣленіи, на полуэтапахъ же онѣ ночуютъ въ солдатской караульнѣ.

Обыкновенно помѣщеніе, по количеству людей, недостаточно. На нарахъ тѣснятся такъ, что едва могутъ ворочаться; нѣкоторые помѣщаются въ ногахъ у другихъ, на краю наръ, остальные на полу и подъ нарами. Можно себѣ представить, какая тутъ духота, особливо въ ненастную погоду, когда приходятъ всѣ мокрые, въ своихъ грязныхъ рубищахъ! Къ этому еще на ночь ставится такъ называемая «параша», т. е.

просто деревянный ушатъ, исполняющій должность необходимой ночной мебели. Смрадъ отъ этой параши нестерпимый. Вообще филантропъ найдетъ здѣсь полное отсутствіе идеи человѣколюбія, равно философской, какъ и христіанской: но зато и несчастные, какъ бы соревнуя такой жестокости, стараются какъ можно болѣе выказать отвратительную сторону своего человѣчества. Они, такъ сказать, закаливаются здѣсь во всѣхъ порокахъ. Между ними всегда шумъ, крикъ, карты, кости, ссора или пѣсни, пляска... Боже! какая пляска!.. Однимъ словомъ, тутъ истинное подобіе ада.

Когда партія приходитъ на этапъ, то нѣсколько мѣстныхъ жителей ожидаютъ уже ее на дворѣ съ съѣстными припасами: съ хлѣбомъ, булками, калачами, съ ватрушками, съ вареною говядиной, съ жареною печенкою или рыбою и т. п. Сперва этапные офицеры не пускали жителей, и сами держали для партій все нужное, но по многимъ жалобамъ арестантовъ, «что офицеры берутъ съ нихъ вдвое противъ вольной цѣны», правительствомъ это запрещено, и дозволено, для продажи съѣстныхъ припасовъ арестантамъ, впускать жителей внутрь этапной ограды.

Коснувшись этого факта, кстати показать здѣсь все, къ чему способны эти этапныя «благородія». Большая часть изъ нихъ берутъ деньги за то, чтобы не вести на канатѣ, именно по 2 коп. съ человѣка, удерживая изъ «кормовыхъ». За деньги позволяется, при проходѣ чрезъ селенія, просить милостыню «въ голосъ», т. е. кричать на распѣвъ: «Умилитесь, наши батюшки, до насъ, бѣдныхъ невольныхъ, заключенныхъ, Христа ради!» За деньги же пропускаютъ къ арестантамъ вино, дозволяютъ играть въ карты и въ кости,—и, повѣрятъ ли? — за деньги дозволяютъ входъ, послѣ зари, въ женское отдѣленіе!.. И это... офицеры! «суть дворяне», со всѣмъ ихъ потомствомъ!.. Когда не куплено явное позволеніе играть въ карты или въ кости,—унтеръ-офицеръ часто заглядываетъ къ арестантамъ и над-

сматриваетъ, нѣтъ ли игры; какъ скоро замѣтитъ, то отбираетъ карты и кости, но это всегда оканчивается только такъ называемымъ, по подъячески, «срывкомъ»: дадутъ полтину или четверть, онъ и доволенъ, примолвитъ только: «Смотрите, чтобы офицеръ не увидалъ». Иногда сами часовые разрѣшаютъ игру, за 10 или 15 копѣекъ съ «майдана», и въ такомъ случаѣ они уже стерегутъ, чтобы унтеръ-офицеръ не «засталъ»!.. Это—круговая порука!

Чтобы избѣгнуть «раззорительной» для этихъ бѣдняковъ покупки права играть въ карты и кости, крайнее уподленіе человѣчества изобрѣло игру, которая, если не можетъ назваться вполнѣ незапрещенною, по крайней мѣрѣ легче можетъ быть скрыта отъ наблюдательныхъ взоровъ унтеръ-офицера и самихъ часовыхъ. Эту игру гнустно описывать, но для того, кто слѣдитъ человѣчество во всѣхъ его оттѣнкахъ, она не менѣе покажется интересною. Игроки нарочно имѣютъ при себѣ маленькій звѣринецъ въ перышкѣ, состоящій изъ нѣсколькихъ насѣкомыхъ, которыми награждаетъ нечистота и неопрятность. Они садятся въ кружокъ на нарахъ, очерчиваютъ два единоцентренные круга и, поставя условленную ставку, каждый выбираетъ изъ своего звѣринца насѣкомое «побойчѣе», и всѣ разомъ выпускаютъ ихъ въ меньшій кругъ. Чье насѣкомое прежде другихъ выйдетъ за черту второго круга, того и «конъ», т. е. вся ставка. Если случится, что два насѣкомыя выползутъ за границу вдругъ, то дѣлятъ ставку пополамъ. Вотъ ежедневное занятіе этихъ несчастныхъ и оно, конечно, не ведетъ ни къ исправленію, ни къ раскаянію!

Заключу однимъ замѣчаніемъ: хотя, по положенію, каждую субботу должно на этапахъ топить для арестантовъ баню, но гг. этапные командиры признаютъ за лучшее топить тогда, когда партія объ этомъ «попроситъ»; для непонимающихъ этого слова, скажу потихоньку—когда дастъ деньги!

Заключеніе.

Это описаніе путешествія по канату, къ сожалѣнію, осталось неконченнымъ; итакъ помѣстимъ въ заключеніе только то, что намъ извѣстно изъ краткой памятной записки Колесникова, которую онъ, по возможности, велъ дорогою.

Изъ Тобольска, какъ упомянуто въ концѣ VI главы, вывезли его больного. Онъ былъ безъ памяти и близокъ къ смерти, когда партія, въ которой онъ и товарищи его находились, пришла на этапъ въ селеніе, называемое Истяцкіе юрты. Здѣсь, по счастію, нашли они фельдшера. Узнавъ, что двѣнадцать уже сутокъ въ больномъ непримѣтно обыкновеннаго естественнаго отправленія, фельдшеръ догадался употребить первое и необходимое въ такомъ случаѣ средство. Оно подѣйствовало, и больной пришелъ въ чувство, чтобы увидѣть свое ужасное положеніе между разбойниками и ворами, въ смрадной, грязной тюрьмѣ— положеніе, способное убить здороваго, не только больного! Но юность имѣетъ гигантскія силы! Къ этому дружеское попеченіе товарищей, особенно Дружинина, доставило ему утѣшеніе и, такъ сказать, «застѣнило» нѣсколько ужасныя группы олицетворенныхъ пороковъ. На другой же день онъ почувствовалъ себя гораздо лучше. Чтобы отблагодарить добраго фельдшера, Колесниковъ вынужденъ былъ продать серебрянные часы свои за 40 р., хотя они стоили полтораста: всѣ деньги у нихъ уже вышли. При отправленіи съ этапа фельдшеръ далъ ему на дорогу лекарство въ порошкахъ, которое было ему полезно.

12 февраля (1828 г.) прибыли наши несчастные путешественники въ городъ Каинскъ, гдѣ Колесниковъ остался въ арестантской больницѣ и пробылъ въ ней до 21 числа (февраля 1828 г.). Разлука съ товарищами была для него новымъ лишеніемъ, которое

только тѣ понимать въ состояніи, кому извѣстно, какую отраду доставляетъ дружба въ общемъ несчастіи. По совершенномъ выздоровленіи, онъ отправился съ партіею преступниковъ одинъ-одинешенекъ. Положеніе его было самое мучительное. По счастію, до Томска онъ могъ еще нанимать у солдатъ подводу, платя по 10 коп. за каждый переходъ. Въ томскомъ губернскомъ замкѣ онъ былъ утѣшенъ встрѣчею съ Дружининымъ, который остался здѣсь за болѣзнію. Съ нимъ онъ провелъ Великую Пятницу, Субботу и встрѣтилъ Пасху, неся крестъ свой! На второй день праздника, 26 марта (1828 г.) Колесниковъ принужденъ былъ покинуть своего товарища и друга и идти пѣшкомъ до самаго Красноярска. По крайней мѣрѣ, въ Томскѣ сдѣлали то снисхожденіе, что не заковали въ желѣза. Къ великой радости своей, онъ нашелъ въ Красноярскѣ Таптикова, а съ нимъ вмѣстѣ Быстрицкаго и Кучевскаго [1]), потому что партіи, при которыхъ они шли, остановлены были здѣсь, по невозможности переправиться черезъ Енисей.

Изъ числа офицеровъ, ходившихъ въ караулъ, нашлись Колесникову знакомые по службѣ въ одномъ полку, въ Оренбургѣ. Они очень хорошо обошлись съ нимъ, и Колесниковъ почти каждый день бывалъ у нихъ. Между тѣмъ, во все время пребыванія въ Красноярскѣ, онъ принужденъ былъ шить на арестантовъ, чтобы заработать нѣсколько денегъ на дорогу.

Изъ Красноярска они выступили 4 мая (1828 г.). Одинъ изъ знакомыхъ Колесникову офицеровъ, служащій въ Иркутскѣ баталіоннымъ адъютантомъ, возвращаясь туда, выпросилъ его у партіоннаго офицера

---

[1]) Быстрицкій, бывшій офицеръ Черниговскаго полка, слѣдовалъ въ Читу къ своимъ товарищамъ, а Кучевскій, бывшій майоръ Астраханскаго гарнизона, осужденный за намѣреніе поджечь и разграбить городъ, дошелъ до Нерчинскихъ рудниковъ, но послѣ несчастной исторіи Сухинова соединенъ въ Читѣ съ государственными преступниками, и съ ними перешелъ въ Петровскій заводъ. *В. Ш.*

и довезъ до города Каинска. Здѣсь надобно было адъютанту остановиться; поэтому взялъ его съ собою другой офицеръ, слѣдовавшій съ командою въ Иркутскъ, который также былъ ему знакомъ съ самаго дѣтства. Этотъ довезъ его до Нижнеудинска. Тутъ Колесниковъ остался, сказавшись больнымъ, чтобы дождаться Таптикова.

За Удинскомъ они имѣли на одномъ этапѣ отличный пріемъ отъ офицера, который угостилъ ихъ съ полнымъ радушіемъ. Это былъ прапорщикъ Алексѣевъ. Замѣчательно, что этотъ офицеръ послѣ переведенъ былъ въ команду, опредѣленную стеречь государственныхъ преступниковъ въ Петровскомъ казематѣ и при нихъ, преждевременно, кончилъ жизнь свою.

Въ Иркутскѣ нашли городничимъ Муравьева, который самъ принадлежалъ къ VI-му разряду государственныхъ преступниковъ и, бывъ осужденъ верховнымъ уголовнымъ судомъ въ каторжную работу, лучше другихъ умѣлъ участвовать въ несчастіи этихъ страдальцевъ. Онъ помѣстилъ ихъ въ полиціи, а не въ острогѣ, позволилъ ходить по городу съ переодѣтымъ полицейскимъ провожатымъ; присылалъ имъ чай, обѣдъ и ужинъ,—словомъ, дѣлалъ для нихъ все, что могъ.

Изъ Иркутска они отправились при канатѣ, но безъ желѣзъ. Черезъ Байкалъ переправились на гальетѣ. Безъ дальнихъ приключеній они «перевалились», какъ говорится у сибиряковъ, «за камень», и уже при самомъ перевозѣ черезъ р. Читу унтеръ-офицеръ захотѣлъ надѣть на нихъ наручныя желѣза, увѣряя, что «непристойно» безъ нихъ явиться къ г. коменданту, но они рѣшительно сказали, что наряда этого не надѣнутъ добровольно, а силою принудить ихъ, у него не достало духа.

Когда привели ихъ къ комендантскому дому, къ нимъ вышелъ плацъ-адъютантъ Розенбергъ и повелъ

ихъ въ такъ называемый Дьячковскій казематъ, осмотрѣлъ и переписалъ ихъ вещи и отвелъ имъ мѣсто между жившими тутъ государственными преступниками; это были Ивашевъ, Мухановъ, Митьковъ, Лунинъ и Громницкій.

Съ ними съ первыми они познакомились 9 сентября 1828 года.

На другой день пришелъ къ нимъ комендантъ, опросилъ о претензіяхъ и, сказавъ: «Надѣюсь, что вамъ здѣсь будетъ хорошо», вышелъ. Черезъ недѣлю отдыха ихъ вывели на работу—усыпать улицу предъ домомъ Трубецкого, и тутъ познакомились они съ прочими читинскими узниками.

На этомъ прекращается краткая памятная записка Колесникова.

В. И. Штейнгейль.

1835 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: «Быть по сему. Но приговореннымъ къ каторжной работѣ кромѣ Завалишина уменьшить срокъ каторги до половины. С.-Петербургъ 12 августа 1827 года».

«НИКОЛАЙ».

Всеподданнѣйшій докладъ

Аудиторіатскаго департамента.

Оренбургскаго гарнизоннаго полка прапорщикъ Таптиковъ, портупей-прапорщики Василій Колесниковъ и Хрисанфъ Дружининъ, унтеръ-офицеръ Андрей Шестаковъ, Нижегородскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Старковъ, Оренбургскаго казачьяго полка хорунжій Вѣтошниковъ 2-й и 14-й артиллерійской гарнизонной бригады роты № 4-й гаптлангеръ изъ дворянъ Ипполитъ Завалишинъ, по предписанію командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, генерала-отъ-инфантеріи Эссена, 30-го апрѣля сего 1827 года арестованы и преданы военному суду за составленіе въ городѣ Оренбургѣ тайнаго злоумышленнаго общества.

По суду открылось:

Изъ подсудимыхъ Завалишинъ, по высочайшей вашего величества волѣ, объявленной его императорскому высочеству генералъ фельдцейхмейстеру въ августѣ мѣсяцѣ 1826 года начальникомъ главнаго штаба вашего величества, за сдѣланный имъ проступокъ [1]), былъ разжалованъ изъ юнкеровъ артилле-

---

[1]) Въ чемъ сей проступокъ состоялъ, по дѣлу не видно.

рійскаго училища въ рядовые и опредѣленъ въ Оренбургскій артиллерійскій гарнизонъ съ тѣмъ, чтобы, по прибытіи Завалишина туда, имѣть за нимъ строгій присмотръ и доносить начальству о поведеніи его по истеченіи каждой недѣли. По доставленіи Завалишина въ Оренбургъ 10 декабря того 1826 года, бдительность надзора, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго донесенія генерала-отъ-инфантеріи Эссена, не надолго удержала Завалишина отъ злыхъ дѣйствій; ибо онъ въ томъ же декабрѣ мѣсяцѣ нанесъ удары рукою и полосою тесака гантлангеру Арисову, за что, по предписанію его императорскаго высочества, съ 8-го числа марта сего года содержался онъ, Завалишинъ, на гауптвахтѣ подъ карауломъ одинъ мѣсяцъ, въ томъ числѣ послѣднюю недѣлю на хлѣбѣ и водѣ.

Во время содержанія Завалишина на гауптвахтѣ, бывшіе въ караулѣ рядовые Оренбургскаго гарнизоннаго полка Мяхковъ, Коровинъ и Первушинъ слышали, [1]) что Завалишинъ между разговорами на вопросъ: по какому случаю и откуда присланъ онъ въ Оренбургъ? отвѣчалъ, что изъ Санктпетербурга доставленъ по извѣстному бунту и что за сіе разослано подобныхъ ему довольное количество, что это для нихъ ничего не значитъ, ибо, можетъ быть, разослана сотая часть, а девятьсотъ послѣ ихъ осталось, и что ими засѣяно, то и выростетъ, хотя бы и дождя не было.

Означенные рядовые утвердили о семъ при слѣдствіи. Сверхъ того изъ числа бывшихъ съ ними 6-го апрѣля въ караулѣ на гауптвахтѣ нижнихъ чиновъ 8 человѣкъ показали, что слышали они, какъ говорилъ Завалишинъ сіи слова: «что посѣяно, то и выростетъ», но къ чему сіи слова относились, отозвались они несвѣдущими.

---

[1]) Изъ нихъ Мяхковъ поступилъ въ Оренбургскій полкъ изъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

А 7-го числа того апрѣля, по возвращеніи Завалишина изъ гауптвахты въ роту, онъ снова сталъ дѣлать своевольства и грубости, за что командующій Оренбургскимъ артиллерійскимъ гарнизономъ майоръ Кочетковъ опять приказалъ посадить Завалишина подъ караулъ на пушечномъ дворѣ. Завалишинъ, видя, что средства ко всему дурному у него отнимаются и что дѣло сіе никакъ не можетъ оставаться въ тайнѣ, ибо надзоръ за нимъ усилился, извѣстилъ майора Кочеткова, что имѣетъ онъ объявить командиру Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса важный государственный секретъ; потомъ, бывъ имъ призванъ, подалъ ему три доноса:

Первый—апрѣля 15 дня сего 1827 года: что онъ, Завалишинъ, сообразно съ волею вашего императорскаго величества о дальнѣйшемъ разысканіи тайныхъ обществъ, будучи на гауптвахтѣ открылъ по разговорамъ офицеровъ, приходившихъ туда для отправленія должности, умыслы, клонящіеся къ разрушенію порядка и общественнаго счастья, и, желая по мѣрѣ силъ его, Завалишина, быть полезнымъ отечеству и царствующему дому, скрывалъ онъ приверженность свою къ престолу, старался подъ личиною ненависти и честолюбія вывѣдать ихъ намѣренія. Многихъ изъ нихъ увѣрялъ, что принадлежитъ онъ къ сильному тайному обществу, коего будто бы находился онъ агентомъ, и, вкрадываясь мало по малу въ ихъ довѣренность, узналъ что недовольные намѣреваютъ составить общество или присоединиться къ оному, и хотя многіе по должностямъ, ими занимаемымъ, кажутся неопасными, но обстоятельства, примѣненныя къ духу времени, могутъ сдѣлать ихъ въ Оренбургѣ гораздо опаснѣе людей, составлявшихъ сперва тайныя общества; потому, 1-е ежегодно чинятся многочисленные побѣги въ Оренбургскомъ гарнизонномъ полку, ибо частое хожденіе въ караулы, безпрерывныя ученья поротно и побаталіонно, недо-

статокъ въ пищѣ, дурной воздухъ въ гауптвахтахъ, жестокія тѣлесныя наказанія, часто безвинно ими претерпѣваемыя, исполнили мѣру терпѣнія солдатъ, изъ нихъ большая часть ожидаютъ минуты возмущенія; 2-е, Оренбургское казачье войско, потерявшее многія выгоды, прежде имъ дарованныя, видя себя утѣсняемымъ и принужденнымъ оставлять мѣста родины для переселенія въ дикія и безлюдныя пустыни, волнуемо опаснымъ духомъ неудовольствія; переселеніе красноуфимскихъ казаковъ съ мѣста бывшаго ихъ родиною и опасный примѣръ возмущенія Уральскаго казачьяго войска, служатъ къ воспламененію духа мщенія и безначалія, скрываемаго до удобнаго времени; и если бы Оренбургскій гарнизонный полкъ поднялъ знамя бунта въ городѣ, то и линейные баталіоны, почти всюду утѣсняемые, войско Уральское и оренбургскіе казаки присоединились бы къ нимъ, для участія въ общемъ мщеніи; 3-е, число недовольныхъ велико и среди гражданскихъ чиновниковъ: притѣсненія, чинимыя пограничною комиссіею, родъ подати налагаемой на ищущихъ мѣстъ въ судахъ,—суть важный источникъ неудовольствій, почему число безпокойныхъ увеличилось бы и слѣдствія сего были бъ несомнительны. 4-е, предполагая, что злоумышленники успѣли бы овладѣть крѣпостью и, опасаясь осады, двинулись бы въ сердце Россіи для присоединенія къ себѣ недовольныхъ,—тогда крѣпость, какъ пограничное мѣсто, осталась бы безъ защиты и весь тамошній край подвергся бы разоренію, не только отъ сосѣдственныхъ народовъ, вблизи его кочующихъ, но отъ дикихъ племенъ калмыковъ и башкирцевъ, которые до времени считаются въ подданствѣ Россіи; 5-е, когда толпы крестьянъ, требующихъ безразсудно свободы, проникнули въ Оренбургъ, каковы же были бы слѣдствія бунта, если бъ, даровавъ свободу, злоумышленники двинулись въ сердце Россіи;

6-е, утѣсненіе нѣкоторыхъ крестьянъ помѣщичьихъ; и 7-е, несчастное положеніе государственныхъ, духъ времени, а особливо духъ народный. Какому бы безначалію подвергли Россію; ибо въ оной народное возмущеніе въ людяхъ, исполненныхъ варварства, фанатизма и закоренѣлости, было бы ознаменовано лютостями, превышающими все видимое въ революціяхъ, доселѣ потрясавшихъ міръ сей. Онъ, Завалишинъ, почитая счастьемъ до послѣдней минуты жизни своей служить вашему императорскому величеству и отечеству, предлагалъ корпусному командиру генералу Эссену удобныя средства, для узнанія совершенно тѣхъ людей безпокойнаго ума и предполагаемой цѣли, чтобы имѣть ему, Завалишину, полную свободу, силы и средства; снабдить его на счетъ казенный деньгами для разысканія посредствомъ оныхъ того, что сдѣлается убѣжденіемъ или разговорами, наблюдать вмѣстѣ съ нимъ ходъ происшествій и уполномочить нѣкоторыхъ чиновниковъ такъ, чтобы они могли, видѣвъ, не видать и, слышавъ, не слышать и послѣ служить какъ бы свидѣтелями, при дальнѣйшихъ дѣлаемыхъ имъ, Завалишинымъ, розыскахъ; и сими средствами надѣясь онъ, Завалишинъ, въ три недѣли открыть, узнать и соединить всѣхъ ихъ, довести до желаемаго при свидѣтеляхъ, невидимо имъ, Завалишинымъ, предполагаемыхъ, наконецъ, заключилъ сей доносъ просьбою, чтобы съ донесеніями, имъ представляемыми тогда и во время розыска, равно и съ собственными бумагами командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, былъ онъ отравленъ въ Санктпетербургъ, для личнаго объясненія всего вашему императорскому величеству.

Второй—19-го числа того апрѣля: что по мѣрѣ довѣренности оказываемой ему, Завалишину, нѣкоторыми изъ тѣхъ, коихъ полагалъ членами тайнаго общества, успѣлъ онъ открыть, что между ими составляется Оренбургское тайное общество, и они,

желая сойтись съ нимъ, съ Завалишинымъ, предложили ему дать имъ подписку, или родъ клятвы для вступленія въ ихъ общество, что онъ, Завалишинъ, и исполнилъ по нѣкоторому умышленному сопротивленію.

И третій—того же апрѣля 23: что изъ розысковъ, имъ, Завалишинымъ, дѣлаемыхъ, оказалось, что въ началѣ мая 1826 года бывшій тогда унтеръ-офицеромъ Дмитрій Таптиковъ и портупей прапорщикъ Василій Колесниковъ сообщили первые мысль о заведеніи открытаго имъ, Завалишинымъ, тайнаго общества: поводомъ къ сему была ложно понимаемая любовь къ отечеству и воспламененіе ума происшествіями 14 декабря 1825 года. Цѣлью общества предполагали они измѣненіе монархическаго правленія въ Россіи и, по усиленіи, произведеніе переворота, подобнаго прежнему въ столицѣ; происшествіе жъ 13 числа іюля 1826 года, представившее справедливый конецъ пагубныхъ предпріятій, по словамъ ихъ, воспламенило еще болѣе ихъ жажду мщенія. Главные зачинщики онаго заговора предназначали себя въ главы общества, и потому въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1826 года Дмитрій Таптиковъ и Василій Колесниковъ съ членами, тогда уже къ ихъ обществу приступившими, написали уставъ общества съ присоединеніемъ къ оному инструкціи или главной цѣли; въ то же время избраны были или сами избрали себя, какъ видно въ клятвахъ, другъ другу данныхъ въ началѣ 1826 года, во временные предсѣдатели Дмитрій Таптиковъ и въ секретари Василій Колесниковъ, заведена печать и касса общества, хранимыя у предсѣдателя онаго; но въ началѣ 1827 года общество, руководимое чувствомъ боязни и безсилія, не предпринимало ничего важнаго, кромѣ распространенія вредныхъ мыслей между нижнихъ чиновъ и среди народа; а впослѣдствіи времени приступили къ обществу многіе изъ членовъ, въ спискѣ

и въ клятвахъ общества показанные; и таково начало, успѣхи, ходъ дѣйствія и конецъ онаго общества.

При сихъ доносахъ Завалишинъ представилъ:

а) Копію устава Оренбургскаго тайнаго общества, который есть слѣдующаго содержанія: «Именемъ всемогущаго Бога! Оренбургское тайное общество составлено съ цѣлью политическою. Цѣль его есть измѣненіе монархическаго правленія въ Россіи и примѣненіе лучшаго рода правленія къ выгодамъ и свойствамъ народа, для составленія истиннаго его благополучія. Общество должно состоять подъ главнымъ вѣдѣніемъ своего предсѣдателя. Онъ управляетъ совершенно и независимо обществомъ, дѣлаетъ нужныя распоряженія, имѣетъ у себя кассу, печать и уставъ общества. Помощникъ предсѣдателя есть секретарь общества. Обязанность его состоитъ въ составленіи всѣхъ тайныхъ бумагъ, сообразныхъ съ цѣлію общества; общество раздѣляется на три разряда: I-е на принимаемыхъ; II-е на испытанныхъ; III-е на подозрѣваемыхъ. Принимаемые суть тѣ, которые, даютъ клятву обществу. Испытанные суть тѣ, которые, не давъ еще клятвы, обѣщаютъ быть членами общества. Подозрѣваемые суть тѣ, которые по образу мыслей и по характеру своему почитаются основательно за будущихъ членовъ общества. При вступленіи въ общество дается клятва, которая хранится у предсѣдателя общества или у особы имъ избранной. Всякій изъ членовъ общества долженъ имѣть слѣпое повиновеніе къ предсѣдателю или особѣ имъ избранной и рѣшаться на все, ему поручаемое, хотя бы то стоило и самой жизни. Печать общества есть: два на крестѣ лежащіе кинжалы съ изображеніемъ года основанія общества, съ вензелемъ онаго и окомъ Провидѣнія, изливающимъ свыше свѣтъ свой; касса же состоитъ изъ добровольныхъ пожертвованій общества.

Предсѣдатель и секретарь общества смѣняются ежегодно и избираются по большинству голосовъ

членовъ. Уставъ сей хранится у предсѣдателя Оренбургскаго тайнаго общества; при уставѣ излагается собственно цѣль общества. Подлинный уставъ подписали: временный предсѣдатель Оренбургскаго тайнаго общества Дмитрій Таптиковъ, секретарь Василій Колесниковъ. Съ подлиннымъ завѣрилъ гантлангеръ Завалишинъ. Г. Оренбургъ, сентября 15 дня 1826 года».

б) Инструкцію, въ коей объяснено: «Именемъ всемогущаго Бога! 1826 года сентября, 15 дня временный предсѣдатель Оренбургскаго тайнаго общества, совокупно съ членами онаго согласились и постановили, что Оренбургское тайное общество составлено для произведенія политическаго переворота въ краю семъ, а для совершенія сего предпріятія предполагаются слѣдующія средства: 1-е чрезъ членовъ Оренбургскаго тайнаго общества внушать рядовымъ тамошняго гарнизоннаго полка, казакамъ войска Оренбургскаго, равно и простому народу тѣ мысли о свободѣ и равенствѣ, которыя неизбѣжно влекутъ за собою волненіе умовъ и приготовленіе ихъ къ перемѣнѣ правленія; 2-е, выдавать изъ кассы общества деньги тѣмъ нижнимъ чинамъ, для привязанія ихъ къ пользѣ онаго, которые почтутся имѣющими больше вліянія на своихъ сотоварищей; 3-е, стараться ласковымъ и кроткимъ обращеніемъ съ низшими, снискать ихъ привязанность, для употребленія ея со временемъ въ свою пользу; 4-е, внушать имъ чувства ненависти къ правленію и царствующему поколѣнію, говорить о томъ и другомъ съ презрѣніемъ и давать изрѣдка чувствовать, что перемѣна и улучшеніе ихъ состоянія уже недалеки; въ случаѣ жъ произведенія политическаго переворота принять слѣдующія мѣры: лишить свободы военнаго губернатора и чиновниковъ ему преданныхъ, равно и тѣхъ людей, которые могутъ имѣть вліяніе, противное для пользы общества, на народъ или войска. Поднять знамя бунта въ городѣ. Объявить въ изданной

прокламаціи: 1-е, Россію свободною; 2-е, уменьшеніе годовъ службы нижнимъ чинамъ и удвоеніе ихъ жалованья; 3-е освобожденіе крестьянъ помѣщичьихъ; 4-е, прощеніе налоговъ и недоимокъ государственныхъ; и 5-е, избавленіе нижнихъ чиновъ отъ тѣлеснаго наказанія.—Затѣмъ тронуться съ войсками, уже набранными, къ Казанской губерніи и поднимать всѣ лежащія на пути селенія. Избрать изъ среды себя достойнаго и храбраго предводителя войскамъ. При началѣ жъ возмущенія отправить на Оренбургскую пограничную линію достойныхъ повѣренныхъ, равно и въ Уральское казачье войско для присоединенія ихъ къ обществу». — Подлинная инструкція подписана тѣми же лицами, которые и вышеписанный уставъ подписали, а именно: предсѣдателемъ общества Таптиковымъ, секретаремъ Колесниковымъ, а съ подлинною завѣрилъ гантлангеръ Завалишинъ, о чемъ значится изъ представленной отъ него копіи, но подлинныхъ устава и инструкціи не отыскано.

В) Подлинныя подписки: 1-ю 1826 года мая 6-го отъ портупей-прапорщика Колесникова; 2-ю мая 7-го отъ прапорщика Дмитрія Таптикова; 3-ю мая 20-го отъ унтеръ-офицера Андрея Шестакова; 4-ю іюля 2-го отъ прапорщика Ивана Старкова; 5-ю 1827 года марта 18-го отъ Василія Вѣтошникова 2-го; 6-ю апрѣля 18-го отъ Ипполита Завалишина, и 7-ю апрѣля 29-го отъ прапорщика Хрисанфа Дружинина, данныя въ такой силѣ, что всѣ они, именемъ всемогущаго Бога принимая званіе члена Оренбургскаго тайнаго общества, поклялись не открывать никому существованіе онаго, повиноваться власти, свыше надъ ними поставленной, быть готовыми на все, обществомъ и властью имъ повелѣваемое, хотя бы то клонилось къ разрушенію собственнаго ихъ счастія; если же не исполнятъ хотя одного изъ условій, имъ предлагаемыхъ, то да лишатся спокойствія, счастья всѣхъ милыхъ сердцу, и да разразится громъ

небесный надъ головою клятвопреступника. Таковыя подписки подписали: Колесниковъ, Таптиковъ, Шестаковъ, Старковъ, Вѣтошниковъ 2-й, Завалишинъ и Дружининъ, и приложена на нихъ печать тайнаго общества.

Г) Расписку 1827 года апрѣля 23-го за подписомъ предсѣдателя тайнаго общества Таптикова и секретаря Колесникова, гантлангеру Завалишину данную въ томъ, что у Таптикова хранится уставъ, печать и касса общества.

Д) Списокъ о лицахъ тайнаго общества, по коему написаны: временный предсѣдатель Дмитрій Таптиковъ, секретарь общества Василій Колесниковъ.— Испытатели общества: Иванъ Старковъ, Василій Вѣтошниковъ 2-й и коллежскій регистраторъ Степанъ Дыньковъ. Принимаемые: Хрисанфъ Дружининъ и Андрей Шестаковъ, и агентомъ Ипполитъ Завалишинъ; сверхъ ихъ по тому же списку написано разныхъ лицъ: принимаемыхъ обществомъ 11, испытанныхъ 9 и подозрѣваемыхъ 5-ть, всего 25 человѣкъ. Списокъ подписали: предсѣдатель Таптиковъ, секретарь Колесниковъ, и приложена печать тайнаго общества [1]).

Состоящій при командирѣ Оренбургскаго отдѣль-

---

[1]) Въ означенномъ спискѣ 25 человѣкъ были написаны слѣдующіе: принимаемые:—Оренбургскаго гарнизоннаго полка капитанъ Алексѣевъ, штабсъ-капитаны: Шимановскій и Котовъ, подпоручикъ Михайловъ 1-й и прапорщикъ Соколовъ, конно-казачьей артиллерійской роты поручикъ Сергевнинъ и прапорщикъ Филиповичъ, Железинскаго гарнизоннаго баталіона прапорщикъ Дементовичъ, аудиторъ Кизильскаго гарнизоннаго баталіона Кудряшевъ, хорунжій Оренбургскаго казачьяго полка Дмитрій Вѣтошниковъ 1-й и коллежскій регистраторъ Соколовъ. Испытанные:—подпоручикъ Оренбургской пограничной комиссіи Родіоновъ, хорунжіе Оренбургскаго казачьяго полка Бабылевъ и Сычуговъ, служащіе въ гражданской канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора: коллежскій регистраторъ Ахмаметьевъ и Бубновы 1-й и 2-й, губернскіе регистраторы Ивановъ, Максимовъ и Половоротовъ. Подозрѣваемые:—32-го егерскаго полка майоръ Юрьевъ, Арзамасскаго конно-егерскаго полка штабсъ-капитанъ Наумовъ, Оренбургскаго гарнизоннаго полка подпоручикъ Крутиковъ; отставной прапорщикъ Корелинъ и повытчикъ Оренбургской градской полиціи Ильинъ.

наго корпуса генералѣ Эссенѣ по особымъ порученіямъ полковникъ Ціолковскій отъ 23 того апрѣля донесъ ему, генералу Эссену, что титулярный совѣтникъ Вѣтошниковъ заявилъ ему, Ціолковскому, о наклоненіи Завалишинымъ меньшого брата его, Вѣтошникова 2-го, къ соучастію въ злоумышленіяхъ его; но Вѣтошниковъ 2-й будто бы отказался отъ онаго и открылъ то своему старшему брату.

А того же числа командиръ 1-й бригады 26 пѣхотной дивизіи, генералъ-майоръ Стеллихъ объявилъ генералу Эссену, по донесенію адъютанта его Халецкаго, что жившій у Халецкаго въ домѣ вмѣстѣ съ Колесниковымъ портупей-прапорщикъ Старковъ (который послѣ произведенъ прапорщикомъ въ Нижегородскій пѣхотный полкъ) сдѣлался подозрительнымъ по овладѣвшей имъ печали, какъ бы отъ раскаянія происходящей.—Почему Халецкій наблюдалъ и подслушалъ разговоръ ихъ о тайномъ обществѣ и, увидѣвъ, что Колесниковъ пряталъ и истреблялъ бывшую у него бумагу, отобралъ и представилъ уже перерванные листы оной, на коихъ видно заглавіе устава оренбургскаго тайнаго общества и нѣсколько статей изъ постановленія его. При чемъ представлено и черновое письмо, отъ Колесникова къ его матери написанное, въ которомъ онъ изъяснялъ, что нѣсколько разъ предпринималъ онъ ужасное злодѣйство, но невидимая сила его еще удерживала, а теперь злой рокъ вооружается противъ его, и онъ уже сего не можетъ перенести, и, конечно, ужасное извѣстіе убьетъ мать его, и что онъ при послѣднемъ концѣ жизни своей вспомнитъ имя матери и прекратитъ дни своего страданія. А въ концѣ того письма написалъ неприличныя слова къ высочайшей особѣ вашего императорскаго величества и насчетъ Оренбургскаго корпуса [1]).

[1]) Сіи слова заключаются въ томъ: «прощайте, всѣ милые друзья, и пожалѣйте вашего несчастнаго товарища, который уже не захотѣлъ

За симъ, по распоряженію генерала Эссена, 25 числа апрѣля Завалишинъ и показанныя имъ лица взяты подъ стражу и разсажены порознь.

При слѣдствіи, лично генераломъ Эссеномъ произведенномъ, показали:

Прапорщикъ Таптиковъ,—что объявленныя ему бумаги: клятву, учиненную 7-го мая 1827 года тайному обществу, расписку, апрѣля 23 данную въ томъ, что у него хранится уставъ, печать и касса общества и списокъ съ приложеніемъ печати тайнаго общества о членахъ онаго, признаетъ онъ, Таптиковъ, точно собственною его рукою подписанными; изъ сихъ бумагъ первая поднесена ему отъ Колесникова въ бѣломъ листѣ безъ написанія содержанія, со знаками только двухъ кинжаловъ, крестообразно изображенныхъ, и вписано на томъ листѣ содержаніе самимъ Колесниковымъ, который не читалъ онаго ему, Таптикову, а извѣстно было ему содержаніе и подобной Колесникова, клятвы, которую онъ ему, Таптикову, показывалъ и читалъ. Расписку жъ и списокъ подписалъ, первую по написаніи оной въ настоящемъ ея содержаніи, а послѣдній приготовленный съ приложеніемъ печати; сіи бумаги были поднесены ему отъ Колесникова. Начальное свѣдѣніе объ обществѣ получилъ онъ, Таптиковъ, отъ него же, Колесникова, который 20-го апрѣля въ квартирѣ Дружинина показалъ свою клятву въ видѣ расписки и съ тѣмъ вмѣстѣ склонилъ его, Таптикова, вступить въ тайное оренбургское общество, о цѣли коего узналъ онъ, Таптиковъ, уже 22 числа апрѣля и то поверхностно, ибо онъ, кромѣ подписки, не читалъ ни устава, ни инструкціи и ничего не знаетъ о намѣреніяхъ общества; Завали-

---

болѣе служить, а вышелъ въ чистую отставку генераломъ, и чортъ служи нашему государю, а не я; и всѣмъ вамъ совѣтую удаляться изъ сего препакостнаго корпуса, ибо въ немъ ничего добраго, а все мерзкое».

шина признаетъ онъ, Таптиковъ, главнымъ виновникомъ сего общества потому, что говорилъ ему, Таптикову, что онъ есть агентъ Владимирскаго тайнаго общества, въ коемъ предсѣдательствуетъ тамошній гражданскій губернаторъ, графъ Апраксинъ, и что онъ, Завалишинъ, присланъ въ Оренбургъ для учрежденія комитета; наконецъ, увидя обманъ Завалишина, старались они отобрать всѣ бумаги, но не успѣли; а подписывалъ тѣ бумаги онъ, Таптиковъ, въ нетрезвомъ видѣ и, 25 числа апрѣля, будучи въ Оренбургскомъ гошпиталѣ дежурнымъ, объявлялъ полковому адъютанту Крутикову о состояніи таковаго общества съ тѣмъ, чтобы онъ сіе предъявилъ полковому командиру Лукъянову.

Портупей-прапорщикъ Колесниковъ, — что онъ познакомился съ Завалишинымъ въ квартирѣ артиллерійской гарнизонной роты подпоручика Новикова; послѣ того въ мартѣ мѣсяцѣ, во время содержанія его на гауптвахтѣ, въ бытность его, Колесникова, въ караулѣ, между разговоромъ нѣсколько разъ объявлялъ себя Завалишинъ агентомъ, принадлежащимъ Владимирскому тайному обществу, согласилъ его, Колесникова, завести и въ Оренбургѣ тайное же общество; о чемъ сообщилъ онъ, Колесниковъ, портупей-прапорщику Дружинину, коллежскому регистратору Дынькову и прапорщику Старкову; по выпискѣ Завалишина изъ гауптвахты, увидѣлся онъ, Колесниковъ, съ нимъ 7-го числа апрѣля, и Завалишинъ, повторяя прежній разговоръ о тайномъ обществѣ, совѣтовалъ начать дѣло. Потомъ въ бытность въ квартирѣ Дружинина 19 или 20 числа апрѣля, вмѣстѣ съ Завалишинымъ, Старковымъ, Таптиковымъ, хорунжимъ Вѣтошниковымъ 2-мъ и Дыньковымъ, написалъ онъ, Колесниковъ, на бѣлой бумагѣ, принесенной Завалишинымъ, съ верхними знаками, въ видѣ клятвеннаго обѣщанія, подписки, для всѣхъ бывшихъ тамъ членовъ, изъ чернового, Завалиши-

нымъ принесеннаго, неизвѣстно, чьего сочиненія; сіи подписки они подписали; а 23 того же мѣсяца принесъ Завалишинъ въ квартиру Дружинина уставъ и инструкцію, которые читали онъ, Колесниковъ, и Таптиковъ, потомъ списалъ онъ, Колесниковъ, съ тѣхъ бумагъ копіи, кои Завалишинъ самъ диктовалъ, а чьего сочиненія, неизвѣстно, но замѣтно было только почеркъ его руки; переписанныя бумаги подписали: Таптиковъ, вмѣсто временнаго предсѣдателя, а Колесниковъ, вмѣсто секретаря, въ каковыя званія избрали ихъ прочіе члены тамъ бывшіе; послѣ сего собраній больше не было, и онъ, Колесниковъ, видѣлся съ Завалишинымъ одинъ только разъ; клятвенный листъ имъ, Колесниковымъ, подписанъ 18 числа апрѣля, а поставленъ 1826 годъ, равно мѣсяцъ и число несправедливо, по совѣту Завалишина, такъ какъ и въ прочихъ подпискахъ поставлены прошедшія числа; о причинѣ чего хотѣлъ Завалишинъ послѣ объявить, но не объявилъ до самаго взятія его, Колесникова, подъ арестъ; до 23 же числа апрѣля Завалишинъ торопился къ подпису устава и инструкціи, говоря, что онъ скоро отправится въ Чернорѣчье, для встрѣчи члена, агента Владимирскаго общества, который, якобы, привезъ бумаги, деньги, оружіе и печатные экземпляры, сверхъ имѣющагося у него, Завалишина, манифеста, котораго онъ не показывалъ. Но по выправкѣ оказалось, что онъ въ Чернорѣчье не ѣздилъ, а когда Колесниковъ потребовалъ у него того же дня печати, то Завалишинъ объявилъ, что самъ принесетъ, но сего не исполнилъ; отысканное у него, Колесникова, черновое письмо къ матери его написалъ онъ 25 числа апрѣля отъ отчаянія, когда заговоръ тайнаго общества началъ открываться и, опасаясь по законамъ наказанія, намѣренъ былъ лишить себя жизни; въ каковомъ изступленіи разсудка написалъ и неприличныя слова на счетъ вашего императорскаго величества и Оренбургскаго корпуса.

Портупей-прапорщикъ Дружининъ,—что на Страстной недѣлѣ великаго поста, прійдя къ нему, Колесниковъ объявилъ, что въ Оренбургѣ есть агентъ Владимирскаго тайнаго общества, Завалишинъ, почему приглашалъ его, Дружинина, идти къ нему на гауптвахту; по приходѣ жъ ихъ туда, Завалишинъ вышелъ къ нимъ на галлерею и, по нѣкоторомъ разговорѣ съ Колесниковымъ, обратясь къ нему, Дружинину, сказалъ, что если хочетъ онъ быть въ тайномъ обществѣ, то одумался бы и послѣ сказалъ ему, Завалишину, о своемъ намѣреніи, причемъ Завалишинъ прибавилъ, что или заслужатъ они благодарность отечества, или каторгу; а когда Завалишинъ былъ выпущенъ изъ гауптвахты, то приходилъ къ нему, Дружинину, на квартиру и говорилъ ему, что вся Россія согласна къ бунту, что обществъ тайныхъ существуетъ 12-ть, и что онъ самъ возьмется взбунтовать нижнихъ чиновъ, что онъ ожидаетъ въ Чернорѣчьи агента съ деньгами, кинжалами и ружьями, послѣ сего Колесниковъ принесъ къ нему, Дружинину подписку въ видѣ клятвы, которую подписалъ онъ, Дружининъ, своеручно. Устава и инструкціи онъ, Дружининъ, не читалъ, а знаетъ только, что цѣль общества клонилась къ республикѣ; поставлено жъ время на подпискѣ заднимъ числомъ и мѣсяцемъ прошедшаго года по распоряженію Завалишина, который сказывалъ, что такъ надобно.

Хорунжій Вѣтошниковъ 2-ой, — что 19 числа апрѣля сего 1827 года, придя къ нему Колесниковъ въ домъ по знакомству, позвалъ его, Вѣтошникова, на квартиру къ Дружинину, куда по приходѣ Колесниковъ вызвалъ его, Вѣтошникова, изъ комнаты на дворъ, предлагалъ ему записаться въ Оренбургское тайное общество, для произведенія бунта противу правительства; но онъ, Вѣтошниковъ, тогда на сіе не согласился; вскорѣ жъ пришелъ туда Завалишинъ, который послѣ разговора съ Колесниковымъ также

склонялъ его, Вѣтошникова, на вступленіе въ общество; однако онъ, Вѣтошниковъ, рѣшительно и ему въ томъ отказалъ и съ тѣмъ пошелъ въ домъ свой. Устава и инструкціи общества не читалъ, а слышалъ только, что есть таковые и печать общества; по приходѣ домой въ тотъ самый день объявилъ о семъ старшему брату своему, титулярному совѣтнику Вѣтошникову, съ тѣмъ, чтобы онъ донесъ полковнику Ціолковскому, что имъ было въ точности исполнено; показанное ему, Вѣтошникову, клятвенное обѣщаніе, данное якобы имъ обществу марта 18 дня, онъ, Вѣтошниковъ, не признаетъ дѣйствительнымъ, ибо онъ никогда его не подписывалъ, и кто подъ руку его подписалъ, равно и никого изъ членовъ общества, кто составлялъ таковое, не знаетъ; а были только при немъ, Вѣтошниковѣ, у Дружинина Таптиковъ, Колесниковъ, Дыньковъ, Старковъ и Завалишинъ.

Прапорщикъ Старковъ, — что Колесниковъ, съ коимъ онъ, Старковъ, имѣлъ квартиру въ одномъ домѣ, между разговоромъ началъ склонять его, Старкова, записаться въ члены Оренбургскаго тайнаго общества ниспроверженія государственныхъ законныхъ властей, обѣщая разныя выгоды и преимущества отъ новаго, неизвѣстнаго ему, Старкову, правительства, и когда онъ, Старковъ, далъ согласіе на все, тогда Колесниковъ подалъ ему бѣлую бумагу 22 числа апрѣля сего 1827 года вечеромъ, съ знакомъ на верху двухъ кинжаловъ крестообразныхъ; сію бумагу онъ, Старковъ, подписалъ и отдалъ обратно Колесникову, а онъ уже написалъ на ней клятву въ видѣ подписки, которую показывалъ ему, Старкову, вчернѣ, послѣ подписки бѣлой бумаги; устава и инструкціи тайнаго общества онъ не читалъ и не видѣлъ, а слышалъ только содержаніе оныхъ отъ Колесникова, Дружинина и Таптикова, клонящееся къ разрушенію монархическаго правительства и произведенію бунта. На присяжномъ его листѣ для

чего выставлено 1826 года 2-ое число іюля, ему, Старкову, неизвѣстно.

Унтеръ-офицеръ Шестаковъ,—что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года Дружининъ разсказывалъ ему, Шестакову, о тайномъ какомъ-то обществѣ, которое имѣетъ цѣль сдѣлать бунтъ противу правительства, и склонялъ его, Шестакова, пристать къ оному; но когда онъ на сіе не согласился, то Дружининъ просилъ его, Шестакова, о томъ никому не говорить; потомъ приходилъ къ нему, Шестакову, въ казармы Колесниковъ съ повтореніемъ, дабы имѣлъ въ секретѣ слова, говоренныя ему, Дружининымъ, и требуя въ подкрѣпленіе обѣщанія дать ему, Колесникову, подписку, подалъ тамъ ему, Шестакову, бѣлую бумагу, на которой онъ подписалъ чинъ, имя и фамилію свою, и на которой написано клятвенное обѣщаніе, вовсе ему, Шестакову, неизвѣстное, съ приложеніемъ какой-то печати. Устава и инструкціи онъ не читалъ и больше ни о чемъ, равно и членовъ общества, кромѣ Дружинина, Старкова и Колесникова, не знаетъ.

Гантлангеръ Завалишинъ: — что по пріѣздѣ его въ Оренбургъ, познакомился онъ случайно, первоначально съ Колесниковымъ, а потомъ съ Таптиковымъ, Дружининымъ, Шестаковымъ, Старковымъ и Вѣтошниковымъ на главной гауптвахтѣ во время содержанія его, Завалишина, подъ арестомъ; куда они приходили разновременно въ караулъ, а изъ нихъ Вѣтошниковъ и къ содержавшемуся тамъ старшему брату его; что между знакомствомъ съ ними, занимались они всегда разговорами о постороннихъ вещахъ, а съ Таптиковымъ и Колесниковымъ и о мнѣніяхъ политическихъ для узнанія ихъ образа мыслей; изъ нихъ Колесниковъ сообщилъ ему, Завалишину, что они намѣревались прежде составить тайное общество въ Оренбургѣ, потому желалъ онъ, Завалишинъ, узнать заведено ли оное или еще со-

ставлялось. Таптиковъ, не изъявляя никакого образа мыслей, имѣлъ намѣреніе, по его словамъ, на все рѣшиться; послѣ освобожденія его, Завалишина, изъ гауптвахты 7-го числа апрѣля, видѣлся онъ съ Колесниковымъ того же дня, но разговора никакого не было, а вскорѣ затѣмъ, увидѣвшись съ нимъ у Дружинина, на вопросъ его, Завалишина, о тайномъ обществѣ, Колесниковъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ многихъ людей, на все рѣшившихся; когда же желалъ онъ, Завалишинъ, сблизиться съ тѣми особами, то Колесниковъ объявилъ ему многихъ изъ офицеровъ Оренбургскаго гарнизоннаго полка, по образу мыслей своихъ и по мнѣніямъ политическимъ имъ предполагаемыхъ, при томъ все еще не открывая своего тайнаго общества, называлъ изъ нихъ прапорщиковъ: Соколова и Михайлова, капитана Алексѣева, котораго считалъ онъ не принадлежащимъ еще къ оному обществу; но по образу мыслей и по кроткому обращенію съ рядовыми роты, ему ввѣренной, предполагалъ впредь поступающимъ; штабсъ-капитана Котова, употребляющаго излишне горячіе напитки, что можно привлечъ его симъ способомъ, и нѣкоторыхъ непоименованныхъ имъ, Колесниковымъ, статскихъ чиновниковъ; онъ, Завалишинъ, видя, что черезъ продолженіе извѣдыванія симъ способомъ ихъ тайнаго общества, не успѣетъ онъ въ скоромъ времени открыть что-либо для пользы отечества, перемѣнилъ планъ свой и началъ называть себя агентомъ будто бы знаемаго имъ тайнаго общества, составленнаго въ Россіи, коего открытыя сѣверныя, южныя и славянскія общества были только комитетами, называя себя членомъ подобнаго комитета, составленнаго во Владимирѣ, имѣющаго всѣ средства для открытія въ Оренбургѣ или тайнаго общества, или людей къ сему способныхъ; а видя, что довѣріе по плану его, Завалишина, возрастало болѣе и болѣе, что вышепоказанныя особы, неимѣю-

щія средства къ достиженію предполагаемой ими цѣли, желаютъ знать силы и средства его, Завалишина, и что одинъ онъ малосиленъ исполнить открытіе или общества, или людей вредныхъ, поставилъ долгомъ увѣдомить о томъ правительство и увѣрялъ тѣхъ особъ, что онъ присланъ открыть тамъ составляемое тайное общество и имѣетъ достаточныя средства для исполненія сего предпріятія, тогда Таптиковъ, Колесниковъ и Дружининъ, какъ первые, сообщившіе ему, Завалишину, о своихъ намѣреніяхъ, въ собраніи у Дружинина объявили, что они должны имѣть достаточныя доказательства уполномочія его, Завалишина, а онъ просилъ ихъ дать ему списокъ о тѣхъ людяхъ, которые предполагаются членами общества; сей списокъ былъ ему, Завалишину, тогда жъ доставленъ, и изъ онаго выписка показана командиру Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса; но взята обратно, какъ не имѣющая достаточной полноты.

Вскорѣ послѣ сего онъ, Завалишинъ, требовалъ отъ нихъ полнаго списка о членахъ общества, обѣщая доставить имъ бланки для сей выписки, что было имъ и исполнено, съ приложеніемъ печати ему данной. Тотъ списокъ былъ подписанъ предсѣдателемъ и секретаремъ и тогда же представлена имъ, Завалишинымъ, форма клятвы, полученной первоначально отъ Колесникова, которая, однако, по несвязности мыслей и по слогу своему во всемъ имъ, Завалишинымъ, переправлена и представлена при второмъ донесеніи его 19 числа апрѣля; между тѣмъ, по требованію ихъ далъ онъ, Завалишинъ, для удостовѣренія ихъ клятву, имъ подписанную, желая, чтобы они показали ему подобныя, членами ихъ подписанныя, причемъ Колесниковъ просилъ у него, Завалишина, средствъ для завлеченія тѣхъ, которые, по словамъ его, не могутъ рѣшиться на такое предпріятіе, не будучи поощряемы къ сему присутствіемъ

духа, коимъ одарены тѣ, которые излишне предаются горячимъ напиткамъ; онъ, Завалишинъ, исполнилъ сіе; на вечеринкѣ, бывшей у Дружинина, находились Колесниковъ, Таптиковъ, Вѣтошниковъ 2-й и 3-й и Дыньковъ; и хотя онъ, Завалишинъ, былъ прошенъ не показываться, но онъ, желая самъ видѣть слѣдствіе намѣренія ихъ, приходилъ нѣсколько разъ тайнымъ образомъ въ тотъ домъ и видѣлъ Колесникова, который увѣрялъ его, Завалишина, въ полномъ успѣхѣ плана имъ предполагаемаго; ибо, по словамъ его, призванныя имъ особы были готовы рѣшиться на все, когда въ продолженіе того времени винные пары не выходили еще изъ головы ихъ; на другой день были ему, Завалишину, показаны подписки членовъ и списокъ ихъ общества, при третьемъ донесеніи имъ, Завалишинымъ, приложенные, которыхъ они, недовѣряя еще ему, Завалишину, требовали отъ него, чтобы онъ составилъ имъ уставъ ихъ общества, коего главнѣйшія статьи, написанныя столь же несвязно и противуположно, были ему представлены. Сей уставъ и цѣль ихъ которую онъ, Завалишинъ, въ то же время требовалъ, не зная ни духа народа, ни духа войскъ въ Оренбургѣ находящихся, были присоединены къ изложеннымъ статьямъ, уже имъ, Завалишинымъ, переправленнымъ въ ясности и полнотѣ смысла; вскорѣ послѣ того требовалъ онъ, Завалишинъ, бумагъ, у нихъ находящихся, для составленія, по словамъ его, Завалишина, краткой изъ оныхъ выписки, и замѣтилъ разность въ числахъ и годахъ, на нихъ выставленныхъ, между тѣмъ, какъ всѣ бумаги при донесеніяхъ его представленныя, были имъ, Завалишинымъ, совершенно переправлены уже въ теченіи апрѣля мѣсяца; на замѣчаніе его, Завалишина, Колесниковъ отвѣчалъ, что должно увѣрить будущихъ членовъ общества, что оное усилилось временемъ; предполагая въ семъ одну лишь хитрость, для увѣ-

ренія его, Завалишина, что общество еще недавно составлено, онъ при третьемъ донесеніи объявилъ по подпискамъ, ему даннымъ, что оное общество приняло начало свое въ маѣ мѣсяцѣ 1826 года, и такъ какъ печать еще находилась въ рукахъ его, Завалишина, то онъ скрѣпилъ всѣ бумаги, находившіяся у него, для удостовѣренія впослѣдствіи времени. Сія печать тогда же имъ, Завалишинымъ, была сдѣлана для пріобрѣтенія ихъ большей довѣренности и, при окончаніи переправки устава, отдана временному предсѣдателю Таптикову съ клятвенною просьбою не давать и не показывать ее никому изъ членовъ, и взята отъ него расписка въ полученіи той печати, также устава общества, на коемъ выставлено 15 сентября 1826 года самимъ Таптиковымъ, а имъ, Завалишинымъ, снята съ него копія, и кассы общества, еще предполагаемой, для коей особливыхъ пожертвованій отъ членовъ, какъ отъ людей неимѣющихъ никакого состоянія, быть не могло и не было.

Сверхъ того всѣ, вышеозначенные подсудимые объявили, что членами общества признаютъ они себя; а прочихъ 25 человѣкъ, написанныхъ въ спискѣ, не признаютъ они членами общества, ибо изъ нихъ никто въ собраніяхъ ихъ не былъ [1]).

Предъ военнымъ судомъ всѣ подсудимые, утверждая каждый изъ нихъ порознь вышеписанныя свои показанія, отвѣтствовали:

Таптиковъ:—что начальное возбужденіе и подговоръ къ тайному обществу происходили отъ Завалишина и Колесникова; но съ какою цѣлію, онъ, Таптиковъ, не знаетъ, по бытности его тогда въ

---

[1]) Командиръ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса всѣхъ тѣхъ, въ списокъ безвинно Завалишинымъ внесенныхъ и задержанныхъ, изъ подъ стражи освободилъ, получивъ отъ нихъ подписку, что они никогда и нигдѣ ни къ какимъ тайнымъ обществамъ не принадлежали и принадлежать не будутъ.

хмѣльномъ положеніи; кто же изъ нихъ составилъ черновыя клятвы присяги, уставъ и инструкцію, не видѣлъ, кромѣ переписанныхъ на бѣло Колесниковымъ; а списокъ членамъ общества и другимъ помѣщеннымъ въ ономъ чиновникамъ, не принадлежащимъ къ сему обществу, писалъ Колесниковъ со словъ Завалишина; о состояніи тайнаго общества объявилъ онъ, кромѣ адъютанта Крутикова, и портупей прапорщику Рогову съ тѣмъ, что о таковомъ тайномъ обществѣ обнаруживается уже по отобраннымъ отъ Колесникова бумагамъ.

Колесниковъ: — хотя Завалишинъ показываетъ, что начальное возбужденіе и подговоръ къ составленію тайнаго общества будто бы произошли отъ него, Колесникова, но сіе не справедливо; а дѣйствительно, какъ и прежде показалъ онъ, произошло то отъ Завалишина; что всѣ они, подсудимые, желая открыть въ подробности умыселъ Завалишина согласились дѣйствовать по его намѣренію и, наконецъ, обо всемъ донести начальству; но сего исполнить по несчастью не успѣли. Клятву присяги, уставъ и инструкцію писалъ вчернѣ Завалишинъ, а онъ, Колесниковъ, съ оныхъ списавъ копіи, обратилъ ему. Списокъ членамъ писалъ также Завалишинъ, а не онъ, Колесниковъ; печать, поставленная Завалишинымъ, оставалась въ рукахъ его и никогда Таптикову отдаваема не была.

Дружининъ:—что согласіе его быть съ прочими членами тайнаго общества было единственно по предложенію Колесникова, дабы симъ средствомъ обнаружить замыслы Завалишина и донести начальству; Шестакова жъ хотя и склонялъ онъ, Дружининъ, къ тому обществу; но на сіе Шестаковъ ничего ему не отвѣчалъ, и съ какимъ намѣреніемъ послѣ подписалъ Шестаковъ предложенную ему Колесниковымъ бумагу, не знаетъ.

Вѣтошниковъ 2-ой:—что онъ о злоумышленномъ

обществѣ объявилъ брату своему, когда склоняемъ былъ къ оному, не въ тотъ день, а на другой потомъ поутру.

Старковъ:—что послѣ подписки имъ клятвы тайному обществу, то есть: 22 числа апрѣля, чрезъ разспросы Колесникова, къ чему относится сіе общество, и кто оное возбуждаетъ составить, узналъ онъ о настоящей его цѣли и о составленіи бумагъ Завалишинымъ; почему на другой день въ квартирѣ Дружинина согласились они, подсудимые, оставить намѣреніе къ обществу и стараться имѣющіяся бумаги у Завалишина взять; но не успѣли. Потомъ 24 числа объявилъ онъ, Старковъ, обо всемъ бригадному адъютанту Халецкому, который просилъ его, Старкова, отобрать у Колесникова всѣ бумаги, относящіяся до сего предмета или дать случай ему самому сіе учинить; послѣ сего того жъ дня въ вечеру Халецкій, взошедъ нечаянно къ нимъ, засталъ Колесникова съ держащимъ въ рукѣ уставомъ, который хотя Колесниковъ и намѣревался истребить, но не успѣлъ, а оторвана верхняя часть онаго, о чемъ донесъ и начальству.

Шестаковъ:—что онъ никогда и ни въ какое время къ тайному обществу не принадлежалъ и склоненъ къ тому не былъ, но единственно зналъ только объ ономъ; а чтобы хранить о томъ тайну и никому не объявлять, подписалъ чинъ свой и фамилію на бумагѣ, принесенной ему Колесниковымъ, который послѣ внесъ въ оную клятву, содержаніе коей онъ, Шестаковъ, не знаетъ, также и о томъ, кто сочинилъ уставъ и инструкцію, у кого хранилась печать и гдѣ оная находится, ему неизвѣстно.

Завалишинъ:—что подговоръ къ составленію тайнаго общества происходилъ точно не отъ него, но отъ Колесникова, клятва присяги, уставъ и инструкція написаны были Колесниковымъ, а имъ, Завалишинымъ, переправлены, которые, по списаніи съ нихъ Колесниковымъ копій, были уничтожены имъ, Зава-

лишинымъ, безъ всякаго намѣренія потому, что онъ не почиталъ ихъ нужными; печать вырѣзана имъ, Завалишинымъ, на деревѣ безъ свидѣтелей, по освобожденіи уже его изъ гауптвахтнаго караула; а на бланкахъ прикладывалъ онъ ту печать за городомъ, для чего бралъ съ собою все нужное, дабы развесть огонь. Въ послѣднемъ донесеніи его, Завалишина, командиру Оренбургскаго корпуса писалъ онъ, что печать и касса заведены еще въ 1826 году, по словамъ Таптикова; но. послѣ узнавъ, что печати у него нѣтъ, составилъ оную. Сверхъ сего, Завалишинъ не сознаваясь о сказанныхъ во время содержанія его на гауптвахтѣ рядовому Мягкову и другимъ словахъ, показалъ, что находясь онъ арестованнымъ на гауптвахтѣ, говорилъ иногда съ рядовыми, состоявшими въ караулѣ, и даже съ рядовымъ Мягкимъ и его товарищами, о возмущеніи въ бывшемъ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку и о бунтѣ злоумышленниковъ, и на вопросъ ихъ о числѣ преступниковъ, отвѣчалъ имъ, что ихъ было около 100, но не упоминалъ о 900-хъ, ибо онъ, Завалишинъ, не будучи участникомъ бунта, не могъ знать о числѣ злоумышленниковъ, еще оставшихся, хотя оные всѣ уже открыты правительствомъ и приняли достойное наказаніе; что жъ касается до словъ «что засѣено, то и выростетъ, хотя бы и дождя не было», повторены имъ, Завалишинымъ, оныя со словъ Мягкаго спрашивавшаго его, Завалишина, точно ли, какъ слышали они, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ сказалъ предъ смертію сіи слова.

На очныхъ ставкахъ при слѣдствіи и въ военномъ судѣ данныхъ подсудимымъ:

Изъ нихъ Завалишинъ уличалъ Колесникова, что онъ точно говорилъ о намѣреніи своемъ прежде завести тайное общество; что Таптиковъ и Дружининъ, въ квартирѣ послѣдняго, 20 числа апрѣля предлагали ему, Завалишину, о заведеніи того жъ общества. Напротиву того, Колесниковъ, не сознаваясь въ вы-

говорѣ означенныхъ словъ, сказалъ, что Завалишинъ предлагалъ ему заводить тайное общество при выпускѣ его изъ гауптвахты и при свиданіи 7 числа апрѣля, упоминая скорѣе начать намѣреніе; и что онъ, Колесниковъ, прибавилъ къ тому, что уже есть три человѣка членовъ. Таптиковъ и Дружининъ отозвались, что о заведеніи тайнаго общества ни слова съ Завалишинымъ не говорили.

Сверхъ того: 1-е, Завалишинъ утверждалъ, что именной списокъ, составленный Таптиковымъ, Колесниковымъ и Дружининымъ, ему, Завалишину, былъ отданъ; напротиву того, сіи послѣдніе трое отозвались, что они именного списка, устава и клятвы Завалишину не давали, а самъ онъ таковыя приносилъ къ нимъ, что Таптикова при дачѣ списка и прочихъ бумагъ вовсе не было, и что бумаги составлялъ Завалишинъ, а Колесниковъ только переписывалъ. При чемъ Завалишинъ сознался въ поправкѣ нѣкоторыхъ черновыхъ бумагъ, которыя онъ уничтожилъ. 2-ое, Завалишинъ показывалъ, что печать, сдѣланная имъ и у него хранившаяся, также и уставъ, отданный имъ Таптикову съ распискою; а Таптиковъ на противу того объявилъ, что хотя дана имъ расписка во взятіи отъ Завалишина печати и устава, но онъ получилъ только уставъ, а печати не получалъ, потому, что Завалишинъ обѣщался доставить ее, а послѣ того отозвался, что при немъ не имѣется оной; въ то же время не требовалъ онъ, Таптиковъ, отъ Завалишина печати, чтобы не подать на себя подозрѣнія, ибо онъ намѣревался съ прочими членами отобрать отъ него всѣ бумаги для уничтоженія. 3-е, Колесниковъ уличалъ Таптикова, что, дѣйствительно, онъ читалъ нѣкоторыя статьи устава; въ чемъ и Таптиковъ сознался, присовокупляя, что въ показаніи своемъ не объяснилъ онъ сего по запамятованію, при сей очной ставкѣ Колесниковъ дополнилъ, что онъ написалъ три под-

писки: для себя, для Дружинина и Завалишина, которые оныя и подписали; а прочіе члены подписались на бѣлыхъ листахъ въ квартирѣ Дружинина 19-го или 20-го числа апрѣля, и содержаніе оныхъ знали. Согласно съ симъ утвердили Таптиковъ, Старковъ, Дружининъ и Шестаковъ. 4-е, Колесниковъ утверждалъ, что клятвенную подписку подписалъ Вѣтошниковъ 2-й съ прочими членами; напротиву того Вѣтошниковъ отозвался, что подписывалъ ли онъ ту подписку и былъ ли согласенъ на поступленіе въ тайное общество, не помнитъ, по бытности въ тогдашнее время отъ употребленія горячихъ винъ въ подгулкѣ. 5-е, Шестаковъ увердилъ показаніе свое въ полной мѣрѣ безъ прибавленія; а согласно съ нимъ показали Дружининъ и Колесниковъ, поясняя, что они, дѣйствительно, уговаривали Шестакова на поступленіе въ тайное общество, для чего Колесниковъ приносилъ къ нему подписку для подписанія; но въ то время Шестаковъ не подписалъ оной затѣмъ, что онъ быть участникомъ въ обществѣ не хотѣлъ, а Колесниковъ увѣрялъ его, что сей подписки никому не отдастъ, но будетъ хранить у себя, и когда потребуетъ онъ, Шестаковъ, тогда ему ее и возвратитъ, только, чтобъ никому о обществѣ на сказывалъ; почему Шестаковъ на бѣлой бумагѣ и подписался, а онъ, Колесниковъ, послѣ внесъ клятву; о цѣли общества, уставѣ и инструкціи Шестаковъ, дѣйствительно, ничего не зналъ.

Рядовые Мягкій, Коровинъ и Первушинъ, утверждая вышеписанныя, данныя ими о слышанныхъ ими отъ Завалишина словахъ показанія, изъ нихъ Мягковъ на очной ставкѣ съ Завалишинымъ показалъ, что онъ о Муравьевѣ-Апостолѣ Завалишину говорилъ, что онъ былъ командиръ 3-й роты Семеновскаго полка, а болѣе онъ ничего о Муравьевѣ не спрашивалъ [1]).

---

[1]) Надъ бывшимъ въ тайномъ обществѣ коллежскимъ регистраторомъ Дыньковымъ производилось по гражданской части осо-

При изслѣдованіи противупоказаній подсудимыхъ, спрошенные объяснили:

Подпоручикъ Крутиковъ:—что 25 числа апрѣля бывшій въ гошпиталѣ дежурнымъ прапорщикъ Таптиковъ не говорилъ ему о заводимомъ ими тайномъ обществѣ, съ тѣмъ, чтобы о семъ довелъ онъ, Крутиковъ, до свѣдѣнія полкового командира.

Портупей-прапорщикъ Руговъ:—что того 25 числа апрѣля, по бытности его въ корпусномъ гошпиталѣ за болѣзнію, прапорщикъ Таптиковъ ходилъ по коридору съ Крутиковымъ, и когда спросилъ онъ, Роговъ, Таптикова, о чемъ они разговаривали, то на сіе отвѣчалъ Таптиковъ: о своемъ дѣлѣ; но что есть составленное тайное общество и что оное по отобраннымъ у Колесникова бумагамъ открывается, Таптиковъ ему, Рогову, не говорилъ.

Бригадный адъютантъ штабсъ-капитанъ Халецкій подъ присягою:—что 23-го числа апрѣля въ самый обѣдъ, замѣтилъ онъ Старкова въ перемѣнѣ и задумчивости и спрашивалъ его о причинѣ таковой перемѣны; на что Старковъ объявилъ ему, Халецкому, что есть у нихъ дѣло, которое относится къ дому, но не до чести его, Халецкаго; почему онъ,

---

бое дѣло, изъ коего видно, что Дыньковъ при допросѣ показалъ, что когда требовалъ онъ отъ Колесникова возвращенія своей подписки, то Колесниковъ увѣрялъ его, что изъ подписокъ никакого вреднаго употребленія не будетъ,—что оныя, когда отыщутся другіе желающіе заступить въ обществѣ мѣста, будутъ возвращены, и что цѣль общества есть самая благонамѣренная. Колесниковъ предъ военнымъ судомъ въ томъ признался. Сверхъ всего Дыньковъ показалъ, что въ квартирѣ Дружинина Завалишинъ говорилъ, что подъ чужія руки подписываться немудрено, и положивъ ему, Дынькову, четвертинку почтовой бумаги, усиленно прося его подписать подъ руку военнаго губернатора, что имъ, Дыньковымъ, было исполнено. Однако, Завалишинъ, чтобы склонялъ Дынькова къ таковому подпису, не признался. Упомянутое произведенное надъ Дыньковымъ дѣло въ оренбургской уголовной палатѣ рѣшено тѣмъ, чтобы Дынькова лиша чиновъ сослать вѣчно въ каторжную работу. Послѣ чего сіе дѣло отъ генерала Эссена представлено правительствующаго сената въ 6-й департаментъ на разсмотрѣніе.

Халецкій, убѣдительно просилъ его, Старкова, объявить о семъ, но онъ не соглашался для того, что Халецкій доведетъ до свѣдѣнія далѣе; а когда онъ, Халецкій, во увѣреніе тайны поклялся передъ Богомъ, не зная совершенно содержанія оной, тогда Старковъ объявилъ ему, Халецкому, что у нихъ есть тайное общество, въ коемъ и пасынокъ Халецкаго (Колесниковъ) членомъ, объявя при томъ и о прочихъ чиновникахъ. Онъ, Халецкій, просилъ Старкова доставить случай отобрать бумаги; на что Старковъ отвѣчалъ, что изъ бумагъ однѣ хранятся у Завалишина, а другія у Таптикова и, кажется, переданы Колесникову, по сему имѣя онъ, Халецкій, за нимъ замѣчаніе, часу въ третьемъ или 4-мъ по полудни пришелъ къ нему, Колесникову, засталъ у него чиновника Дынькова, которому Колесниковъ читалъ уставъ; при семъ случаѣ онъ, Халецкій, успѣлъ у Колесникова отнять половину перерванныхъ листовъ и представилъ начальству; другую жъ половину устава, при отниманіи Колесниковъ схватилъ въ ротъ и сжевалъ.

По предмету объясненныхъ Завалишинымъ въ первомъ доносѣ его злоупотребленій и притѣсненій рядовымъ Оренбургскаго гарнизоннаго полка, военный судъ спрашивалъ его, Завалишина:—чѣмъ онъ можетъ доказать сей доносъ его. Завалишинъ на сіе объяснялъ, что на всѣ семь пунктовъ, въ донесеніи его означенные, если онъ и знаетъ что-либо о злоупотребленіяхъ во всѣхъ отрасляхъ правленія чинимыхъ, то они по возможности своей и предметамъ различнымъ въ себѣ вмѣщающимъ, по составу лицъ въ оное входящихъ, не подлежатъ разбору военнаго суда. Злоупотребленія сіи, высказанныя во всей ихъ справедливости, должны лишь быть извѣстны вашему императорскому величеству; почему онъ не объявилъ предъ военнымъ судомъ о всѣхъ таковыхъ злоупотребленіяхъ единственно для того, чтобы оныя лично

довести до свѣдѣнія вашего величества, или объяснить во всеподданнѣйшемъ донесеніи, долженствующемъ поступить въ собственныя вашего величества руки.

По сему военный судъ 5 мая сего года опредѣлилъ, что подсудимый Завалишинъ, на предложенный ему вопросъ сдѣлалъ вышеозначенный отзывъ, послѣ уже перваго словеснаго показанія, объявленнаго имъ въ судѣ сими словами: «какъ первое донесеніе его писалъ онъ къ оренбургскому военному губернатору примѣрно, по однимъ наблюденіямъ, въ прошедшее не малое время замѣченнымъ, и по слухамъ отъ разныхъ лицъ, ему, Завалишину, неизвѣстныхъ и забытыхъ; то и не можетъ представить на то никакихъ доказательствъ». И хотя военный судъ видитъ, что Завалишинъ вымышленно всѣ вышеописанныя обстоятельства помѣстилъ въ донесеніи военному губернатору; но какъ есть средство повѣрить нѣкоторые пункты, чрезъ разслѣдованіе, то для сего командировалъ двухъ ассесоровъ и оберъ-аудитора.

Вслѣдствіе чего сіи командированные ассесоры и оберъ-аудиторъ отъ 6 мая сего года донесли военному суду, что Оренбургскаго гарнизоннаго полка наличные нижніе чины объявили: 1-е, что побѣги въ ономъ дѣлаются тѣми только солдатами, которые распутнаго поведенія и нѣсколько уже разъ были штрафованы, но отнюдь не отъ притѣсненія; сихъ людей было въ бѣгахъ: въ 1826 году 17, изъ коихъ поймано и явилось 11, а въ 1827 году 5 человѣкъ. 2-е, въ караулъ они ходятъ по недостатку людей черезъ однѣ, двое и трое сутокъ, но съ соблюденіемъ однакожъ всегда очереди. 3-е, ученья нынѣ совсѣмъ не бываетъ, кромѣ однѣхъ по утру кратковременныхъ репетицій, да и прежде ученіе производилось умѣренное. 4-е, въ пищѣ у нихъ никогда недостатка не было, напротивъ, имѣя они свою немалую харче-

вую сумму, приготовляютъ пищу, какъ хотятъ. 5-е, въ безвинныхъ и по винѣ неумѣренныхъ наказаніяхъ никто жалобы своей не объявилъ, а отозвались всѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ по службѣ, довольными, кромѣ однакожъ частыхъ карауловъ [1]), и при семъ случаѣ ни малѣйшаго неудовольствія въ нихъ, а особливо духу, противнаго порядку службы, не замѣчено.

Командиръ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго донесенія его, таковому извѣту Завалишина о выказанныхъ имъ злоупотребленіяхъ не далъ вѣры, потому что Завалишинъ и при пересылкѣ его въ Оренбургъ на службу обращался въ фальшахъ, какъ увѣдомилъ его, корпуснаго, командира управляющій главнымъ штабомъ вашего императорскаго величества; ибо онъ, Завалишинъ, досталъ непозволительнымъ образомъ открытый листъ и предписаніе, назвался ложно слѣдующимъ въ Москву на службу, бралъ безъ прогоновъ обывательскія подводы, а во Владимирѣ получилъ отъ тамошняго гражданскаго губернатора подорожную и на прогоны 130 рублей денегъ.

По выслушаніи подсудимыми составленной въ военномъ судѣ изъ дѣла сего выписки, всѣ они объяснили, что о непринадлежности ихъ ни къ какимъ тайнымъ обществамъ и невступленіи впредь въ оныя давали они начальству подписки.

Подсудимые:—По формулярнымъ спискамъ:

Таптиковъ 33-хъ лѣтъ, изъ дворянъ, въ службѣ съ 3 января 1812 г., прапорщикомъ произведенъ 15-го сентября того года, по высочайшему повелѣнію уво-

---

[1]) По сему отъ командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса строго подтверждено по корпусу: въ случаѣ недостатка людей на три смѣны, немедленно убавлять изъ прочаго расхода по полку и баталіонамъ, добавляя оными караулъ, а буде и затѣмъ окажется недостатокъ, тогда поставлено въ обязанность комендантомъ дѣлать соразмѣрную убавку въ нарядахъ.

ленъ отъ службы 1816 г., іюля 8-го, потомъ принятъ въ оную въ 1826-мъ году, въ походахъ и сраженіяхъ находился [1]).

Старковъ 23-хъ лѣтъ, изъ дворянъ въ службѣ съ 1821 г., прапорщикомъ произведенъ марта 28-го сего 1827 года.

Колесниковъ 23-хъ лѣтъ, изъ дворянъ, въ службѣ съ 1821 г., портупей прапорщикомъ съ 1822 года.

Дружининъ 19-ти лѣтъ, изъ дворянъ, въ службѣ съ 1823 г., портупей прапорщикомъ съ 12 апрѣля сего года.

Шестаковъ 19-ти лѣтъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, въ службѣ унтеръ-офицеромъ съ 1825 года.

Хорунжій Вѣтошниковъ 22-хъ лѣтъ, изъ дворянъ, въ службѣ съ 1821 г., въ настоящемъ чинѣ съ 1824 года.

Всѣ они въ штрафахъ не бывали и къ повышенію чинами аттестовались.

Гантлангеръ Завалишинъ 18-ти лѣтъ, изъ дворянъ, въ службѣ съ 1823 года, по высочайшему повелѣнію разжалованъ за проступки его изъ юнкеровъ въ рядовые 15 августа 1826 года, съ опредѣленіемъ въ Оренбургскій артиллерійскій гарнизонъ.

Сентенція. Военный судъ находитъ: 1-е, хотя подсудимый Завалишинъ и отрицается, что не по его намѣренію принято завести въ Оренбургѣ тайное общество, для нарушенія порядка и общественнаго счастья, и что, вступивъ онъ въ сіе общество, назвалъ только себя агентомъ, дабы впослѣдствіи времени донести о томъ начальству, что и исполнилъ; но, какъ всѣ подсудимые, кромѣ Шестакова, при-

---

[1]) Прапорщикъ Таптиковъ по отвѣту въ военномъ судѣ показалъ, что въ 1816 году за дурное поведеніе отставленъ онъ отъ службы изъ Виленскаго гарнизоннаго баталіона, что въ 1823 году поступилъ онъ добровольно на службу рядовымъ въ Оренбургскій гарнизонный полкъ, произведенъ 1822 года февраля 14 унтеръ-офицеромъ, а 7-го октября прапорщикомъ.

знаютъ Завалишина главнымъ виновникомъ сего общества, ибо онъ начально склонилъ къ тому Колесникова и Дружинина, называлъ себя агентомъ Владимирскаго тайнаго общества, въ которомъ предсѣдательствуетъ тамошній гражданскій губернаторъ графъ Апраксинъ; увѣрялъ ихъ и прочихъ, что присланъ въ Оренбургъ для учрежденія комитета, что вся Россія согласна къ бунту, что обществъ тайныхъ существуетъ 12-ть, и самъ онъ возьмется взбунтовать къ тому нижнихъ чиновъ, обманывалъ ихъ, что ожидаетъ въ Черноръчьѣ агента съ деньгами, кинжалами и ружьями; да и прежде сего, содержась на гаупвахтѣ подъ карауломъ, распускалъ между солдатами неблагонамѣренные слухи, ложно доносилъ командиру Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса о чрезвычайныхъ опасеніяхъ, и что тайное общество составилось въ Оренбургѣ еще въ началѣ 1826 года, и для того съ намѣреніемъ, чтобы дать сему справедливый видъ написалъ на бумагахъ разные мѣсяцы и числа 1826-го и 1827 годовъ, утверждалъ, что и печать хранится у предсѣдателя Таптикова, но послѣ изобличенъ и признался, что самъ оную сдѣлалъ, приложилъ къ бланкамъ, и наконецъ успѣлъ отъ прочихъ извлечь клятву присяги, не возвратилъ имъ подписокъ, несмотря, что нѣкоторые требовали отъ него оныхъ; хотя же онъ показалъ, что форму клятвы, уставъ и инструкцію писалъ вчернѣ Колесниковъ, а онъ, Завалишинъ, ихъ исправилъ; но если бы дѣйствительно такъ было, то не сталъ бы онъ исправлялъ ихъ, а оставилъ бы ихъ у себя документомъ на улику виновныхъ; почему Завалишинъ есть единственный виновникъ завлеченія въ тайное общество людей слабоумныхъ и неопытныхъ, и, когда увидѣлъ, что сіе не можетъ остаться въ тайнѣ, ибо за нимъ самимъ надзоръ усилился, то и придумалъ дать начатому имъ злоумышленію такой оборотъ, будто бы случайно проникъ онъ въ

тайну и открылъ оную, — тогда какъ совершенно извѣстно, что до сего времени и тѣнь понятія туда о подобныхъ злоумышленіяхъ не досягала, и никто изъ жителей ни малѣйшихъ опасеній не имѣлъ, чтобы оное могло найти тамъ мѣсто, ибо въ Оренбургскомъ краю благонамѣренность людей и безпредѣльная преданность къ высочайшему престолу непоколебимы. И хотя нѣтъ Завалишина собственнаго признанія въ подачѣ имъ злой мысли на составленіе тайнаго общества, однакоже довольно и того, когда открыто явно зло, имъ многимъ причиненное, и когда доказательства одни чрезъ другихъ уличаютъ его; по сему вѣроятность показаній его остается безъ уваженія, по точнымъ словамъ указа 1775 года апрѣля 28 дня. — 2-е, Колесниковъ, отдавшій себя въ обманъ Завалишину на вступленіе въ тайное общество съ злымъ намѣреніемъ, хотя также оправдывается, что онъ съ товарищами, желая открыть въ подробности умыселъ Завалишина, согласился дѣйствовать по его намѣренію и, наконецъ, обо всемъ томъ донести начальству; но сіе опровергается собственными, Колесникова, словами и дѣломъ; ибо онъ при требованіи обратно клятвы коллежскимъ регистраторомъ Дыньковымъ, увѣрялъ его, что въ ней ничего важнаго не заключается, и что цѣль общества есть самая благонамѣренная, подложно и безъ согласія написалъ клятву отъ Шестакова и при томъ уговаривалъ его никому о обществѣ не объявлять, и, словомъ, вездѣ дѣйствовалъ по намѣренію Завалишина, а при обнаруженіи Колесникова въ семъ поступкѣ вотчимомъ его штабсъ-капитаномъ Халецкимъ, не давалъ ему устава и усильно удержалъ у себя оторванныя части, положилъ въ ротъ и съѣлъ; наконецъ, чувствуя всю важность преступленія своего, намѣревался лишить себя жизни, и при семъ еще случаѣ осмѣлился неприличныя выраженія помѣстить въ письмѣ къ матери своей на счетъ высочайшей особы вашего император-

скаго величества и Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса; слѣдовательно, по сему и въ мысляхъ не имѣлъ Колесниковъ ни раскаянія, ни намѣренія преждевременно обнаружить преступниковъ заговора.—3-е, Таптиковъ, Старковъ и Дружининъ всѣ одинаково виновны въ дачѣ обществу клятвъ и въ намѣреніи, клонящемся къ разрушенію порядка и общаго спокойствія; и хотя изъ нихъ Старковъ и оправдывается объявленіемъ о обществѣ своемъ штабсъ-капитану Халецкому; но сіе объявленіе, какъ видно изъ показанія сего послѣдняго, было вынужденное, со взятіемъ отъ него клятвы, чтобы и Халецкій никому о томъ не объявлялъ. И—4-е, Шестаковъ виноватъ только въ томъ, что, знавъ о обществѣ, склонился на просьбу Колесникова хранить объ ономъ тайну; но и сіе учинилъ онъ, Шестаковъ, по невѣдѣнію о настоящей его цѣли и по юности лѣтъ своихъ. А Вѣтошниковъ 2-й, хотя и измѣнилъ вскорѣ согласіе свое на отступленіе отъ общества и донесъ о томъ старшему брату своему, оправдывая себя тѣмъ, что учинилъ сіе въ хмѣльномъ положеніи, но, какъ подобнаго рода дѣла пьянствомъ не извиняются, то и остается онъ виновнымъ въ нарушеніи клятвы, какъ государственный преступникъ. По симъ обстоятельствамъ военный судъ приговорилъ: 1-е, подсудимыхъ Завалишина, Колесникова, Дружинина, Таптикова и Старкова, по силѣ воинскихъ 19-го, 20-го, 43, 129, 133, 135, 136, 137 и 201-го артикуловъ уложенія 2-й главы 18-го и 19-го пунктовъ, указовъ 1682-го декабря 31, 1718-го января 19-го, 1724-го января 22-го, жалованной дворянству грамоты 6-й статьи и высочайшаго рескрипта 1822-го года августа 21-го, четвертовать; Вѣтошникова 2-го и Шестакова, по силѣ тѣхъ же законовъ и воинскаго 28 артикула, казнить смертію, повѣсить. 2-е, оговариваемыхъ подсудимымъ Таптиковымъ подпоручика Крутикова и портупей-прапорщика Рогова, что они

были извѣстны отъ него о тайномъ обществѣ, но не объявили, какъ на обличеніе ихъ въ томъ не открылось по дѣлу никакихъ доказательствъ, оставить безъ всякаго взысканія. И 3-е, о караульномъ офицерѣ и унтеръ-офицерахъ, стоявшихъ 6-го числа апрѣля въ главной гауптвахтѣ въ караулѣ, что они въ противность приказа начальника главнаго штаба вашего императорскаго величества 1823-го года іюля 1-го, допустили разговаривать солдатъ съ арестантомъ Завалишинымъ и сему распускать между караульными рядовыми неблагонамѣренныя слова, предаетъ на благоразсмотрѣніе начальства.

Судъ сей комиссіею, учрежденной въ Оренбургѣ, производствомъ начатъ 4-го, а конченъ 14-го мая сего года [1]). За презуса по сему дѣлу былъ начальникъ 26-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Жемчужниковъ 1-й, подсудимые съ 25-го апрѣля сего года содержатся на гауптвахтѣ въ Оренбургѣ.

Мнѣніе. Командиръ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи Эссенъ признаетъ, что подсудимые по важности преступленій своихъ, съ одной стороны, не заслуживаютъ никакого снисхожденія, а особенно Завалишинъ и Тайтиковъ, изъ коихъ первый, бывъ разжалованъ за проступки въ рядовые, не токмо не возчувствовалъ мѣры наказанія, но даже при пересылкѣ его въ Оренбургъ на службу, обращался въ непорядкѣ, какъ выше сказано, а по прибытіи въ Оренбургъ, въ короткое время началъ оказывать грубости и дерзости, за что при всегдашнемъ строгомъ за нимъ надзорѣ, содержась подъ стражею, вмѣсто раскаянія, употребилъ себя на злоумышленіе; а второй былъ отставленъ отъ службы за дурное поведеніе, вступилъ паки рядовымъ, но воспользуясь полученіемъ прежняго прапорщичьяго чина по всемилостивѣйшему 22-го августа 1826 года

---

[1]) Дѣло сіе поступило въ аудиторіатскій департаментъ на ревизію 7-го числа іюля сего 1827-го года.

манифесту, и обратясь по прежнему къ пьянству, какъ и самъ по дѣлу сознался, впалъ въ важнѣйшее преступленіе; но съ другой стороны пріемля во уваженіе прочихъ молодыя и неопытныя лѣта, прежнюю усердную службу, и то, что они, дѣйствительно, вовлечены въ теперешнее преступленіе обманомъ, развращеннаго въ нравственности Завалишина,—оный генералъ-отъ-инфантеріи мнѣніемъ полагаетъ: Завалишина, какъ главнаго виновника, а по немъ Колесникова и Дружинина, лиша дворянства и воинскаго званія, сослать въ Сибирь, перваго вѣчно въ каторжную работу, второго на двѣнадцать лѣтъ, а третьяго на шесть лѣтъ; Таптикова, Вѣтошникова 2-го и Старкова, лиша чиновъ, разжаловать въ рядовые, первыхъ двухъ безъ выслуги, а послѣдняго до выслуги съ опредѣленіемъ на службу въ кавказскій корпусъ; Шестакова же разжаловать въ рядовые на три года, и когда онъ усердною службою въ сіе время загладитъ свой проступокъ, тогда возвратить ему прежній чинъ. Караульнаго офицера штабсъ-капитана Шимановскаго за изъясненный выше поступокъ, во уваженіе добропорядочной прежней его службы, бытности въ походахъ и у дѣла противу непріятеля, гдѣ онъ за отличіе получилъ первой офицерскій чинъ, и унтеръ-офицера Суханова — произведеннаго въ прапорщики въ 18-й день апрѣля сего года въ Алексапольскій пѣхотный полкъ [1]), арестовать, перваго на мѣсяцъ, а послѣдняго на двѣ недѣли съ выдержаніемъ на гауптвахтѣ на хлѣбѣ и водѣ; а унтеръ-офицеровъ не изъ дворянъ, Ишимова,

---

[1]) Точно ли былъ штабсъ-капитанъ Шимановскій караульнымъ офицеромъ на гауптвахтѣ, по производству военнаго суда не видно; притомъ онъ ни о чемъ по сему дѣлу не былъ спрошенъ, и никакого свѣдѣнія о службѣ его въ дѣлѣ не имѣется; а находившіеся на гауптвахтѣ 6 апрѣля сего года въ караулѣ унтеръ-офицеры Сухановъ, Ишимовъ, Егоровъ и Федоровъ, хотя при слѣдствіи были спрашиваны только о бывшемъ у Завалишина съ рядовыми разговорѣ на гауптвахтѣ, но отозвались объ ономъ вовсе несвѣдущими.

Егорова и Федорова, разжаловавъ въ рядовые, наказать палками по сту лозановъ.

Заключеніе. Аудиторіатскій департаментъ изъ дѣла сего находитъ:

1-е. Изъ подсудимыхъ Завалишинъ за проступки его въ августѣ мѣсяцѣ 1826 года по высочайшему повелѣнію, былъ разжалованъ изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища въ рядовые и выписанъ въ Оренбургскій отдѣльный корпусъ съ тѣмъ, чтобы имѣть за нимъ строгій надзоръ и по истеченіи каждой недѣли доносить начальству о поведеніи его; во время слѣдованія Завалишина въ Оренбургъ, онъ досталъ себѣ непозволительнымъ образомъ открытый листъ, назывался ложно отправленнымъ въ Москву на службу, бралъ безъ прогоновъ обывательскія подводы, а во Владимирѣ получилъ отъ тамошняго гражданскаго губернатора подорожную и на прогоны 130 рублей; по прибытіи въ Оренбургъ въ декабрѣ мѣсяцѣ того года, будучи опредѣленъ въ артиллерійскую роту гантлангеромъ, не только не старался загладить своихъ проступковъ усердною службою, но въ короткое время, при строгомъ за нимъ надзорѣ, вновь началъ дѣлать дерзости и своевольства и вымыслилъ составить въ Оренбургѣ тайное общество, принималъ въ оное членовъ и, называя себя, ложно, агентомъ якобы существовавшаго во Владимирѣ тайнаго общества, написалъ уставъ и инструкцію, въ коихъ изложивъ противозаконныя правила, между прочимъ, осмѣлился помѣстить слѣдующія слова «что цѣль составленнаго въ Оренбургѣ тайнаго общества есть измѣненіе монархическаго правленія въ Россіи; что члены того общества обязаны внушать нижнимъ чинамъ и простому народу мысли о свободѣ и равенствѣ и ненависть къ правленію и царствующему поколѣнію, а въ случаѣ произведенія политическаго переворота, поднять знамя бунта и объявить Россію свободною»; потомъ Завалишинъ для сего вымышлен-

наго имъ тайнаго общества вырѣзалъ печать съ изображеніемъ на одной крестообразно двухъ кинжаловъ, а отъ вступившихъ въ сіе общество членовъ принималъ клятву и обязывалъ ихъ подписками: «не объявлять никому о существованіи тайнаго общества, быть готовыми на все имъ повелѣнное, хотя бы то клонилось къ разрушенію собственнаго ихъ счастія»; обольщая при томъ членовъ, что присланъ онъ въ Оренбургъ для учрежденія комитета; что вся Россія согласна къ бунту; что тайныхъ обществъ существуетъ 12-ть; что онъ возьмется взбунтовать нижнихъ чиновъ, и что ожидаетъ агента съ деньгами, кинжалами и ружьями. Между тѣмъ Завалишинъ за причиненные имъ гантлангеру Арисову побои, содержась по предписанію начальства подъ стражею одинъ мѣсяцъ, въ томъ числѣ послѣднюю недѣлю на хлѣбѣ и водѣ, распускалъ между бывшими въ караулѣ солдатами неблагонамѣренные слухи, увѣряя, что изъ Санктпетербурга доставленъ онъ по извѣстному бунту; что за сіе разослано подобныхъ ему довольное число; что это для нихъ ничего не значитъ, ибо можетъ быть разослана сотая часть, а девять сотъ осталось; и что ими засѣяно, то и выростетъ, хотя бы и дождя не было, а по освобожденіи его 7-го числа апрѣля сего 1827 года изъ подъ ареста, онъ, Завалишинъ, началъ дѣлать своевольства и грубости; и когда за то вновь былъ посаженъ подъ арестъ, то, не имѣя уже средствъ къ выполненію своихъ злыхъ замысловъ, открылъ командиру Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, генералу-отъ-инфантеріи Эссену, о существованіи въ Оренбургѣ тайнаго общества и подалъ ему въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ три доноса, въ коихъ, какъ доказано по дѣлу, ложно объясняя, якобы онъ, Завалишинъ, въ сіе общество, учрежденное еще до прибытія его въ Оренбургъ, вступилъ единственно съ намѣреніемъ, узнавъ цѣль онаго, донесть начальству, описывалъ разныя злоупотребленія по Орен-

бургскому корпусу и притѣсненія, будто бы дѣлаемыя нижнимъ чинамъ; сверхъ сего онъ, Завалишинъ, предъ судомъ также несправедливо утверждалъ доносъ свой о существованіи въ Оренбургѣ прежде его тайнаго общества, поелику сего никто изъ бывшихъ въ томъ обществѣ членовъ не подтвердилъ, и всѣ они, кромѣ унтеръ офицера Шестакова, отозвались предъ судомъ, что въ составленіи того общества главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Завалишинъ.

2-е. Портупей прапорщикъ Колесниковъ, присоединяясь, по приглашенію Завалишина, къ означенному тайному обществу, былъ членомъ онаго и, исправляя должность секретаря, занимался перепискою вышеозначенныхъ устава и инструкціи и подписокъ; кромѣ того способствовалъ Завалишину въ принятіи членовъ и самъ пріискивалъ оныхъ; а когда вотчимъ его штабсъ-капитанъ Халецкій, услыша о принадлежности его, Колесникова, къ тайному обществу, имѣлъ за нимъ наблюденіе, дабы достовѣрнѣе узнать о семъ, и, между тѣмъ, усмотря, что Колесниковъ пряталъ и истреблялъ хранившіяся у него бумаги, старался захватить оныя, то Колесниковъ, удержавъ въ рукахъ своихъ уставъ тайнаго общества, оторванныя отъ онаго части, положилъ въ ротъ и съѣлъ; послѣ чего имѣлъ намѣреніе лишить себя жизни и въ написанномъ имъ на имя матери своей письмѣ помѣстилъ дерзкія и неприличныя слова насчетъ высочайшей особы вашего императорскаго величества и Оренбургскаго корпуса.

3-е. Портупей прапорщикъ Дружининъ былъ присоединенъ Завалишинымъ и Колесниковымъ въ число членовъ тайнаго общества, зналъ злоумышленную цѣль онаго и способствовалъ имъ къ принятію одного члена.

4-е. Прапорщикъ Таптиковъ, по отставкѣ его въ 1816 году отъ службы за дурное поведеніе, посту-

пилъ добровольно въ Оренбургскій гарнизонный полкъ рядовымъ, потомъ, на основаніи высочайшаго 22 августа 1826 года указа, бывъ произведенъ въ прежній чинъ прапорщика, не восчувствовалъ сей дарованной ему милости и, обольстясь приглашеніемъ Завалишина и Колесникова, присоединился къ тайному ихъ обществу, въ коемъ былъ предсѣдателемъ, зналъ злоумышленную цѣль онаго и хранилъ у себя уставъ и другія бумаги того общества.

5-е. Прапорщикъ Старковъ и хорунжій Вѣтошниковъ 2-й были также приняты въ число членовъ сего общества и, зная о цѣли онаго, не донесли въ свое время начальству. Хотя же объявили они о существованіи того общества, первый штабсъ-капитану Халецкому, а послѣдній брату своему, титулярному совѣтнику Вѣтошникову, но сіе сдѣлали они тогда уже, когда были поданы Завалишинымъ доносы; притомъ изъ нихъ Старковъ просилъ Халецкаго, какъ сей утвердилъ подъ присягою, чтобы не объявлялъ о томъ никому.

6-е. Унтеръ-офицеръ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Шестаковъ зналъ о существованіи означеннаго тайнаго общества; и хотя не былъ извѣстенъ о цѣли онаго, однако, въ удостовѣреніе, что онъ не объявитъ никому о семъ обществѣ, подписавъ на бѣломъ листѣ чинъ свой и фамилію, отдалъ оный Колесникову, который написалъ на томъ листѣ подписку о вступленіи Шестакова въ сіе общество.

По симъ обстоятельствамъ аудиторіатскій департаментъ полагаетъ: изъ подсудимыхъ Завалишина, какъ главнаго виновника въ злоумышленіи, лишивъ дворянскаго достоинства и воинскаго званія, сослать въ Сибирь въ каторжную работу вѣчно. Колесникова, Дружинина и Таптикова, лишивъ чиновъ и дворянскаго достоинства и исключивъ изъ воинскаго званія, сослать въ Сибирь въ каторжную работу: Колесникова на двѣнадцать лѣтъ, Таптикова на

восемь, а Дружинина на шесть лѣтъ, и по истеченіи назначеннаго срока оставить въ Сибири на поселеніи. Старкова и Вѣтошникова 2-го, лиша чиновъ и дворянскаго достоинства, а Шестакова, лиша права офицерскимъ дѣтямъ присвоеннаго, разжаловать въ рядовые, и всѣхъ троихъ отослать на службу въ Кавказскій корпусъ.

О бывшихъ же въ караулѣ штабсъ-капитанѣ Шимановскомъ, прапорщикѣ Сухановѣ и трехъ унтеръ-офицерахъ, за допущеніе якобы Завалишина на гауптвахтѣ распространять между рядовыми нелестные слухи, какъ о семъ должнымъ порядкомъ не изыскано, и Шимановскій не былъ судомъ спрошенъ, предоставить командиру отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса учинить разсмотрѣніе и, ежели окажутся виновными, оштрафовать ихъ по мѣрѣ вины каждаго. Впрочемъ жребій подсудимыхъ сей департаментъ всеподданнѣйше повергаетъ на высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе. Подписали: генералъ-аудиторъ Миловановъ, 5-го класса Пащенко, совѣтникъ Вишняковъ. Скрѣпилъ: начальникъ отдѣленія Марченко. Августа 5-го дня 1827 года.

Всеподданнѣйшее донесеніе Ипполита Завалишина [1]).

1826 г. августа 28-го приказомъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера разжалованъ я по Высочайшей Государя Императора волѣ [2]) изъ юнкеровъ Ар-

---

[1]) Вѣчная каторга, на которую былъ осужденъ Завалишинъ по Оренбургскому дѣлу, не истребила въ немъ инстинкта доносительства. Еще не дойдя до каторги, онъ изъ Тобольска 3 марта 1827 года шлетъ всеподданнѣйшій доносъ на Оренбургскаго военнаго губернатора генерала Эссена и на членовъ военно-судной комиссіи. Это самое донесеніе мы и воспроизводимъ. Впослѣдствіи, отбывая каторгу, Завалишинъ написалъ рядъ доносовъ: буквально все, къ чему ни прикасался этотъ человѣкъ, все давало ему пищу для доносовъ. *Ред.*

[2]) 1826 г. іюня 22-го имѣлъ я счастіе подавать лично Государю Императору мое первое донесеніе отъ 10-го іюня того же года и по Высочайшей волѣ отправленъ съ Елагина острова къ артиллеріи генералъ-маіору Козену, для содержанія подъ наисекретнѣйшимъ домовымъ карауломъ. Іюня 26-го дня, вслѣдствіе новаго Высочайшаго повелѣнія, сданъ я командиру Охтенскаго порохового завода, артиллеріи генералъ-маіору Кандибѣ 1-му, и въ тотъ же самый день отправилъ чрезъ его посредство, для доставленія Государю Императору, мое второе донесеніе отъ 26-го іюня, въ которомъ находились важнѣйшія свѣдѣнія на счетъ Симбирскаго тайнаго общества. Іюля 29-го, будучи требованъ въ крѣпость, допрашиванъ я у г. крѣпостного коменданта генералъ-адъютантомъ Левашовымъ, и дана мнѣ очная ставка съ старшимъ братомъ моимъ, бывшимъ 8-го флотскаго экипажа лейтенантомъ Завалишинымъ. Впрочемъ, во всѣхъ донесеніяхъ, отъ 15 и 25 іюня, мной сдѣланныхъ, равно какъ и въ отвѣтныхъ пунктахъ и очной ставкѣ, показана мной совершенная истина, которой я не перестану и не переставалъ руководствоваться до конца дней моихъ. Въ тотъ же день вечеромъ возвратясь на Пороховой заводъ, писалъ я снова къ Госу-

тиллерійскаго Училища въ рядовые, съ назначеніемъ въ Оренбургскій артиллерійскій гарнизонъ, а 22-го сентября того же года отправленъ изъ Петропавловской крѣпости въ г. Оренбургъ, куда и прибылъ декабря 12-го.

Будучи помѣщенъ 14-й гарнизонной артиллерійской бригады въ роту № 4 гантлангеромъ, познакомился я въ декабрѣ 1826 г. [1]) въ квартирѣ командира вышеупомянутой роты подпоручика (что нынѣ поручикомъ) Новикова съ портупей-прапорщикомъ Колесниковымъ, Оренбургскаго гарнизоннаго полка, въ самомъ городѣ Оренбургѣ стоящаго.

Знакомство сіе, прерванное обстоятельствами въ январѣ и февралѣ 1827 г., было возобновлено съ новою силою въ мартѣ, по посаженіи моемъ на

дарю Императору. Видя высокія чувства преданности и любви къ отечеству отверженными, жертву доселѣ неслыханную за ничто поставленною, я, въ жару негодованія и различныхъ чувствъ, сильно меня колеблющихъ, требовалъ отъ Государя Императора добровольной ссылки и раздѣленія бремя страданій съ братомъ моимъ. Письмо сіе доставлено было чрезъ генералъ-маіора Кандибу 1-го начальнику главнаго штаба, и 22-го августа, въ самый день коронованія Государя Императора, я былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, а 22-го сентября того же года отправленъ изъ оной, посредствомъ внутренней стражи, въ г. Оренбургъ, для доставленія командиру Оренбургскаго артиллерійскаго гарнизона.

[1]) Декабря 24-го дня 1826 года, будучи одержимъ сильнымъ безпамятствомъ, въ болѣзненномъ жару и припадкѣ, нанесъ я удары полосою тесака 4-й же роты гантлангеру Арисову, у меня въ услуженіи тогда находившемуся. Хотя удары сіи, впрочемъ незначительные и едва замѣтные, и были нанесены въ жару безчувствія, но они почтены за своевольство и дерзость. Декабря 25-го арестованъ я, по повелѣнію артиллерійскихъ гарнизоновъ Оренбургскаго округа артиллеріи генералъ-маіора Богдановскаго, съ посаженіемъ на арсенальную гауптвахту и 1-го января 1827 года освобожденъ съ оной. Въ тотъ же самый день приказомъ генералъ-маіора Богдановскаго отрѣшенъ отъ должности командиръ Оренбургскаго артиллерійскаго гарнизона маіоръ Кочешковъ за грубость противъ начальства и своеволіе впредь до разрѣшенія генералъ-фельдцейхмейстера; командиръ Оренбургскаго арсенала, капитанъ Граховскій заступилъ мѣсто его, и, наконецъ, приказомъ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера отъ 31-го января 1827 года, отданнымъ въ С.-Петербургѣ, арестованъ я на одинъ мѣсяцъ съ посаженіемъ на главную гауптвахту города, что и исполнено марта 7-го того же года.

гауптвахту. Тогда-то портупей-прапорщикъ Колесниковъ въ разговорѣ, горячими напитками возбуждаемомъ, открылъ мнѣ, 1-е, что въ Оренбургѣ уже давно составлено тайное общество; 2-е, что они лишь ожидаютъ удобнаго времени для совершенія предпріятаго. Тогда же узналъ я, что сіе общество было еще составлено въ 1826 году аудиторомъ Кизильскаго гарнизоннаго баталіона Кудряшовымъ [1]), въ г. Оренбургѣ живущимъ, который сочинялъ всѣ бумаги тайнаго общества, имъ основаннаго, называлъ людей, могущихъ, кромѣ прежнихъ членовъ общества, еще присоединиться къ оному, и заключилъ открытіе свое просьбою вступить въ общество, ими составленное. Послѣ нѣкотораго, хитро-упорнаго сопротивленія, согласился я на просьбу его и тогда еще включенъ былъ въ списокъ общества, который приносилъ онъ вмѣстѣ съ онаго же полка портупей-прапорщикомъ Дружининымъ, не въ давнемъ времени имъ принятымъ. Впрочемъ, тогда еще говорилъ онъ, что всѣ бумаги находятся въ рукахъ Кудряшова, намѣревавшагося при первомъ на него падающемъ подозрѣніи сжечь ихъ и тѣмъ уничтожить всѣ иски, могущіе произойти въ городѣ.

Принимая всегда портупей-прапорщика Колесникова съ видимымъ уваженіемъ, я старался раскрыть тайну ихъ, еще не совсѣмъ мной обнятую, слушалъ со вниманіемъ планы его честолюбія, хотя безъ ума и цѣли въ немъ гнѣздившагося, и наконецъ успѣлъ совершенно привлечь его обѣщаніемъ вступить въ ихъ тайное общество.

Будучи освобожденъ изъ подъ караула 6-го апрѣля 1827 г., получилъ на краткое время свободу

---

[1]) Кизильскаго гарнизоннаго баталіона аудиторъ Петръ Кудряшовъ взятъ, вмѣстѣ съ прочими сообщниками его, въ ночи съ 25-го на 26-е апрѣля и, будучи освобожденъ 27-го числа того же мѣсяца, вскорѣ, отъ излишняго употребленія горячихъ напитковъ, скоропостижно умеръ.

дѣйствія, ибо 11-го числа того же мѣсяца [1]) арестованъ я снова маіоромъ Кочешковымъ, впредь до разрѣшенія Оренбургскаго военнаго губернатора, съ посаженіемъ на арсенальную гауптвахту города. Тогда видя, что всѣ мѣры, мною принятыя для сохраненія общественнаго спокойствія, клонятся къ совершенному разрушенію, рѣшилъ обратиться съ моимъ донесеніемъ объ открытіи Оренбургскаго тайнаго общества къ Оренбургскому военному губернатору генералу отъ инфантеріи Эссену 1-му, надѣясь найти въ немъ вельможу здравомыслящаго, который можетъ открыть виновныхъ и привести оное дѣло къ счастливому окончанію.

Первое донесеніе мое Оренбургскому военному губернатору, сдѣланное отъ 14 апрѣля 1827 г., было ему доставлено, за отсутствіемъ генералъ-маіора Богдановскаго [2]), маіоромъ Кочешковымъ, и 15-го того же мѣсяца потребованъ я на секретное съ нимъ совѣщаніе, у него въ домѣ происходившее. При семъ первомъ свиданіи, показавшемъ мнѣ всю ошибку мою, увидѣлъ я лишь одни пышныя обѣщанія наградъ, скрытное желаніе исторгнуть у меня всю истину, еще въ первомъ донесеніи моемъ не совсѣмъ обнаруженную, и тайный страхъ и негодованіе, при прочтеніи семи пунктовъ неустройствъ и злоупотребленій.

---

[1]) Апрѣля 11-го 1827 года, по личной ненависти маіора Кочешкова и подпоручика Новикова, во всемъ ему преданнаго, арестованъ я снова за то, что просилъ перваго о не частомъ нарядѣ моемъ въ караулъ (ибо онъ посылалъ меня черезъ сутки), содержимый Оренбургскимъ артиллерійскимъ гарнизономъ въ арсеналѣ, что почтено имъ за своевольство и грубость.

Примѣчаніе. Вскорѣ послѣ отрѣшенія своего отъ должности маіора, Кочешковъ написалъ тайно на имя Государя доносъ о злоупотребленіяхъ г.-м. Богдановскаго, но, помирившись съ нимъ, снова изорвалъ. Доносъ былъ писанъ старшимъ писаремъ Оренбургской инженерной команды.

[2]) Г.-м. Богдановскій ѣздилъ тогда въ г. Казань, по Высочайшей Государя Императора волѣ, для сужденія командира Казанскаго порохового завода артиллеріи генералъ-маіора Реслеина.

Въ четыре дни времени, протекшіе отъ 14-го до 19-го апрѣля, дня, въ который обратился я со вторымъ донесеніемъ моимъ къ Оренбургскому военному губернатору, употреблены мной въ пользу. Въ нихъ узналъ я имена предсѣдателя, секретаря и нѣкоторыхъ членовъ общества и присоединилъ, при донесеніи своемъ, форму клятвы, мной въ дни сіи имъ данной; форма клятвы сей, доставленной мнѣ Колесниковымъ, была мной переправлена, и черновая отдана Оренбургскому военному губернатору вмѣстѣ съ краткой запиской, содержащей въ себѣ имена нѣкоторыхъ изъ членовъ тайнаго общества, мнѣ Колесниковымъ названныхъ. Хотя тогда же просилъ, какъ бы предвидя будущее, возвратить мнѣ оныя, но онъ удержалъ ихъ подъ предлогомъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія [1]).

Наконецъ апрѣля 23-го обратился я съ послѣднимъ донесеніемъ моимъ Оренбургскому военному губернатору. При семъ представилъ я: 1-е—копіи съ

---

[1]) Въ сіи четыре дня, отъ 19-го до 23-го апрѣля, успѣлъ я узнать слѣдующее: Колесниковъ и Кудряшовъ приняли, кромѣ старыхъ членовъ общества: Оренбургскаго гарнизоннаго полка портупей-прапорщика Старкова, унтеръ-офицера Шестакова, хорунжаго Вѣтошникова и коллежскаго регистратора Дынькова. Въ роспискахъ ихъ числа и годы были ложно и разно выставлены, для того, чтобы обмануть меня временемъ вступленія; ибо я требовалъ видѣть росписки всѣхъ членовъ общества, но Кудряшовъ не отдавалъ ихъ (исключая новыхъ), отлагая сіе до 27-го числа апрѣля. Печать (которая никогда не была мною сдѣлана, какъ то показано ложно въ комиссіи) уничтожена, вмѣстѣ со всѣми бумагами и остальными росписками, аудиторомъ Кудряшовымъ, передъ взятіемъ его подъ стражу, увѣдомленнымъ о мнимой поѣздкѣ моей въ крѣпость Чернорѣченскую коллежскимъ регистраторомъ Дыньковымъ, а потому-то, при взятіи его, не найдено ни бумагъ, ни печати общества. Уставъ не настоящій, а лишь съ онаго копія, сдѣланная Колесниковымъ, была отнята у него (половину оной проглотилъ онъ) вотчимомъ его штабсъ-капитаномъ Халецкимъ въ ночи съ 24-го на 25-е апрѣля и тогда же представлена начальству.

Примѣчаніе. На вопросъ комиссіи, почему не оставилъ я черновыхъ бумагъ клятвы, инструкціи и устава для своего оправданія, хотя я и доказывалъ, что онѣ отданы мною безвозвратно Оренбургскому военному губернатору, но противный отзывъ его и отвѣтъ мой не помѣщены въ дѣлѣ.

устава и инструкціи Оренбургскаго тайнаго общества; 2-е—семь клятвъ, подписанныхъ семью членами общества и Колесниковымъ мнѣ врученныя, вмѣстѣ съ спискомъ членовъ, за подписью предсѣдателя, секретаря и приложеніемъ печати общества; 3-е—росписку, данную предсѣдателемъ общества въ томъ, что у него хранится печать, касса и подлинный уставъ общества, и 4-е—ложную подпись Оренбургскаго военнаго губернатора, штата пограничной комиссіи коллежскимъ регистраторомъ Дыньковымъ сдѣланную.

Оренбургскій военный губернаторъ, вопреки совѣта, мной тогда ему даннаго, о дальнѣйшихъ розыскахъ по дѣлу ему предстоящаго, не внялъ оному. Снѣдаемый жалкимъ честолюбіемъ, онъ мнилъ лишь видѣть награду, ему за сіе даруемую, честь и славу за открытіе новаго тайнаго общества, не постигая числа жертвъ, могущихъ произойти отъ поспѣшности въ дѣлѣ, требующемъ осторожности, безкорыстія и вниманія. Съ сими-то мыслями, проницающими въ самые разговоры его, рѣшился онъ тайно поспѣшить забраніемъ и невинныхъ и виновныхъ, и желающихъ славы и спокойствія Россіи, и злоумышленниковъ, дерзающихъ нарушить ея благоденствіе, и вслѣдствіе мѣръ, имъ принятыхъ въ ночи съ 25-го на 26-е апрѣля 1827 г., забрано подъ стражу 33 человѣка военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и разсажено по гауптвахтамъ, воротамъ и въ тюремномъ замкѣ крѣпости [1]). Съ сихъ самыхъ поръ началось слѣдствіе и комиссія военнаго суда, въ г. Оренбургѣ учрежденная надъ мнимыми злоумышленниками.

1827 г. апрѣля 27-го [2]) при слѣдствіи, Оренбург-

---

[1]) Между тѣмъ какъ въ донесеніи своемъ Государю Императору Оренбургскій военный губернаторъ писалъ, что виновные содержатся всѣ на главной гауптвахтѣ города, оные содержались во все время слѣдствія и комиссіи до 12-го августа 1827 года въ тюремномъ замкѣ и на разныхъ гауптвахтахъ крѣпости.

[2]) Въ тотъ же самый день въ вечеру требованъ я въ дежурство отдѣльнаго корпуса, гдѣ долженъ былъ отвѣчать на показанія рядо-

скимъ военнымъ губернаторомъ лично произведенномъ, явилась натяжность, неумѣніе приступить къ столь важному дѣлу, личность, боязнь неумѣстная, запутанность и противоположность въ показаніяхъ виновныхъ. Показанія сіи были столь несообразны и запутанны, что корпусный оберъ-аудиторъ 6-го класса Терентьевъ совѣтовалъ Оренбургскому военному губернатору передать сіе дѣло забвенію, увѣряя громогласно, что «изъ онаго не выйдетъ никакого прока».

Изъ слѣдствія, Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ произведеннаго, въ два часа допросовъ совершенно противоположныхъ и запутанныхъ, успѣлъ открыть онъ, что будто бы я нахожусь основателемъ онаго общества, нѣкоторые члены въ числѣ семи человѣкъ мною обмануты, а прочіе 25 человѣкъ (изъ коихъ многіе, по словамъ Колесникова, Таптикова и Старкова, были еще приняты аудиторомъ Кудряшовымъ) оказались невинными. Тогда-то, отправивъ съ донесеніемъ своимъ къ Государю Императору адъютанта своего, л.-гв. Измайловскаго полка штабсъ-капитана Лебедева, приказомъ своимъ отъ 29-го апрѣля 1827 г. нарядилъ онъ комиссію военнаго суда надъ мнимыми злоумышленниками, будто бы хотѣвшими поднять знамя бунта, въ крѣпости: надъ гантлангеромъ Завалишинымъ за составленіе Оренбургскаго общества, и надъ прочим и шестью человѣками [2]) за отдачу себя въ обманъ ему.

вого Мягкихъ. По дѣлу комиссіи, видны показанія рядового сего и отвѣтъ мой. Рядовой сей виновенъ даже и въ томъ, что если слышалъ слова, мной 6-го апрѣля произнесенныя, то не донесъ о томъ начальству, не только, что въ томъ, что показывалъ сіе на меня ложно, по желанію и во исполненіе воли Оренбургскаго военнаго губернатора.

[1]) Таптиковъ, Колесниковъ, Дружининъ, Вѣтошниковъ, Старковъ, Шестаковъ и Дыньковъ.

[2]) Коллежскій же регистраторъ Дыньковъ судился при Оренбургскомъ Уѣздномъ Судѣ.

1827 г. мая 5-го открылись засѣданія комиссіи. Оная комиссія военнаго суда, въ городѣ Оренбургѣ учрежденная, не приняла въ разсмотрѣніе: 1-е, что портупей-прапорщикъ Колесниковъ сбивался и противорѣчилъ себѣ во всѣхъ своихъ показаніяхъ, равно какъ и прочіе его сотоварищи; 2-е, не призывала предъ комиссію, не допросила и не дала очной ставки съ подсудимыми аудитору Кудряшову [1]) и даже не упомянула о немъ въ дѣлѣ; 3-е, отвергнула показанія всѣхъ шести подсудимыхъ и признаніе самого Колесникова въ томъ, что унтеръ-офицеръ Шестаковъ невиненъ и не зналъ не только цѣли злоумышленниковъ, но даже и то, что подписываетъ клятву на вступленіе въ какое-либо тайное общество; 4-е, показаніе рядового Мягкихъ предъ комиссіею, гдѣ, спутавшись видимо въ словахъ своихъ, говорилъ, что онъ ничего не знаетъ; 5-е, показаніе онаго же рядового въ томъ, что, слыша возмутительныя слова, мной произнесенныя, не донесъ о семъ начальству; 6-е, отвѣтъ мой на вопросъ комиссіи, въ коемъ показано мною, что черновыя бумаги, могущія служить къ моему оправданію, исторгнуты у меня, различными обѣщаніями и просьбами, самимъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ; 7-е, ложное донесеніе ассесоровъ комиссіи, подполковниковъ: Покотилова и Тимоѳеева, посланныхъ освидѣтельствовать состояніе и духъ нижнихъ чиновъ Оренбургскаго гарнизоннаго полка, показавшихъ оный въ

---

[1]) Не только аудиторъ Кудряшовъ, но и остальные 24 человѣка, въ спискѣ тайнаго общества имъ показанные, вопреки требованію всѣхъ подсудимыхъ, не были призваны предъ комиссію. Они бы по противоположности и сбивчивости показаній, или на очныхъ ставкахъ, имъ данныхъ, могли бы раскрыть корень зла, самой комиссіей военнаго суда прикрытый, между тѣмъ какъ извѣстно, что многіе изъ нихъ, а особливо капитанъ Алексѣевъ, были дѣятельными членами общества. Къ тому же сомнительная и скоропостижная смерть аудитора Кудряшова, случившаяся въ то самое время, когда отъ него одного зависѣло открыть виновныхъ и спасти погибающихъ, подаетъ поводъ къ важнымъ обвиненіямъ.

наилучшемъ устройствѣ и видѣ, между тѣмъ какъ извѣстно всѣмъ и каждому и подтверждаемо единогласно рядовыми всего полка, что отъ притѣсненій, побоевъ, дурной пищи и утомительныхъ ученій рядовые онаго полка приведены и въ совершенное изнеможеніе и въ опасный духъ неудовольствія; 8-е, желаніе мое, видя личность членовъ ея, судиться при другомъ корпусѣ; и, наконецъ, 9-е, и самое важнѣйшее: семь [1]) пунктовъ, въ первомъ донесеніи моемъ Оренбургскому военному губернатору отъ 14 апрѣля 1827 г. выставленные, но въ комиссіи, какъ руководствующейся личностію, безстыдствомъ и низостію, непоказанные и оставленные въ поясненіи своемъ до того времени, когда Государю Императору угодно будетъ или раскрыть сію истину произведеніемъ слѣдствія на мѣстѣ, или передать оную вѣчному забвенію.

Таковъ былъ ходъ комиссіи военнаго суда, въ г. Оренбургѣ учрежденной. Окончивъ свои засѣданія 14-го мая 1827 г. общимъ приговоромъ къ смертной казни, по разрядамъ, мнимыхъ злоумышленниковъ, она доказала: 1-е, что, окончивъ свои засѣданія въ восемь дней времени, она лишь произвела дѣло неясное, неоконченное, запутанное; 2-е, что, приговоривъ къ смертной казни по неясному, запутанному и неоконченному дѣлу, она сама опровергла всю силу, ясность и полноту законовъ и подлежала чрезъ то всей ихъ строгости; 3-е, что не разобрала и разбирать не умѣла разрядовъ, преступленій; всю силу ихъ и силу наказанія; лѣта и раскаяніе подсудимыхъ; чистоту ихъ намѣреній или злоумышленія, ими таимыя; и, наконецъ, 4-е, что

---

[1]) Сіи семь пунктовъ дѣйствительно во всемъ справедливы, Оные не иначе могутъ быть пояснены, какъ произведеніемъ слѣдствія на самомъ мѣстѣ, и откроютъ ужасный источникъ несправедливостей, низости души, лихоимства и повсемѣстнаго утѣсненія. [См. въ нашемъ изданіи, стр. 107—109. *Ред.*].

не могла и не можетъ по составу членовъ своихъ: личности, низости чувствъ, неправдѣ, раболѣпію и ложному страху, преданныхъ имѣть въ рукахъ своихъ и рѣшать участь государственныхъ преступниковъ.

Всевышнему угодно было избрать меня для раскрытія истины! Повергаюсь съ благоговѣніемъ предъ святымъ его промысломъ, въ надеждѣ на правосудіе и величіе души нынѣ благословенно царствующаго Государя Императора; ожидаю я, чтобы несчастный, пострадавшій отъ несправедливости и злобы судей своихъ, воззванъ былъ изъ мрака темницы получить мзду земную во ожиданіи мзды небесной.

Ипполитъ Завалишинъ каторжный.

Указатель личныхъ именъ.

Акимовъ, капит.-лейт. флота, 5.
Аксеновъ, 15.
Акулина Астафьевна, старушка, 28, 29.
Александръ I, 5, 7, 68.
Алексѣевъ, капитанъ Оренбург. гарн. полка, 114, 122, 153.
Алексѣевъ, прапорщикъ, 101.
Апраксинъ, гр., Владимірскій гражданскій губернаторъ, 117, 134, 136, 141.
Арисовъ, гантлангеръ, 106, 142, 147.
Ахмаметьевъ, коллежскій регистраторъ, 114.
Бабылевъ, хорунжій, 114.
Багрянскій, Михаилъ Ивановичъ, врачъ, масонъ (1762—1813); во время пребыванія въ университетѣ познакомился съ Новиковымъ и др. мартинистами, участвовалъ въ переводѣ мистическихъ книгъ «Дружескаго Общества». Въ 1792 г. вмѣстѣ съ Новиковымъ отправился въ заточеніе въ Шлиссельбургъ, гдѣ прожилъ съ нимъ до его освобожденія. Потомъ былъ инспекторомъ московской медико-хирургической академіи. Умеръ въ Москвѣ, 4.
Бедринъ, плацъ-адъютантъ, 16, 19.
Бестужевъ, Михаилъ Александровичъ, (1800—1871), декабристъ. Осужденъ къ вѣчной каторгѣ по II разряду. Остался на поселеніи въ Селенгинскѣ, женился и занялся сельскимъ хозяйствомъ. По смерти жены переѣхалъ въ Москву и тамъ умеръ, 2.
Богдановскій, генер.-майоръ, 147, 149.
Борисовъ, помѣщикъ, 57.
Бубновъ 1-ый, коллежскій регистраторъ, 114.
Бубновъ 2-ой, коллежскій регистраторъ, 114.
Булановъ, аудиторъ, 18, 22.
Быстрицкій, Андрей Андреевичъ (ум. 1872 г.). Былъ осужденъ военнымъ судомъ I-й арміи въ Могилевѣ и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ былъ на поселеніи въ дер. Хомутовой Иркутской губ.; въ 1856 г. послѣ амнистіи отправился на родину и скончался въ Подольской губерніи, 100.
Вальтеръ-Скоттъ, 13.
Вася, см. Колесниковъ.
Величко, директ. оренб. таможни, 7.
Веригинъ, помѣщикъ, 80.
Веселицкій, ген.-лейт., нач. штаба Оренб. корпуса, 10, 18, 25.
Вишняковъ, совѣтникъ аудиторіатск. департамента, 145.
Волконскій, свѣтлѣйшій князь, Петръ Михайловичъ (1776—1852), генералъ-фельдмаршалъ, 33, 41.

Вѣтошниковъ 1-й, титулярн. совѣтн., 115, 120, 121, 144.
Вѣтошниковъ 2-й, Василій, казачій сотникъ, 8, 11—13, 21, 29, 42, 81, 105, 113—115, 117, 119—121, 124, 126, 130, 135, 138, 140, 145, 150, 152.
Вѣтошниковъ 3-й, 124.
Геймъ, Иванъ Андреевичъ, профессоръ московскаго университета, статистикъ (1758—1821); переселился въ Россію изъ Германіи въ 1779 г. и съ 1793 г. читалъ по русски исторію и математику въ моск. университ.; былъ ректоромъ, 4.
Германъ, Иванъ, бергъ-гауптманъ, начальн. Оренб. заводовъ, 32.
Германъ, Ѳедоръ Ивановичъ, 32, 33.
Горчаковъ, князь, 5.
Граховскій, команд. Оренбургскаго арсенала, 147.
Громницкій, Петръ Ѳедоровичъ (1798—1851), декабристъ, членъ О-ва Соединенныхъ Славянъ, былъ осужденъ по II разряду на 20 лѣтъ каторги. Жилъ на поселеніи въ Черемховѣ, близъ Иркутска, гдѣ и скончался скоропостижно, 102.
Грузиновы, братья, 5.
Дашковъ, штабсъ-капитанъ, 56.
Дементовичъ, прапорщикъ, 114.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ, государственный дѣятель, писатель, 5.
Дружининъ, Хрисанфъ Михайловичъ, 8, 11—13, 20, 21, 24, 29—31, 33, 37, 42—50, 54—57, 60, 74—76, 82, 85, 99, 100, 105, 113, 114, 116—123, 126—131, 135, 136, 138, 140, 143—145, 148, 151, 152.
Дыньковъ, Степанъ, колл. регистр., 8, 12, 114, 117, 120, 124, 130—132, 137, 150, 152.
Егоровъ, унтеръ-офицеръ, 140, 141.
Екатерина II, 3, 4.
Ермолаевъ, 41.
Жемчужниковъ 1-й, ген.-лейт., начальникъ 26-й пѣхотной дивизіи, 12, 139.
Завалишинъ, Ипполитъ, юнкеръ артиллер. училища, 7—13, 17, 18, 21, 22, 36, 37, 42, 49, 50, 54, 56, 57, 64, 68, 75, 77, 82, 85, 86, 89—91, 105—107, 109—111, 113, 114, 116—133, 135—146, 152, 155.
Завалишинъ, Дмитрій, лейтенантъ, декабристъ, 146.
Ивановъ, адъют. Веселицкаго, 22.
Ивановъ, комиссіонеръ (см. Завалишинъ), 7.
Ивановъ, губернскій регистраторъ, 114.
Ивашевъ, Василій Петровичъ, декабристъ; осужденъ по II разряду на вѣчную каторжную работу. Послѣ отбытія каторги въ 1836 г. былъ поселенъ въ Туринскѣ, Тобольской губ., гдѣ и умеръ въ 1840 г., 102.
Ильинъ, повытчикъ городск. полиціи, 114.
Ишимовъ, унтеръ-офицеръ, 140.
Казачковскій, команд. екатеринб. линейнаго батал., 6.
Каменевъ, инвалидный офицеръ, 32.
Кандиба, команд. Охтенскаго порохового завода, 146, 147.
Кашевскій, 77.
Козенъ, генер.-майоръ, 146.
Колесникова, см. Халецкая.
Колесниковъ, Василій Павловичъ, портупей-прапорщикъ. Отбывъ каторгу, К. прожилъ на поселеніи въ Сибири до 1856 г., когда, по манифесту, получилъ право вернуться въ Россію. Годъ смерти установить твердо не удалось. По нѣкоторымъ даннымъ, вѣрность которыхъ подъ вопросомъ, онъ умеръ въ 1862 году, 8, 10—13, 27, 28, 31, 42, 43, 52, 62, 82, 89, 99—102, 105, 110, 112—133, 135—138, 140, 143, 147, 148, 150, 153.
Корелинъ, прапорщикъ, 114.
Коровинъ, рядовой, 106, 130.

Котовъ, штабсъ-капитанъ, 114, 122.
Кочешковъ, майоръ, команд. Оренб. артилл. гарниз., 107, 147, 149.
Крапивинъ, подпоруч., 64, 73, 97.
Крутиковъ, полковой адъютантъ, подпор., 66, 67, 74, 114, 117, 131, 138.
Кудряшовъ, Петръ, аудиторъ кизильскаго гарнизоннаго баталіона, 7—9, 114, 148, 150, 152, 153.
Куроѣдовъ, помѣщикъ, 58.
Куткинъ, генер.-майоръ, 6.
Кучевскій, 100.
Лебедевъ, адъютантъ ген. Эссена, 8, 152.
Левашовъ, генералъ-адъют., 146.
Либина, старушка-мать Ѳедора Ивановича Либина, 67, 68, 78.
Либинъ, Ѳедоръ Ивановичъ, помѣщикъ, 67, 78.
Лопухинъ, Иванъ Владиміровичъ, (1756—1816), извѣстный общественный дѣятель, мистикъ, принималъ дѣятельное участіе въ кружкѣ Новикова, 4.
Лукьяновъ, полковникъ, 18.
Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ (1783—1845), декабристъ, осужденъ по II разряду къ вѣчной каторжной работѣ. Отпущенъ на поселеніе въ 1839 г. и жилъ въ Урикѣ, гдѣ сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Умеръ скоропостижно въ Акатуѣ, куда былъ вновь сосланъ за написанный имъ разборъ донесенія слѣдственной комиссіи для напечатанія за-границей, 102.
Максимовъ, квартальный офицеръ, 32.
Максимовъ, губернскій регистраторъ, 114.
Марченко, начальн. отдѣленія, 145.
Марія Ѳеодоровна, императрица, супруга имп. Павла I, 5.
Масловъ, жандармскій полковн., 77.
Медвѣдевъ, подпор., 27.
Миловановъ, генералъ аудиторъ, 145.
Митьковъ, Михаилъ Фотьевичъ, (1790—1849), декабристъ, принадлежалъ къ Сѣверному обществу и былъ членомъ петербургской думы о—ва. Онъ осужденъ по II разряду на 20 лѣтъ каторги. Скончался въ Красноярскѣ, Енисейской губ., 102.
Михайловъ, подпоручикъ, 11, 114.
Михайловъ, прапорщ. Оренб. гарниз. полка, 122.
Мицкевичъ, 77.
Муравьевъ, Александръ Николаевичъ (1792—1863), декабристъ, принадлежалъ къ Сѣверному о—ву, былъ осужденъ по VI разряду къ 6-ти лѣтней каторжной работѣ и ссылкѣ на поселеніе въ Якутскъ, но былъ возвращенъ и назначенъ городничимъ въ Верхнеудинскѣ, а въ 1828 г. переведенъ на ту же должность въ Иркутскъ, потомъ въ Тобольскъ, гдѣ былъ назначенъ тобольскимъ губернаторомъ. Въ 1834 г. былъ переведенъ въ Вятку, потомъ въ Симферополь, а въ 1856 г. назначенъ Нижегородскимъ губернаторомъ. Онъ принималъ участіе въ крестьянской реформѣ 1861 г. и былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а потомъ назначенъ присутствовать въ московскомъ департаментѣ сената. Умеръ въ Москвѣ. Былъ масономъ, 101.
Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Ивановичъ (1793—1886), декабристъ; принадлежалъ къ Сѣверному о—ву, былъ осужденъ по I разряду и сосланъ на каторгу, а потомъ въ вѣчное поселеніе въ Вилюйскъ Якутской области. Въ 1836 г. былъ переведенъ въ Ялуторовскъ. Здѣсь прожилъ до амнистіи 1856 г.,

послѣ которой переѣхалъ въ Тверь, а потомъ въ Москву, гдѣ и скончался, 128, 130.
Мухановъ, Петръ Александровичъ (1795—1854), декабристъ; принадлежалъ къ Сѣверному о-ву; былъ осужденъ по IV разряду въ каторжную работу. На поселеніи въ 40-хъ годахъ жилъ въ Усть-Кудѣ. Скончался въ Иркутскѣ скоропостижно незадолго до своей свадьбы, 102.
Мягковъ, рядовой, 106, 128, 130, 152, 153.
Наполеонъ, 76.
Наумовъ, штабсъ-капитанъ, 114.
Невзоровъ, Максимъ Ивановичъ (1762—1827), изд. журн. «Другъ Юношества», поэтъ и публицистъ, другъ Н. И. Новикова и И. Лопухина, 4.
Николай I, 7, 105.
Новиковъ, Николай Ивановичъ (1744—1818), извѣстный общественный дѣятель, 3, 4.
Новиковъ, подпоруч., 117, 146, 149.
Нѣмцевичъ, 77.
Окуневъ, полковникъ, 30.
Орловъ, гр. Григорій Владиміровичъ (1777—1826), сенаторъ.
Павелъ I, 4, 5.
Пащенко, 145.
Пенской, дѣлопроизвод. аудиторъ, 12.
Первушинъ, рядовой, 106, 130.
Пестель, московскій почтъ-директоръ, 3.
Петровъ, Александръ Семеновичъ, 81—83.
Покотиловъ, 12, 153.
Половоротовъ, губернскій регистраторъ, 114.
Попова, Александра Ивановна, 71, 74.
Поповъ, тамож. чиновн., 70.
Прозоровской, кн., 3, 4.
Реслеинъ, генер.-майоръ, команд. казанск. порохового завода, 149.
Родіоновъ, подпоручикъ, 114.
Розенбергъ, плацъ-адъютантъ, 101.
Руговъ, портупей-прапорщ., 131, 138.
Саша, подруга дѣтства Колесникова, 33, 38, 66, 74.
Селифонтовъ, 5.
Сергевнинъ, поручикъ, 114.
Соколовъ, прапорщикъ, 114, 122.
Соколовъ, коллежскій регистраторъ, 114.
Сорокинъ, инвал. прапорщ., 80, 81.
Старковъ, Иванъ, портупей-прапорщикъ, 8, 11—13, 21, 29, 37, 105, 113—115, 117, 120, 121, 127, 130—132, 135, 138, 140, 144, 145, 150, 152.
Стеллихъ, генер.-майоръ, командиръ 1-й бригады 26-й пѣхотн. дивизіи, 101, 115.
Суворовъ, 3.
Сухановъ, унтеръ-офицеръ, 140, 145.
Сухиновъ, 100.
Сычуговъ, хорунжій, 114.
Таптикова, 22, 37, 38, 40, 43, 47, 71.
Таптиковъ, прапорщикъ, 8, 11—13, 18, 21, 22, 25, 37, 47—50, 54—56, 59, 64, 69, 74—76, 82, 85, 100, 101, 105, 110, 112—114, 116—118, 120—126, 128—132, 134—136, 138—140, 143, 152.
Татьяна Ивановна, племянница Крапивина, 79.
Тимковскій, Василій Ѳедоровичъ, 10, 11.
Тимофеевъ, полковникъ, 12, 153.
Трубецкой, кн., Сергѣй Петровичъ (1791—1860), декабристъ; принадлежалъ къ Сѣверному о-ву и былъ осужденъ по I разряду въ вѣчную каторжную работу. Въ 40-хъ годахъ Т. жилъ на поселеніи въ Оекѣ. Послѣ амнистіи 1856 г. Т. жилъ въ Кіевской губерніи, а въ концѣ 50-хъ годовъ переселился въ Москву, гдѣ и скончался, 102.
Тюменева, Авдотья Ивановна, 53, 55, 58.
Тюменева, Ефимья Ивановна, 52, 53.

Тюменева, Прасковья Ивановна, 52, 53.
Тюменевъ, Иванъ, инвал. поруч., 51, 52, 56.
Тюменевы, семейство, 54, 55, 57, 59.
Углицкій, полк., 29.
Урусова, княжна, 67, 68.
Федоровъ, унтеръ-офицеръ, 140, 141.
Филиповичъ, прапорщикъ, 114.
Халецкій, штабсъ-капит., бригадный адъютантъ, вотчимъ автора воспоминаній, 27, 28, 115, 127, 131, 132, 137, 138, 143, 144, 150.
Халецкая, по первому браку Колесникова, мать автора записокъ, 21, 23, 24, 28, 31, 43—48, 74, 115.
Храповицкій, 3.
Ціолковскій, полковникъ, 30, 115, 120.
Шестаковъ, Андрей, унтеръ-офицеръ, 8, 11—13, 16, 21, 29, 37, 105, 113, 114, 121, 126, 127, 130, 135, 137, 138, 140, 143—145, 150, 152, 153.
Шимановскій, штабсъ-капитанъ, 114, 140, 145.
Шишковской, 4.
Штейнгель, бар. Владиміръ Ивановичъ (1783 — 1863), декабристъ; былъ осужденъ по III разряду на 20 лѣтъ каторги. Въ 1836 г. былъ переведенъ на поселеніе въ с. Еланское около Иркутска, потомъ жилъ во многихъ мѣстахъ Сибири, пока въ 1846 г. не попалъ въ Тобольскъ, гдѣ прожилъ до амнистіи. Скончался въ Петербургѣ, 2, 4, 5, 11—13, 33, 92, 93, 100, 102.
Штемпель, команд. батал. внутр. стражи въ Москвѣ, 7.
Эссенъ, полковникъ, 12.
Эссенъ, командиръ Оренб. отдѣльн. корпуса, военный губернаторъ, 9—13, 33, 51, 53, 54, 56, 105, 106, 115, 116, 125, 131, 134, 139, 140, 142, 146, 149, 151—154.
Юрьевъ, майоръ, 114.
Ѳедоровъ, унтеръ-офицеръ, 42.

Поправки:

На стр. 4 ошибочно указаны иниціалы Гейма и Невзорова. Слѣдуетъ читать: «И. А. Геймомъ» и «М. И. Невзоровъ» (См. указатель, стр. 157 и 159).

Изданія к-ва „Огни“.

Библіотека мемуаровъ. Мое Время. Григорія Винскаго. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 2 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. Записки несчастнаго (В. П. Колесникова), содержащія путешествіе въ Сибирь по канату. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. Записки Н. В. Басаргина. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 2 р.

Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники 1770 — 1838. — Е. А. Сабанѣевой. Предисловіе Д. А. Корсакова. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1914 г. Ц. 1 р.

Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой. (1854 — 1855). Редакція и примѣчанія кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго и со вступительной замѣткой С. Ѳ. Ольденбурга. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.

Изъ Московской жизни 40-хъ годовъ. Дневникъ Е. И. Поповой. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына. Спб. 1911 г. Ц. 2 р. 25 к.

Бѣлинскій. Письма. Три тома. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Спб. 1914 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к.

Былины. Старинки богатырскія. Вступительная статья Е. А. Ляцкаго. Тексты избраны Е. А. Ляцкимъ. Художественная рамка и виньетки исполнены В. А. Никольскимъ по стариннымъ образцамъ. Въ приложеніи: ноты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Спб. 1911 г. Ц. 2 р.

Стихи духовные. Словеса золотыя. Вступительная статья Е. А. Ляцкаго. Тексты избралъ Е. А. Ляцкій, при участіи Н. С. Платоновой. Въ приложеніи: ноты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Спб. 1912 г. Ц. 2 р.

Русскіе художники. Суриковъ. Текстъ В. А. Никольскаго. Портретъ художника и 7 репродукцій съ его картинъ. Рек. Уч. Ком. М. Н. П. Спб. 1910 г. Ц. 1 р.

Иностранные художники. Пювисъ де-Шаваннъ. Текстъ Я. А. Тугендхольда. Съ портретомъ художника и 7 репродукціями съ его картинъ. Спб. 1911 г. Ц. 1 р.

А. Родэнъ. Искусство. Переводъ Л. М. Со многими иллюстраціями. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 75 к.

Р. Тепферъ. О прекрасномъ въ искусствѣ. Переводъ съ фр. М. Г. Спб. 1913 г. Ц. 90 к.

Къ новымъ далямъ. Сборникъ стихотвореній современныхъ поэтовъ (1900—1910). Бальмонтъ, Бунинъ, Брюсовъ, Гиппіусъ, Лохвицкая, Маковскій, Соловьева (Allegro), Ѳедоровъ, Чюмина и др. Составила Л. Д. Свербеева. Изданіе художественное. Спб. Ц. 90 к.

Б. Садовской. Пятьдесятъ лебедей. Стихотворенія (1909—1911). Спб. 1913 г. Ц. 1 р.

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными (1865—1875). Со статьей Е. А. Ляцкаго и примѣчаніями М. Н. Чернышевскаго. Портреты, рисунки, автографъ. Вып. I. Спб. 1912 г. Ц. 2 р.

— То же. Вып. II (1876—1877). Спб. 1913 г. Ц. 2 р.

— То же. Вып. III (1878—1883). Спб. 1914 г. Ц. 2 р.

А. А. Кондратьевъ. Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Портреты. Спб. 1912 г. Ц. 1 р.

Евг. Ляцкій. Гончаровъ. Жизнь. Личность. Творчество. Критико-біографическіе очерки. Изданіе 2-е, значительно переработанное и дополненное. Портреты, автографъ. Спб. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Н. Толстой. Картинки Отечественной войны изъ романа „Война и миръ". Извлечено М. П—ой. Спб. 1912 г. Ц. 15 к.

Книга о святомъ Францискѣ Ассизскомъ. Предисловіе и переводъ В. Конради. Изданіе художественное. Спб. 1913 г. Ц. 3 р.

Джордано Бруно. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣчанія Алексѣя Золотарева. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

За изданіями к-ва „Огни" обращаться въ книжный складъ „Жизнь и Знаніе": Спб., Фонтанка, 38, кв. 19.

16985
Библиотека

2-50

Д-79-80

(24)

20

University of N.C. at Chapel Hill
000052377 54